

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2017

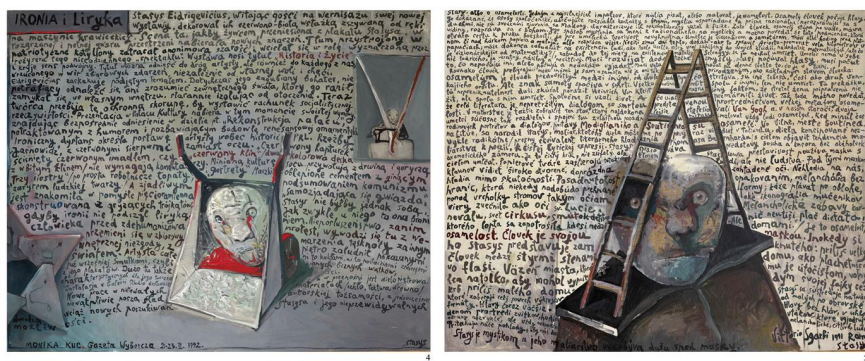
Выпуск изображений

Стасис Эйдригявичюс (р. 1949), литовец, с 1980 года живущий в Польше, выдающийся живописец, график, иллюстратор, перформер и драматург; пользуется широким признанием в мире искусства от Японии до Соединенных Штатов. В этом номере «НП» вы можете прочитать разговор со Стасисом Эйдригявичюсем. Фото: Э. Лемпп

Из архива Стасиса Эйдригявичюса: 1. Antique, 2. Mirror, 3. Bond

4. Ирония и лирика (Ironia i liyka), 5. Ladder

6. Departing mask, 7. Ecologist, 8. Horse on the head

9. Знак креста (Znak krzyża), 10. Урок анатомии по Рембрандту и Ван Гог (Lekcja anatomii według Rembrandta i Van Gogha), 11. Падение ножа (Upadek noża)

12. The Song of Marina Abramowicz, 13. Не убей (Nie zabijaj)

14. C'est une pipe, 15. Rozmowa (Conversation)

16. Pusty worek (Pusty worek), 17. Podróż (Podróż), 18. Drabina (Drabina)

Содержание

1. Веди свой плуг по костям умерших
2. Хроника (некоторых) текущих событий
3. Экономическая жизнь
4. Плюс – минус
5. Война в кофейнях
6. Выписки из культурной периодики
7. Стихотворения
8. Подлинность
9. Культурная хроника
10. Юлия Хартвиг (1921–2017)
11. Наталья Дмитриевна Солженицына с визитом в Кракове
12. Путешествие в Краков
13. Литература польского Просвещения (1740–1815)
14. Михал Задара
15. Луцкий госпиталь, в котором спасли солдата Помяновского
16. Заметки о Ежи Помяновском
17. Путешествие
18. Из редакционной почты

Веди свой плуг по костям умерших

А теперь внимание!

*Некогда, кроток душой,
По опасной тропе
Праведный шел человек,
Пробираясь долиною смерти.^[1]*

Я уже в том возрасте и в таком состоянии, что перед сном должна хорошенько вымыть ноги на случай, если Ночью меня заберет скорая.

Проверь я в тот вечер в «Эфемеридах», что происходит на небе, — вообще бы не ложилась. А так заснула, как убитая, напившись чаю из шишек хмеля и проглотив две таблетки валерьянки. Поэтому, когда посреди Ночи меня разбудил стук в дверь — оглушительный, настойчивый, а потому и зловещий — я никак не могла прийти в себя. Вскочила и стояла, пошатываясь, возле кровати — разоспавшееся, содрогающееся тело не могло в одночасье перескочить из сонной невинности в грубую действительность. Мне стало нехорошо, я покачнулась, будто собиралась упасть в обморок. Увы, в последнее время такое со мной случается нередко, это связано с моим Недугом.

Пришлось присесть и несколько раз повторить себе: я дома, сейчас Ночь, кто-то дубасит в дверь — только тогда удалось успокоиться. Ища впотьмах тапочки, я услышала, как тот, кто дубасил в дверь, теперь обходит дом и что-то бурчит. Внизу, в нише для электрических счетчиков, у меня стоит баллончик с парализующим газом — подарок Дионизия, чтоб защищаться от браконьеров — и я о нем вспомнила. В темноте удалось нащупать знакомый холодный предмет с аэрозолем, и, вооружившись им, я зажгла свет на крыльце. Выглянула в боковое окошко. Снег заскрипел, и в поле зрения появился сосед — я его называю Кшиштонем. Руками он прижимал к бедрам полы своего старого тулупа; я иногда вижу, как он работает в этом тулупе возле своего дома. Из-под тулупа торчали ноги в полосатой пижаме и тяжелых ботинках для ходьбы по горам.

— Открой, — сказал он.

С нескрываемым удивлением он взглянул на мой летний

льняной костюм, в котором я сплю (летом профессор со своей женой хотели его выбросить, а мне он напоминает о давнишней моде и временах моей молодости — вот так я совмещаю Полезное с Сентиментальным), и бесцеремонно прошел в дом.

— Будь добра, оденься, Снежный человек умер.

От неожиданности я лишилась дара речи; без слова натянула высокие сапоги и набросила первую подвернувшуюся под руку теплую куртку, что висела на вешалке. На крыльце, в свете лампы, падающий снег превратился в медленный, сонный, белокипенный душ. Кшиштонь стоял рядом молча, высокий, худой, костистый, словно нарисованный несколькими штрихами карандаша. При малейшем движении с него, словно сахарная пудра с пончика, слетал снег.

— Как это «умер»? — со стиснутым горлом, наконец, спросила я, закрывая дверь, но Кшиштонь не ответил.

Он вообще неразговорчив. Очевидно, в знаке, ответственном за молчание, у него стоит Меркурий в доме Козерога или в конъюнкции, или в каком-нибудь квадранте, а, может, и в оппозиции с Сатурном. Такое случается и тогда, когда Меркурий в ретроградации — все это дает скрытность.

Мы вышли из дома, и на нас тут же обрушились каскады привычного холодного и влажного воздуха, который каждую зиму напоминает о том, что мир не был создан для Человека, и по крайней мере полгода подтверждает, насколько он нам враждебен. Мороз грубо накинулся на наши щеки, изо рта поплыли белые облака пара. Свет на крыльце автоматически погас, и по скрипящему снегу мы зашагали в полной темноте, если не считать света от налобного фонарика, который дырявил темноту только в одной перемещающейся точке — чуть-чуть впереди Кшиштона. Я топала во Мраке за его спиной.

— У тебя что, фонарика нет?

Конечно же есть, но где он лежит? Об этом я бы узнала только утром, при дневном освещении. С фонариками всегда так: их видно только средь бела дня.

Дом Снежного человека стоял чуть в стороне, выше других домов. Был он одним из трех, где жизнь продолжалась круглый год. Он, Кшиштонь и я жили тут, не боясь зимы; остальные обитатели уже в октябре наглухо закрывали свои жилища, спускали воду из труб и возвращались в город.

Мы свернули с худо-бедно расчищенной дороги, что проходит через наше поселение и тропинками расходится к каждому дому. К Снежному человеку вела настолько узкая, проложенная в глубоком снегу тропка, что приходилось ставить одну ногу впереди другой, стараясь при этом не потерять равновесия.

— Картина будет не из приятных, — предостерег Кшиштонь, повернувшись и ослепив меня на секунду.

Ничего другого я не ожидала. Он с минуту помолчал, а потом, будто желая оправдаться, говорит:

— Обеспокоил меня свет у него на кухне и лай собаки, душераздирающий такой. Ты ничего не слышала?

Нет, не слышала. Спала, одурманенная хмелем и валерьянкой.

— Где теперь эта Сучка?

— Я ее забрал оттуда, взял к себе, накормил, кажется, она успокоилась.

Снова молчание.

— Он всегда ложился спать рано, гасил свет, экономил, а тут горит и горит. Светлая полоса на снегу. Из окна моей спальни видно. Я и пошел туда, подумал: наверно, напился или над собакой издевается, раз она так воет.

Прошли мимо покосившегося сарая и через минуту фонарик Кшиштоня вырвал из темноты две пары светящихся глаз — зеленоватых, флюоресцирующих.

— Смотри, косули, — сказала я возбужденным шепотом и схватила его за рукав тулупа. — Как близко подошли к дому. И не боятся?!

Косули стояли в снегу почти по самое брюхо. Смотрели на нас спокойно, будто мы их застали за каким-то ритуалом, смысла которого нам не дано понять. Было темно, и я не могла сообразить, те ли это Барышни, что осенью пришли к нам из Чехии или какие-то новые? И почему только две? Тех, по крайней мере, было четыре штуки.

— Идите домой, — сказала я им и замахала руками. Дрогнули, но с места не сошли. Спокойно проводили нас взглядом до самых дверей. Мурашки поползли у меня по спине.

Меж тем Кшиштонь сбивал с ботинок снег перед дверью запущенного домика. Маленькие окошки законопачены фольгой и бумагой, деревянную дверь прикрывал лист черного толя.

Стены в сенях обложены дровами для топки в печи — неровными чурками. Что и говорить, неприятно здесь было. Грязь, запущенность. Тянуло сыростью, волглыми поленьями и землей — мокрой и прожорливой. Многолетний запах дыма въелся в стены, сажа осела на них толстым слоем.

Дверь в кухню была приоткрыта, и я тут же увидела лежащее на полу тело Снежного человека. Едва его коснувшись, мой взгляд тут же отпрянул. Прошло немного времени, прежде чем я смогла опять взглянуть в ту сторону. Вид был чудовищный.

Он лежал весь скрюченный, в странной позе, с руками на шее, будто хотел сорвать с нее давящий воротник. Как

загипнотизированная, я шаг за шагом подходила к нему все ближе. Увидела открытые глаза, впившиеся взглядом во что-то под столом. Грязная футболка была разорвана возле шеи.

Выглядело это так, будто тело боролось само с собой и,

поверженное, пало. От Ужаса меня пробрал мороз, кровь остановилась в жилах, и мне почудилось, что потом она схлынула куда-то в самую глубь моего существа. Еще вчера я видела это тело живым.

— Боже мой, — пробормотала я. — Что произошло?

Кшиштонь пожал плечами.

— Не могу дозвониться до полиции, сигнал только от чешского оператора.

Я вытащила из кармана свой мобильник, выстукала номер, который знала из телевизионных новостей — 997 — и через несколько секунд в моем телефоне отозвался чешский голос. И вот так здесь почти всегда. Сигнал дрейфует, не обращая внимания на государственную границу. Бывает, что граница зон обслуживания разных операторов на довольно длительное время устанавливается посреди моей кухни, случалось, что несколько дней она проходила вблизи дома Кшиштона или на его террасе — трудно предвидеть ее химерический характер.

— Надо было выйти из дому и подняться на горку, — дала я ему запоздалый совет.

— Пока они приедут, он уже совсем остынет, — сказал Кшиштонь тоном, который я у него особенно не любила: будто он умнее всех. Он снял тулуп и повесил на спинку стула. — Нельзя его так оставить. Выглядит паршиво, но, в конце концов, он ведь был нашим соседом.

Я смотрела на это несчастное, скрюченное тело, и мне с трудом верилось, что еще вчера я его боялась. Я не любила его. Может, «не любила» — слабо сказано. Надо бы сказать: он мне казался жутким, омерзительным. Я его даже за Человека не считала.

Сейчас он лежал на грязном полу, в неопрятном белье, маленький и худой, бессильный и безвредный. Так себе — комок материи, которая в результате невероятных преобразований отгородилась от всего живого хрупкой сущностью. Мне стало ужасно грустно, поскольку даже такой отвратительный человек не заслужил смерти. А кто заслужил? Меня тоже ждет такая судьба, и Кшиштона, и Косуль; все мы когда-нибудь станем всего лишь мертвым телом и ничем более.

Я взглянула на Кшиштона, ища у него хоть какого-то утешения, но тот уже принялся стелить разворошенную постель — логово на продавленной кушетке — и мне пришлось утешать саму себя в мыслях. И тогда мне пришло в голову, что смерть Снежного человека, в каком-то смысле, может быть чем-то позитивным. Освободила его от хаоса собственной жизни. Освободила от него другие живые Существа. Внезапно я поняла, насколько позитивной, насколько справедливой может оказаться смерть — как антисептическое средство, как пылесос. Признаюсь, именно так я и подумала, и так продолжаю думать

до сих пор.

Снежный человек был моим соседом, между нашими домами никак не более полукилометра, но я редко имела с ним дело. К счастью. Скорее издалека наблюдала, как невысокая, жилистая фигура, вечно чуточку пошатывающаяся, перемещается на фоне ландшафта. По ходу он что-то бормотал себе под нос, причем иногда ветер и акустика нашего Плато приносили мне обрывки его монолога, в принципе бесхитростного, не отличающегося разнообразием, состоящего в основном из проклятий, к которым он присовокуплял имена собственные. Он знал здесь каждый уголок, здесь, кажется, и родился, но дальше Клодзка носа никогда не высывывал. Он отлично понимал, что такое лес — на чем можно подзаработать, что кому продать. Грибы, ягоды, ворованное дерево, хворост, силки, ежегодный рейд внедорожников, охота. Лес кормил этого маленького гнома. Ему бы уважать лес, но он его не уважал. Как-то в августе, во время засухи, Снежный человек поджег целый черничник. Я позвонила пожарникам, но спасти удалось немного. Мне так и не удалось узнать, зачем он это сделал. Летом он бродил по окрестностям с пилой и спиливал налившиеся соком деревья. Когда я, с трудом сдерживая Гнев, сделала ему вежливое замечание, он ответил мне по-простому: «Вали отсюда, старуха». Только еще сочнее. Подрабатывал он тем, что крал, прикарманивал, тырил; когда отдыхающие оставляли во дворе фонарь или секатор, тут же пользовался случаем и прибирал к рукам все, что можно было потом оприходовать в городе. По мне, к нему уже не раз должны были применить какое-либо наказание или даже послать за решетку. Не пойму, как это ему все сходило с рук. Может, ангелы остерегали — бывает же, что они выбирают не ту сторону. Знала я и то, что он браконьерствует всеми возможными способами. Он трактовал лес, как свое личное хозяйство — все в нем принадлежало ему. Он был типом гангстера. Много Ночей я не спала из-за него. От полного бессилия. Несколько раз звонила в Полицию — если там поднимали трубку, то вежливо выслушивали жалобу, но потом ничего не происходило. Он опять отправлялся в лес, с перекинутыми через плечо силками, зловеще покрикивая. Маленькое, злобное божество. Злонравное и непредсказуемое. Он вечно был чуть навеселе, и, видно, алкоголь освобождал в нем зловерный норов. Он всегда бубнил что-то под нос, а палкой ударял по стволу деревьев, будто хотел их прогнать прочь с дороги; казалось, он уже родился в состоянии легкого омрачения. Я не раз ходила по его следу, собирая примитивные проволочные капканы на Зверей, петли, привязанные к молодым пригнутым к земле деревцам таким образом, что пойманный Зверек выстреливал вверх, как из рогатки, и зависал в воздухе. Иногда

я находила мертвых Зверей — Зайцев, Барсуков и Косуль.

— Надо бы перенести его на кушетку, — сказал Кшиштонь. Не нравилась мне эта идея. Не нравилась, потому что придется дотронуться до него.

— Думаю, стоит подождать Полицию, — сказала я. Но Кшиштонь уже приготовил место на кушетке, подтянул рукава свитера и испытующе глянул на меня своими светлыми глазами.

— Тебе бы самой, наверно, не хотелось, чтоб тебя нашли в таком виде. Не по-человечески это.

О да, тело человека — нечеловеческое, это уж точно. Особенно мертвое.

Разве это не мрачный парадокс: заниматься телом Снежного человека? Этой последней маетой, которую он нам оставил? Нам, соседям, кого не уважал, не любил и на кого ему было наплевать.

По мне, после Смерти материя должна аннигилировать. Это лучшее решение для тела. Аннигилировавшие тела возвращались бы прямиком в черные дыры, туда, откуда они вышли. Души странствовали бы по свету со скоростью света. Если вообще Душа, как таковая, существует.

Преодолевая в себе страшное сопротивление, я сделала все так, как велел Кшиштонь. Мы взяли тело за руки и за ноги и перенесли его на кушетку. Я еще удивилась: тело было тяжелым и совсем не казалось бессильным, скорее упрямо негнувшимся — неприятное, как накрахмаленное постельное белье, которое везешь из прачечной. Увидела я и носки или то, что было вместо них на ногах — грязные тряпки, портянки из разорванной на полосы простыни, серой и в пятнах. Не знаю, почему вид этих портянок так сильно поразил меня в грудь и диафрагму, так поразил все мое тело, что я уже не могла сдержатъ рыданий. Кшиштонь с явным укором бросил на меня холодный взгляд.

— Пока они не приехали, надо его одеть, — сказал он, и я заметила, как от вида этой человеческой нищеты у него дрожит подбородок (хотя по непонятным причинам он не хочет в этом признаться).

Сперва мы попытались стянуть с него футболку — грязную и вонючую — но через голову никак не получалось, тогда Кшиштонь достал из кармана какой-то причудливый ножичек и разрезал материал на груди. Теперь Снежный человек лежал перед нами полуголый, волосатый, как тролль, со шрамами на груди и руках и уже неотчетливыми татуировками, среди которых я не смогла найти ничего стоящего. Сквозь иронический прищур глаз тело его наблюдало, как мы в развалившемся шкафу ищем хоть что-то приличное, во что его можно одеть, пока оно не остыло окончательно и снова не

превратилось в то, чем, по сути, и было — комком материи. Рванные трусы торчали из-под новеньких серебристых треников.

Я осторожно размотала эти омерзительные портянки и увидела его ступни. Они потрясли меня. Я всегда считала, что ступни — наша самая интимная, самая сокровенная часть тела, а вовсе не гениталии, не сердце и даже не мозг — органы не имеющие существенного значения, хотя их высоко ценят. Именно в ступнях спрятаны все сведения о Человеке, туда со всего тела сплывает важный смысл того, кто мы такие на самом деле и как относимся к земле. В месте соприкосновения с землей, на ее стыке с телом сокрыта вся тайна: что состоим мы из кирпичиков материи и одновременно чужды ей, обособлены от нее. Ступни — это наши штепсельные вилки для контакта. А его голые ступни свидетельствовали, что был он иного происхождения. Не мог он быть Человеком. Судя по всему, он представлял собой какую-то безымянную форму, одну из тех, что — по словам нашего Блейка — «расплавляют металлы в текущие жидкости, превращают порядок в хаос»^[2]. Не исключено, что был он чем-то вроде демона. Демонические существа узнаешь по ступням, они оставляют на земле другой след.

Эти ступни — очень длинные и узкие, с тонкими пальцами, с черными, бесформенными ногтями, казалось, были созданы для того, чтобы хватать. Большой палец отставал от остальных, как если бы это была ладонь. Стопы заросли густым черным волосом. Кто-нибудь видел такое? Мы с Кшиштонем переглянулись.

В полупустом шкафу нашли костюм кофейного цвета, кое-где запятнанный, но в принципе почти не ношенный. Я его никогда на нем не видела. Он вечно ходил в валенках и потертых штанах, к этому, независимо от времени года, надевал клетчатую рубаху и стеганную безрукавку.

Одевание мертвеца связалось у меня с мыслью о ласках. Не думаю, чтоб он познал такую нежность в своей жизни.

Осторожно поддерживая за предплечья, мы натягивали на него одежду. Его тело опиралось на мою грудь, и когда вызывающая тошноту волна естественного отвращения миновала, мне внезапно захотелось прижать его к себе, похлопать по спине, сказать что-нибудь утешительное: не беспокойся, все будет хорошо. Но я этого не сделала из-за присутствия Кшиштона. Он бы счел такое извращением.

Неосуществленные жесты превратились в мысли, и мне стало жаль Снежного человека. Может, его бросила мать, и он был обездоленным всю свою жалкую жизнь. От несчастья Человек за долгие годы деградирует в бóльшей степени, чем от

смертельной болезни. Я никогда не видела у него гостей, не появлялись у него ни родственники, ни друзья. Даже грибники не задерживались возле его дома, чтобы поболтать. Люди боялись и не любили его, кажется, что водил он знакомство только с охотниками, да и то редко. Было ему, на мой взгляд, около пятидесяти, и я бы многое отдала, чтобы увидеть его восьмой дом: нет ли там связанных меж собой каким-либо аспектом Нептуна с Плутоном и Марса где-нибудь на Асценденте — поскольку с той зубастой пилой в жилистых руках он напоминал хищника, что живет только для того, чтобы сеять смерть и причинять страдание.

Собираясь надеть на него пиджак, Кшиштонь приподнял его и посадил на кушетке, и тогда мы увидели, что его язык, большой и распухший, что-то придерживает во рту; после минутного колебания, стискивая зубы от отвращения, я всунула руку ему в рот и тут же отдернула, всунула и отдернула, и так до тех пор, пока осторожно не ухватила этот предмет за конец и тогда увидела, что в руке у меня косточка — длинная, тонкая и острая, как стилет. Послышалось горловое бульканье, и из мертвого рта вышел воздух — тихий свист, напоминающий вздох. Мы оба отскочили, и, наверно, Кшиштонь ощутил то же, что я: Ужас. Особенно потому, что через минуту на губах Снежного человека появилась темно-красная, почти черная кровь. Зловещий ручеек, выплывший наружу.

От страха мы застыли.

— Ну что ж, — сказал тогда Кшиштонь дрожащим голосом, — подавился. Кость застряла у него в горле, встала поперек, вот и подавился, — нервно повторял он. А потом, как бы успокаивая самого себя, бросил: — За работу. Дело неприятное, но обязанности в отношении близких не всегда должны быть приятными.

Я поняла: он поставил себя начальником этой ночной смены, и я подчинилась.

Теперь мы целиком предалися заданию: натянуть на Снежного человека кофейный костюм и придать ему в лежащем положении достойную позу. Я давно не касалась чужого тела, не говоря уже о мертвом. Чувствовала, как с каждой минутой он все больше остывает и каменеет — вот мы и спешили. И когда Снежный человек уже лежал в праздничном костюме, лицо его полностью лишилось человеческого выражения, он стал трупом, никаких сомнений не было. Только указательный палец правой руки не хотел подчиниться традиции — сплестись с остальными — торчал вверх, будто хотел обратить наше внимание и на какое-то время приостановить наши нервные спешные усилия. «А теперь внимание! — говорил этот палец. — Теперь внимание, поскольку есть кое-что, чего вы не видите, существенная отправная точка скрытого от вас

процесса, достойная самого пристального внимания. Благодаря ему мы сошлись в одном месте в то же самое время — в маленьком доме на Плато, среди снегов, в Ночи. Я — мертвое тело и вы — не слишком-то важные престарелые человеческие Существа. Но это лишь исходная точка. И вот только сейчас начнет разворачиваться действие».

Мы стояли с Кшиштонем в холодной, влажной комнате, в морозной пустоте, воцарившейся в мутном свете, и я подумала, что то, что выходит из тела, заодно высасывает из него кусок мира и, будь это выходящее хоть добрым, хоть злым, виновным или непогрешимым, от него остается лишь один большой пшик.

Я взглянула в окно. Серело, и постепенно эту серизну стали заполнять ленивые снежинки. Падали они неспешно, лавируя в воздухе и, точно перья, вращались вокруг собственной оси. Снежный человек уже покинул нас, и трудно было на него обижаться. Осталось тело, мертвое, облаченное в костюм. Теперь оно выглядело спокойным и удовлетворенным, будто дух радовался тому, что, наконец-то, освободился от материи, а материя радовалась тому, что, наконец-то, освободилась от духа. За столь короткое время произошел метафизический развод. Конец.

Мы уселись на кухне, при открытых дверях, и Кшиштонь потянулся за стоящей на столе початой бутылкой водки. Нашел чистую рюмку и налил — сначала мне, потом себе. Сквозь заснеженные окна медленно струился рассвет, молочный, как больничные лампочки, и в этом свете я заметила, что Кшиштонь небрит, что щетина у него такая же седая, как у меня волосы, что его полосатая стиральная-перестиральная пижама, высовывающаяся из-под тулупа, застегнута не на все пуговицы, а сам тулуп в пятнах.

Я выпила немаленькую рюмку водки, и она разогрела меня изнутри.

— Думаю, что мы исполнили свою обязанность перед ним. Иначе кто бы это сделал? — убеждал Кшиштонь скорее себя, чем меня. — Был он мелкой несчастной дрянью, ну и что с того? Он налил себе еще рюмку, выпил одним духом, и его передернуло. Видно, с непривычки.

— Пойду звонить, — сказал он и вышел. А я подумала: затошнило его.

Я встала и окинула взглядом этот страшный балаган. Я надеялась, что где-нибудь отыщу удостоверение личности Снежного человека с датой рождения. Мне хотелось знать его данные для расчета Гороскопа.

На столе, прикрытом вытертой клеенкой, стояла жаровня с обуглившимися кусками какого-то Животного, а рядом в кастрюле спал борщ, покрытый тонким слоем жира. Ломоть

хлеба, отрезанный от буханки, масло в фольге. На полу, на рваном линолеуме валялось еще несколько остатков Животного, которые упали со стола вместе с тарелкой, стаканом и кусочками пирога, и все это было раздавлено, втоптанно в грязный пол.

И тогда на подоконнике, на протвиньке, я заметила то, что мозг мой распознал не сразу, настолько отказывался верить увиденному — ровно отрезанную голову Косули. Рядом с ней лежали четыре ножки. Должно быть все это время полуоткрытые глаза внимательно следили за нашими действиями.

Да, это была одна из тех изголодавшихся Барышень, которые зимой по наивности позволяют заманить себя в силки замороженными яблоками, а попавшись, умирают в муках, задушенные проволокой.

Когда, наконец, до меня дошло, что здесь произошло, меня охватил Ужас. Он поймал Косулю в силки, убил, четвертовал, запек и съел. Одно Существо съедало другое, в Ночи, в молчании. И никто не протестовал, не раздался ни один раскат грома. Но все же Наказание настигло демона, хоть ни один человек не препроводил сюда смерть.

Быстро, дрожащими руками я собрала маленькие косточки в одно место, в кучку, чтоб позднее их похоронить. Нашла старый полиэтиленовый пакет и по одной клала эти косточки в пластиковый саван. Туда же осторожно положила голову.

Я так хотела узнать дату рождения Снежного человека, что стала нервно искать его удостоверение личности; сначала на буфете, среди бумаг, листков календаря и газетных страниц, потом в ящиках — там в деревенских домах хранят документы. И там оно было — зеленые корочки потерты, наверно, уже не действительное. На фотографии Снежному человеку было лет двадцать с небольшим, продолговатое, несимметричное лицо, прищуренные глаза. Даже тогда красотой он не блистал.

Огрызком карандаша я записала дату и место рождения.

Родился он 21 декабря 1950 года. Здесь.

Надо бы добавить, что в том ящике было еще кое-что: несколько фотографий, совсем новых, цветных. Я, по привычке, быстренько их проглядела, но одна привлекла мое внимание. Поднесла ее к глазам и уже хотела отложить. Но никак не могла сообразить, что же я вижу. И вдруг на меня обрушилась тишина, и я оказалась в ее центре. И смотрела. Тело мое напряглось, я была готова принять бой. Голова кружилась, в ушах нарастало мрачное гудение и грохот, будто из-за горизонта надвигалась многотысячная армия — голоса людей, лязг железа, скрип колес, и все такое далекое-далекое. Гнев делает ум ясным и проницательным, и тогда видишь больше. Он устраняет все другие эмоции, становится властелином тела.

Нет сомнений, что из Гнева рождается всякая мудрость, поскольку Гнев может преодолеть любые границы. Трясущимися руками я всунула фотографии в карман и в следующую минуту почувствовала, как все приготовилось к старту, как включились моторы сего мира, как его механизмы пришли в движение — заскрипела дверь, на пол упала вилка. Из глаз посыпались слезы.

Кшиштонь стоял в дверях.

— Не стоил твоих слез.

Сжав губы, он сосредоточенно выстукивал номер.

— Все время чешский оператор. Надо пойти на горку. Пойдешь со мной?

Мы тихонько закрыли за собой дверь и поплелись, проваливаясь в снег. На горке Кшиштонь стал крутиться вокруг собственной оси с двумя телефонами в вытянутых руках — искал сигнал. Перед нами в серебристо-пепельных отблесках рассвета лежала Клодзкая котловина.

— Привет, сынок, — сказал Кшиштонь в телефон. — Надеюсь, я тебя не разбудил?

Голос в трубке что-то ответил, но я ничего не поняла.

— Наш сосед умер. Думаю, костью подавился. Сейчас. Сегодня ночью.

Голос опять что-то сказал.

— Нет еще. Позвоню сразу. Сигнала не было. Мы с пани Душейко, с моей соседкой, если помнишь, — тут он взглянул на меня, — уже одели его, чтоб не окостенел...

И снова голос, на сей раз в нем слышится раздражение.

— Во всяком случае он уже в костюме...

Тогда тот, с кем разговаривал Кшиштонь, зачастил быстро и тараторил так довольно долго. Кшиштонь отстранил телефон от уха и с отвращением взглянул на него.

Потом мы позвонили в Полицию.

Вечный свет

Рожденному в земную часть

Придется снова в землю пасть.^[3]

Когда я вернулась домой, уже рассвело, и я от усталости совершенно перестала воспринимать действительность: мне опять показалось, что слышу в сенях топот Девочек, вижу их вопрошающие глаза, сморщенный лобик, улыбку. И тело уже приготовилось было к ритуальным приветствиям и нежностям.

Но — в доме никого. Зимняя белизна вливается в окна мягкими волнами, и в комнату упрямо вползает огромное открытое пространство Плато. Я спрятала голову косули в гараж, где стоял холод, подбросила в печь дрова. И не

раздеваясь, легла, заснув мертвецким сном.

— Пани Янина.

И через минуту снова, чуть громче:

— Пани Янина.

Меня разбудил голос, доносящийся из сеней. Низкий, мужской, несмелый. Там кто-то стоял и звал меня, по имени, которое я ненавижу. Я обозлилась вдвойне: во-первых, потому что мне снова не давали спать и, во-вторых, называли так, как я не люблю и не одобряю. Имя это дали мне по неведению, легкомысленно. Такое происходит, когда Человек не задумывается над значением Слов, а тем более Имен, и использует их наобум. Я не позволяю, чтоб ко мне обращались: «пани Янина».

Я встала, поправила на себе одежду, которая выглядела не бог весть как, я ведь спала в ней не первую Ночь, и вышла в сени. Там в луже растаявшего снега стояли двое деревенских мужчин. Оба высокие, плечистые, усатые. Я забыла закрыть входную дверь, вот они и вошли; наверно, поэтому выглядели слегка виноватыми — это похвально.

— Мы бы хотели попросить вас к нам прийти, — отозвался один из них низким голосом.

И они улыбнулись, смущаясь. Я заметила, что у них одинаковые зубы. И вспомнила, кто это: они работали на вырубке леса. Я их видела в магазине, в деревне.

— Я только что вернулась оттуда, — пробурчала я.

Они сказали, что Полиция еще не приехала и что ждут Ксендза. Что Ночью засыпало дороги. Даже шоссе до Чехии и Вроцлава непроездное, и трейлеры застряли в длинных пробках. Но вести расходятся по окрестностям быстро, и несколько знакомых Снежного человека пришло пешком. Мне почудилось, что эти капризы погоды поднимают у них настроение. Уж лучше мериться силой со снежной пургой, чем со смертью.

Я шла за ними по пушистому белому-пребелому снегу. Он был свеж, и от низкого зимнего Солнца покрылся румянцем.

Мужчины прокладывали мне дорогу. Оба были в валенках, всунутых в высокие калоши из тонкой резины — здесь это единственная зимняя мужская мода. Широкими подошвами они протапывали мне маленький туннель.

Возле дома стояли другие мужчины, курили. Отводя глаза, нерешительно мне поклонились. Смерть их знакомого лишала каждого из этих людей уверенности в себе. У них было одинаковое выражение лица — показной серьезности и формальной торжественной грусти. Разговаривали между собой приглушенными голосами. Тот, кто выкурил сигарету, заходил в дом.

Все без исключения были с усами. Стояли угрюмо возле кушетки. Поминутно открывалась дверь, и приходили

новенькие, принося с собой снег и металлический запах мороза. Многие из них когда-то работали в госхозе, теперь же находились на пособии по безработице, хотя время от времени были заняты на вырубке леса. Некоторые ездили на заработки в Англию, но быстро возвращались, испугавшись тамошних обычаев. Другие упрямо вели свои маленькие, не приносящие доходов хозяйства, которые держались за счет доплат из Евросоюза. Одни мужчины. От их дыхания запотели стекла, в воздухе витал легкий запах сивухи, табака и влажной одежды. Они украдкой бросали взгляд на тело. Слышно было, как задвигают носом, но неизвестно, от мороза ли, а может, действительно, к глазам этих верзил подбиралась слеза, но не имея там выхода, стекала в нос. Ни Кшиштоня, ни кого-нибудь из знакомых не было.

— Начинайте, — шепнул мне тот, кого, как мне казалось, я откуда-то знаю.

Я не поняла.

— Начинайте петь.

— Что именно петь? — забеспокоилась я не на шутку. — Я не умею петь.

— Что-нибудь, — сказал он, — лучше всего «Вечный покой».

— Почему я? — спросила я нетерпеливым шепотом.

Тогда тот, что стоял ко мне ближе всех, ответил решительным тоном:

— Потому что вы женщина.

Ах, вот оно что. Значит, так сегодня проставлены ударения. Я не понимала, какое отношение к пению имеет мой пол, но сейчас мне не хотелось возражать против традиции. «Вечный покой». Я слышала эту песнь в раннем детстве на похоронах (будучи взрослой, я уже на похороны не ходила). Слов не помнила. Правда, достаточно было начать, как тут же хор низких голосов присоединился к моему мизерному голосочку, и возникло нерешительное фальшивое многоголосие, которое с каждым следующим куплетом приобретало уверенность в себе, а я быстро запоминала простые слова о Вечном Свете, который, как все мы верили, озарит и окутает всех нас и Снежного человека тоже.

Пели мы вот так с час, одно и то же, пока слова не перестали что-либо означать, будто были камешками в море, которые бесконечно переворачивает волна, и они становятся круглыми, похожими друг на друга, как две песчинки. Несомненно, это успокаивало, лежащее мертвое тело все больше теряло реальные черты, пока не стало поводом для встречи людей, тяжело работающих на открытом всем ветрам Плато. Мы пели о Свете, который, правда, существует где-то далеко, и мы его пока не видим, но увидим после смерти. Сейчас он представляется нашему взору, как сквозь стекло, как в кривом

зеркале, но когда-нибудь мы встретимся с ним лицом к лицу. И он нас озарит и укутает, как мать, ведь мы же из него вышли. И носим в себе его частицу, каждый из нас, даже Снежный человек. Поэтому смерть должна нас радовать. Вот так я пела и размышляла, хотя в принципе, никогда не верила ни в какое персональное распределение Света. Этим не может заниматься никакой Бог, никакой небесный бухгалтер. Сущности, особенно всеведущей, было бы тяжело вынести столько страданий.

Думаю, она бы распалась под натиском этих страданий, разве что заранее запаслась какими-нибудь защитными механизмами, как Человек. Только машина могла бы перенести всю боль этого мира. Только машина — простая, эффективная и справедливая. Но если бы все происходило механически, то наши молитвы никому не нужны.

Когда я вышла на улицу, оказалось, что усатые мужчины, вызвавшие ксендза, встречают его возле дома. Священник застрял в сугробах, и только сейчас его удалось привезти на тракторе. Ксендз Шелест (так я его мысленно назвала) отряхнул сутану и изящно спрыгнул с трактора. Ни на кого не глядя, быстрым шагом направился в дом. Прошел рядом со мной, и меня окутало облако одеколона и коптящего камина.

Кшиштонь отлично все организовал. В своем рабочем тулупе, как распорядитель, он из большого китайского термоса наливал кофе в пластиковые стаканчики и раздавал скорбящим. Мы стояли перед домом и пили горячий, сладкий кофе.

Вскорости приехала Полиция. Точнее, не приехала, а пришла, потому как машину ей пришлось оставить на асфальтовой дороге — полицейская машина не имела зимних шин.

Пришло их трое — двое полицейских и один в гражданском, в длинном черном пальто. К тому времени, когда они, тяжело дыша, добрались до дома в ботинках с налипшим на них снегом, все уже вышли на улицу, проявив, по-моему, вежливое и уважительное отношение к власти. Оба полицейских оказались людьми черствыми, формалистами, и было видно, что душат в себе злость на обильный снег, долгую дорогу и общие обстоятельства случившегося. Сбив снег с ботинок, они без слова исчезли в доме. Тем временем дядька в черном пальто ни с того, ни с сего подошел к Кшиштоню и ко мне.

— Здравствуйте, — обратился он ко мне, — привет, папа.

Он сказал: «Привет, папа» и сказал это Кшиштоню.

Вот уж бы никогда не подумала, что у Кшиштоня сын может работать в полиции, к тому же, в таком забавном черном пальто.

Кшиштонь, растерявшись, довольно неуклюже представил нас друг другу, но я даже не запомнила официального имени Черного Пальто, потому что они сразу отошли в сторону, и я слышала, как сын забросал отца претензиями, обращаясь к

нему на «вы»:

— О Господи, папа, почему вы прикасались к телу? Вы что, кино не смотрите? Каждый знает: что бы ни случилось, к телу нельзя прикасаться до тех пор, пока не приедет полиция.

Кшиштонь защищался слабо, будто его парализовал факт, что он разговаривает с сыном. Мне казалось, что будет наоборот, что разговор со своим ребенком прибавит сил.

— Сынок, он ужасно выглядел. Ты бы сам так поступил.

Подавился чем-то, был скрюченный и грязный... Это ведь наш сосед, мы не хотели, чтоб он лежал на полу как... как..., — он подыскивал слова.

— ... Животное, — уточнила я, подходя к ним ближе. Я не могла стерпеть, что Черное Пальто так отчитывает отца. — Подавился костью Косули, которую он, браконьер, заманил в силки. Отмщение из-за гроба.

Черное Пальто мельком взглянул на меня и обратился к отцу:

— Папа, вас могут обвинить в том, что вы препятствовали следствию. И вас тоже, — это он уже мне.

— Шутишь, наверно. Вот это да! И имей тут сына прокурором. Тот решил закончить этот позорный разговор.

— Хорошо, пап. Но потом вам обоим придется все рассказать Полиции. Не исключено, что ему сделают вскрытие.

Жестом, выражающим нежность, но в котором чувствовалось доминирование, он легонько похлопал Кшиштона по плечу, будто сказал: ладно, старичок, теперь я сам займусь всем этим. Потом исчез в доме покойника, а я, не дожидаясь, чем дело кончится, пошла к себе домой, озябшая и охрипшая. С меня хватит.

Из окон своего дома я видела, как со стороны деревни к нам приближается снегоуборочная машина — Белоруска, как ее тут называют. В результате ближе к полудню к дому Снежного человека удалось подъехать катафалку — длинной, низкой, темной машине с окнами, завешанными черными занавесками. Но только подъехать. Когда часу в четвертом, когда уже начинало смеркаться, я вышла на террасу, вдалеке на дороге рассмотрела движущееся черное пятно — это усаые мужчины героически толкали катафалк с телом товарища в гору, на вечный покой в Вечном Свете.

Перевод Ольги Лободзинской

-
1. Уильям Блейк. «Бракосочетание Неба и Ада». Перевод С. Я. Маршака
 2. Уильям Блейк. «Песни Невинности и Опыта». Перевод С. Степанова.
 3. Уильям Блейк, «Песни опыта». Перевод С. Степанова.

Хроника (некоторых) текущих событий

• «Сегодня наше отечество становится влиятельным международным игроком, наши силы растут, и мы должны этим гордиться. Нынешней оппозиции и не снилось, что Польша может занимать в мире такие серьезные позиции. (...) Страна развивается, а усиление государства и рациональное управление им начинают приносить людям ощутимую выгоду. Растет экономика, снижается уровень безработицы. (...) Гражданам нашей страны присущи ум и зрелость. (...) Для современных элит, доминирующих в Европе, руководство Речи Посполитой крайне неудобно, поскольку хочет, чтобы Польша была сильной, защищает наши интересы, открыто заявляет о своей приверженности христианским ценностям, об укреплении польской экономики. (...) Я не сомневаюсь, что господин президент Трамп замечает и ценит потенциал Центральной Европы», — президент Польши Анджей Дуда. («Газета Польска», 28 июня — 4 июля)

• Фрагменты выступления президента Дональда Трампа на площади Красинских в Варшаве. «В польском народе видно душу Европы. Ваш народ велик, поскольку силен духом. (...) Вы ни разу не уронили своего достоинства. (...) Польша живет, Польша развивается, Польша побеждает. (...) Вы — гордый народ Коперника, Шопена и Иоанна Павла II. Польша — это страна героев. Ваш народ действительно знает, за что сражается. (...) Торжество польского духа на протяжении столетий дает нам всем надежду на будущее. (...) История Польши — это история народа, который никогда не терял надежды, никогда не позволял сломить себя и никогда не забывал, кто он. Вы — народ с тысячелетней историей. (...) Для меня великая честь видеть рядом с собой ветеранов и героев Варшавского восстания. (...) Никому не удавалось сокрушить отвагу и силу польского характера. (...) Вы никогда не теряли силу своего духа. (...) Польша всегда будет побеждать. (...) Польша — это благословение для народов Европы. (...) Мы приветствуем решение Польши о приобретении у США проверенных в бою комплексов противовоздушной и противоракетной обороны «Патриот». Лучших в мире». («Газета Польска», 12-18 июля)

• «Визит Дональда Трампа был очень важен для нас: он не случайно выбрал Варшаву и не случайно произнес именно эти, а не другие слова. (...) Сегодня мы живем в совершенно другой

реальности. (...) И визит президента США доказывает это. (...) Совершенно не случайным и крайне важным был религиозный акцент выступления Дональда Трампа — отсылка к системе христианских ценностей на фоне происходящего в Европе четко указывает, что нужно делать. (...) Президент Трамп продемонстрировал блестящее знание польской истории, и это было очень важно. Его познаниям в истории нашей страны позавидовали бы и специалисты. (...) Мы были поражены красноречием американского президента, содержательностью его речи, его познаниями в истории и тем, как он прямо и открыто говорит о национальных ценностях и о Боге», — Ян Ольшевский, бывший премьер-министр. («Газета Польска», 12–18 июля)

• «Американский президент льстит полякам. Сегодня они его лучшие солдаты и последователи. (...) Дональд Трамп (...) мифологизирует поляков. (...) Он сказал полякам то, что они хотели услышать, а услышав, натешиться своим самодовольством, выразившимся в протяжных столах наслаждения, которыми собравшаяся толпа и ее ясновельможные представители награждали чуть ли не каждую фразу Трампа. (...) Мы застряли в собственных мифах, (...) а в это время в пятистах километрах от Варшавы проблемы и перспективы у людей уже совсем другие, и это они формируют облик нашего мира», — Томаш Ковальчук. («Жечпосполита», 12 июля)

• «Успех Польши зависит от ее позиций в Евросоюзе. Пока что ее статус в ЕС выглядит хуже некуда. И как тут не вспомнить, что последние восемь лет ситуация была совсем иная. Польша заинтересована в сильном Евросоюзе, а польское правительство делает всё, чтобы ослабить ЕС. (...) В интересах США договариваться с Россией. (...) Это реальные интересы Америки, и было бы глупо думать, что американский президент откажется от них, преисполнившись благодарности за Костюшко и Пулаского, впечатлившись героизмом варшавских повстанцев или очаровавшись председателем Качинским либо его президентом Анджеем Дудой», — Ян Видацкий. («Пшеглэнд», 10–16 июля)

• «Несколько тысяч человек, собравшихся на площади Красинских, слышали, кроме прочего, и слова о роли Леха Валенсы. “Мы счастливы, что сегодня к нам присоединился Лех Валенса, прославленный лидер «Солидарности»”, — заявил президент США, на что толпа отреагировала свистом. “Как раз здесь свистки в адрес Валенсы были неуместны”, — прокомментировал пресс-секретарь президента Анджее Дуды». (Михал Коланко, «Жечпосполита», 7 июля)

• «На площадь Красинских в Варшаве людей свезли на автобусах со всей Польши, вручили им фанерные транспаранты с

готовыми надписями и флаги. (...) Оранжеволикий субъект наслаждался невиданным ранее зрелищем — толпа, которую организовано, как при коммунизме, доставили на автобусах, с энтузиазмом скандирует ему, словно Иоанну Павлу II: “Останься у нас!”. И тут же кричит “Предатель!” при виде героя Леха Валенсы. Того самого Валенсы, которого тысячи тех же самых поляков приветствовали на стадионах в 1981 году, скандируя: “Л-е-е-ех! Л-е-е-ех!”», — Збигнев Холдс. («Ньюсуик Польска», 10-16 июля)

- «В саммите Трехморья (союза стран ЕС, граничащих с Адриатическим, Балтийским и Черными морями — В.К.) приняли участие представители 12 стран Центральной и Восточной Европы. Почетным гостем саммита был Дональд Трамп». («До жечи», 10-16 июля)

- «Инициатива Трехморья отстроит весь регион, гарантировав, что ваша инфраструктура, так же как наши обязательства в области безопасности, прав и свобод, соединит вас с Европой и всем западным миром», — заявил Трамп, обращаясь к участникам саммита. (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 7 июля)

- «В пятницу в Варшаве в присутствии президента Польши Анджея Дуды и президента Хорватии Колинды Грабар-Китарович был подписан пакет двусторонних договоренностей, направленных на реализацию концепции Трехморья». («Газета Польска цодзенне», 8-9 июля)

- «Критика Польши со стороны Евросюза усиливается. Макрон обвиняет поляков в измене, а также в том, что они относятся к ЕС как к супермаркету. Меркель в принципе поддерживает его. Италия требует ограничить европейские дотации тем странам, которые не хотят принимать беженцев. Европейская комиссия проводит процедуры, связанные с этой проблемой, также продолжается процедура относительно нарушений законности в Польше. (...) Даже Чехия, которая до сих пор поддерживала очень близкие контакты с Польшей, теперь дистанцируется от нас». (Бартош Т. Велинский, «Газета выборча», 1-2 июля)

- «Европейская комиссия подтвердила во вторник, что она начинает официальную процедуру в связи с нарушением законодательства ЕС. Эти нарушения выражаются в невыполнении директив Евросюза, датируемых сентябрем 2015 года, относительно релокации 160 тыс. беженцев, находящихся во временных лагерях в Греции и Италии. В соответствии с директивами на долю Польши приходится 6 тыс. 182 человека». (Из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 14-15 июня)

- «По данным опроса, проведенного Институтом рыночных и социологических исследований, 60,4% респондентов не хотели бы, чтобы Польша принимала беженцев в рамках системы

релокации ЕС, а 36,6% опрошенных согласны с этим». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 16 июня)

- «На вопрос “Должна ли Польша отказаться принимать беженцев, даже если за это ей будут грозить финансовые санкции?” 53% опрошенных ответили “да”, 34% — “нет”, а 13% — “не знаю”. Опрос агентства “SW Research”». («Ньюсуик Польска», 26 июня — 2 июля)

- «Еще два года назад 70% поляков с одобрением относились к идее принять в нашей стране беженцев. Сегодня же (...) расклад мнений изменился с точностью до наоборот. (...)»

Государственное телевидение убедило поляков, что террористы и беженцы — это одно и то же. И эта волшебная формула надежно защищает правительство ПИС. (...) 51% наших сограждан согласны на выход из ЕС, если нахождение в его составе будет обязывать нас проявить европейскую солидарность и принять символическое количество беженцев.

(...) Напомню, что Польша приняла 90 тыс. беженцев-мусульман из Чечни без всякого шума, без страха, практически без разговоров», — Якуб Бежинский. («Политика», 5-11 июля)

- «На вопрос “Согласны ли вы с позицией католической Церкви, предлагающей помогать беженцам через так наз. гуманитарные коридоры?” более 60% опрошенных ответили “нет”, 33% — “да”, а 6% не определились с ответом. Опрос Института рыночных и социологических исследований от 23-24 июня. («Жечпосполита», 28 июня)

- «Кризис, связанный с беженцами, продемонстрировал всю фальшивость наших представлений о самих себе. Вопреки тому, как и где мы жили все эти годы, мы так и не стали толерантными, гостеприимными, смелыми. Нас даже нельзя назвать католиками — ведь для католика последней инстанцией в вопросах этики и морали выступают епископы и сам Папа. Заявления поляков говорят об одном — мы один из самых нетолерантных, негостеприимных, трусливых и нехристианских народов Европы», — Марек Мигальский, бывший депутат Европарламента. («Жечпосполита», 12 июля)

- «Поляки, наверное, меньше всех в Европе имеют право критиковать тех, кто ищет для своей семьи лучшие экономические условия. Мы — 52-миллионный народ, населяющий 32-миллионную страну. Больше всего поляков живет в Варшаве, однако ее уже догоняет Лондон. (...) Мы, государство поляков, так до сих пор и не выработали какой-либо иммиграционной политики, стратегии. Нет у нас и модели интеграции, позволяющей беженцам влиться в общество», — о. Мечислав Пушевич. («Политика», 12-18 июля)

- «И правительство, и президент считают, что для победы на выборах в 2019 и 2020 годах нужно культивировать в поляках страх перед иммигрантами. (...) 40 тысяч поляков ежегодно

умирают от смога (...), 3500 погибают в автокатастрофах, 500 гибнут от рук других поляков, 200 женщин в день (sic!) в нашей стране становятся жертвами изнасилования, а поляки при этом больше всего боятся, что их убьет исламский террорист. Это показывает уровень нашего безумия. (...) А речь на самом деле идет о том, чтобы гарантировать Качинскому и Дуде дальнейшее сохранение власти». (Марек Мигальский, бывший депутат Европарламента. («Жечпосполита», 14-15 июля)

• «Напугать людей довольно легко. Если в вашем распоряжении имеются масс-медиа, особенно телевидение, любое общество можно превратить в истерящую перепуганную толпу. Толпу, которая разучилась думать и позволяет собой манипулировать. Это совершенно отвратительная политическая стратегия. Она очень выгодна для манипуляторов, одновременно представляя смертельную опасность для демократии. Она заставляет людей делать подлости, отказываться от основных моральных и гуманистических ценностей. Поляки, враждебно и агрессивно относящиеся к жертвам войны и насилия — это не народ, а жалкая карикатура, не стесняющаяся апеллировать к памяти о героях предыдущих поколений. Эта политическая стратегия наносит самый большой вред моральному состоянию нашего общества. Польша становится страной этически нечистоплотной и антихристианской», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, министр юстиции и министр иностранных дел. («Польшка», 19 июня)

• «Конгресс ПИС. (...) В нем участвовал 961 представитель партийных структур и много гостей. (...) Выступление Ярослава Качинского продолжалось 71 минуту. (...) Одних членов правительства председатель правящей партии похвалил, (...) о других отозвался негативно, (...) а о некоторых министрах не обмолвился ни словом. (...) “Хочу подчеркнуть, что мы не эксплуатировали тех стран, откуда к нам сегодня приезжают беженцы. Мы не пользовались их трудом, не приглашали их в Европу. Так что у нас есть полное моральное право сказать «НЕТ»”, — заявил Качинский». (Яцек Лизиневич, «Газета Польшка цодзенне», 3 июля)

• «Делегация в составе 21 ученика школы имени Теодора Хойса в Берлине приехала на прошлой неделе в Польшу. Среди школьников были родившиеся в Германии дети иммигрантов из Турции, Ливана и Палестины. Проект, в котором участвовали школьники, должен был помочь понять, откуда взялись нацизм и фашизм, почему случился Холокост. (...) У 18-летней Далмы на голове был платок. На Литевской площади, в самом центре Люблина, к Далме подошел мужчина средних лет и молча плюнул ей в лицо. (...) Полицейские только рассмеялись. (...) “Мы приехали, чтобы понять, как зарождается фашизм. И узнали это на собственном опыте”, — говорит

Магдалена Загурски, полька, родившаяся в Берлине, переводчица группы. (...) В Лодзи подростки, носящие хиджаб, несколько раз подвергались оскорблениям на улицах. (...) В Варшаве в гостинице одну из учениц осыпали ругательствами. (...) Мужчина в Старом городе отказался продавать им воду.

“Расизм знаком нам по Берлину, однако он ни в какое сравнение не идет с тем, что мы увидели здесь”, — написали дети». (Кацпер Суловский, «Газета выборча», 27 июня)

• «21 июня в Люблине поляк плюнул в лицо школьнице из Берлина, у которой на голове был мусульманский платок. (...) 26 июня в Ченстохове, на проспекте Пресвятой Девы Марии, 38-летний поляк попытался избить индуса. Неделей раньше в Гданьске водитель “скорой помощи” угрожал переехать мексиканца, называя его гориллой и пожирателем бананов. (...) 25 июня в Сопоте мужчина не впустил в костел женщину с чернокожим ребенком. 9 июня в Варшаве водитель автобуса выгнал из салона чернокожего мужчину из Того. (...)»

Представитель правительства по вопросам равноправия Адам Липинский молчит. Власти заявляют, что не пустят сюда ни одного “так называемого беженца”». (Эва Седлецкая, «Газета выборча», 1-2 июля)

• «8 июня Европейский суд по правам человека в ходе рассмотрения дела одного из чеченцев, ходатайствующего в Польше о признании статуса беженца, применил процедуру *interim measure* — распоряжения о временном приостановлении депортации иностранца, если его возвращение в родную страну представляет угрозу для его жизни либо может обернуться бесчеловечным отношением. (...) Несмотря на то, что этот беженец находился в польском Тересполе, он был выслан в Беларусь. На следующий день, с копией решения ЕСПЧ в руках, он предпринял очередную попытку пересечь границу. Но пограничная служба вновь его непустила. “Польша открыто нарушила закон”, — говорит Яцек Бялас из Хельсинкского фонда прав человека». (Людмила Ананникова, «Газета выборча», 12 июня)

• «Польше не удалось блокировать выгодных для Украины торговых льгот со стороны ЕС, несмотря на все попытки нашего правительства и польских депутатов Европарламента. (...) Евросоюз, тем не менее, решил предоставить Украине дополнительные беспощинные квоты на пшеницу, ячмень, кукурузу, мед и томатную пасту». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 16 июня)

• «Любой житель Польши, не одурманенный национально-католической пропагандой ненависти, прекрасно отдает себе отчет в том, что Украина для нас — это своего рода буфер. Сейчас ее атакует путинская Россия, там погибло уже свыше 10 тысяч украинцев. И даже тот, кто не способен проявить

солидарность с жертвами войны и мыслит только узконациональными эгоистическими категориями, должен понять, насколько важно для Польши, чтобы Украина стала сильнее. (...) Все польские политические партии, представленные сегодня в Европарламенте, проголосовали за ограничение доступа Украины к рынку ЕС. А ведь такой доступ — это один из важнейших элементов помощи Украине. Польские политики продемонстрировали мелочный эгоизм, являющийся противоположностью рационального понимания собственных интересов», — Лешек Бальцерович. («Дзенник газета правна», 23–25 июня)

- «С этого воскресенья украинцы смогут въезжать на территорию Евросоюза без виз. (...) С начала 2017 года польские органы власти зарегистрировали более 730 тыс. заявлений от фирм, принимающих на работу украинцев. Тем временем статистика говорит, что на территории Польши пребывает 1,4 млн украинских граждан. Можно с уверенностью предположить, что остальные 670 тыс. (...) работают нелегально». (Анджей Талага, «Жечпосполита», 14–15 июня)

- «2016 год был в этом смысле рекордным — зафиксировано более 1,5 тыс. записей о сделках по приобретению недвижимости, не требующих разрешения, совершенных в Польше гражданами Украины. Более тысячи приобретенных объектов — это обособленные жилые помещения. (...) Граждане Украины и фирмы с участием украинского капитала возглавляют перечень иностранцев, купивших в прошлом году землю (109 разрешений на приобретение площади менее 20 гектаров), а также сельскохозяйственные и земельные участки (15 разрешений применительно к 12,47 гектаров недвижимости)». («Жечпосполита», 20 июня)

- «За все время, пока действует новый закон об охране природы, вступивший в силу 1 января 2017 года, страна могла потерять 3 млн деревьев. (...) Массово вырубались деревья на дачных участках, где раньше чиновники не позволяли осуществлять вырубку. Рубили деревья и в негосударственных лесах. (...) Это происходило со скоростью автомата, так как владельцы недвижимости боялись, что закон быстро изменится. (...) Может показаться, что в масштабах всей экономики три миллиона деревьев — это совсем немного. Однако деревья, растущие в городах, играют совсем другую роль и представляют другую ценность для человека. По данным американских специалистов, такое дерево ценнее дерева, растущего в лесу, в сотни, а то и в тысячи раз. (...) Исправить уже ничего нельзя, вырубленных деревьев не вернуть. Вырубались крупные экземпляры, насчитывающие 60–80 лет (и старше — В.К.). Разумеется, можно пересадить в города деревья из питомников, однако одно такое дерево обойдется в 10–20 тыс.

евро», — Збигнев Карчун, доктор наук. («Газета выборча», 24-25 июня)

- «В Беловежской пуще в коммерческих целях вырубаются деревья, в которых уже нет никакого жука-короеда и которые по закону должны быть сохранены. Тяжелая техника уничтожает пущу в период гнездования птиц. (...) Проводится хозяйственная посадка растений, превращающая лесное пространство в обычную плантацию. (...) Поэтому мы осуществляем мирную блокаду тяжелой техники», — Катажина Ягелло, эксперт «Гринпис» в области экологического сельского хозяйства. («Жечпосполита», 22 июня)

- «Варшавская манифестация в защиту Беловежской пущи собрала около пяти тысяч человек. (...) Организаторы позаботились, чтобы марш прошел без эксцессов». (Сильвия Хутник, Гражина Плебанек, «Политика», 5-11 июля)

- «Комитет всемирного наследия ЮНЕСКО призвал польские власти немедленно прекратить вырубку деревьев в самой старой части Беловежской пущи и допустить экспертов». («Жечпосполита», 6 июля)

- «На вопрос, остановит ли министерство окружающей среды вырубку в Беловежской пуще после принятого в среду решения комитета ЮНЕСКО, премьер-министр Беата Шидло ответила: “Нет такого решения ЮНЕСКО”. (...) Слова премьер-министра вызвали возмущение экологов. (...) “Государственные леса” после решения ЮНЕСКО так и не скорректировали своих планов относительно вырубки. (...) В самой пуще экологи проводят мирную блокаду тяжелой техники по вырубке деревьев». (Александр Гургуль, «Газета выборча», 8-9 июля)

- «Вчера Европейская комиссия сообщила в пресс-релизе о передаче дела в Европейский суд. “В связи с тем, что вырубка деревьев приобрела значительный масштаб, Европейская комиссия обращается в Европейский суд с целью обязать польскую сторону немедленно приостановить вырубку”, — говорится в пресс-релизе. Как подчеркивают члены комиссии, имеются доказательства, указывающие, что вырубка деревьев не преследует целей охраны пущи и выходит за рамки допустимых действий по обеспечению равномерного использования леса». (Александр Гургуль, «Газета выборча», 14 июля)

- «Дискуссия, развернувшаяся вокруг Беловежской пущи, на самом деле отражает давний идеологический спор. (...) Тон в нем задают западные левацкие круги. (...) Не стоит также забывать о культурных различиях, обусловленных религией. Протестантизм несколько иначе подходит к вопросам природы, нежели католицизм, сформировавший ментальность поляков. (...) Некоторые деревья в определенном возрасте начинают портить пейзаж, а также вызывают различные конфликты

между соседями», — проф. Ян Шишко, министр окружающей среды. («До жечи», 3-9 июля)

- «Министерство окружающей среды предложило внести в законодательство изменения, которые “в особых случаях” позволяли бы пренебречь охраной отдельных видов и ареалов обитания, находящихся под защитой европейской сети охраны окружающей среды “Природа 2000”. Против этих планов выступила Польская академия наук». (Александр Гургуль, «Газета wyborcza», 6 июля)

- «“Мы требуем немедленно прекратить вырубку деревьев в Беловежской пуще”, — с таким совместным призывом выступили ректоры Ягеллонского (проф. Войцех Новак) и Варшавского (проф. Мартин Палыс) университетов, ректор Варшавской политехники (проф. Ян Шмидт), а также президент Польской академии наук (проф. Ежи Душинский)». («Газета wyborcza», 11 июля)

- 14 деканов и 20 проректоров естественных факультетов польских университетов обратились с открытым письмом к президенту Анджею Дуде, премьер-министру Беате Шидло и министру Яну Шишко. «Авторы письма выступают “против продолжающегося и планируемого грубого вмешательства в ценнейшие экосистемы нашей страны, особенно в экосистемы Беловежской пущи и больших польских рек”. (...) “Мы считаем, что нынешняя экономическая политика, в том числе принимаемые министерством окружающей среды нормативно-правовые акты, посредством невосполнимого уничтожения природных богатств разоряет страну и общество, а также угрожает явлениями катастрофического характера”, — говорится в письме». (Александр Гургуль, «Газета wyborcza», 28 июня)

- «Если мы говорим, что виновные в нарушении конституции должны предстать перед Государственным трибуналом, то не будем тогда забывать и об ответственности за преступления перед окружающей средой. Пусть ответят, чтобы уже никогда и никому в Польше не пришлось в голову пойти по стопам министра Шишко и его приспешников», — Адам Вайрак. («Газета wyborcza», 24-25 июня)

- «Организация “Amnesty International” обеспокоена применением уголовного и административного права в отношении протестующих». «“Amnesty International” призывает власти обеспечить гражданам возможность участвовать в демонстрациях, являющихся формой выражения своих взглядов», — говорится в заявлении организации относительно протестов 10 июня в Варшаве. («Газета wyborcza», 4 июля)

- «В комиссариате полиции Длуголенки в окрестностях Вроцлава вчера был допрошен Владислав Фрасынюк.

Оппозиционер времен ПНР участвовал 10 июня в варшавской контрманифестации во время памятных мероприятий, посвященных Смоленской катастрофе. (...) От дачи показаний Фрасынюк отказался». («Газета wyborcza», 5 июля)

- «Сегодня мы публикуем расшифровку записей, неопровержимо доказывающих, что полиция (...) следит за активистами ассоциации “Граждане РП” и лидером партии “Современная” Рышардом Петру», — Ярослав Курский, главный редактор. («Газета wyborcza», 27 июля)

- «ПИС взяла под свой контроль центры сельскохозяйственных консультаций, региональные расчетные палаты и фонды охраны окружающей среды в воеводствах. (...) Местное самоуправление постепенно теряет власть». («Газета wyborcza», 4 июля)

- «Согласно результатам опроса, проведенного агентством “Kantar Public”, 45% респондентов считают, что ситуация в нашей стране меняется к худшему. Противоположного мнения придерживаются 35% опрошенных, 20% не смогли определиться с ответом». («Жечпосполита», 27 июля)

- «Качинский стремится к полноценной диктатуре, напоминая этим большевиков. Иногда даже кажется, что он хитрее их. (...) Ничто его не остановит. Ни возможный крах экономики, ни Европейский союз. (...) За спиной Качинского — одна треть или даже одна четвертая часть общества, которая его обожает. (...) Среди представителей предыдущей власти у нас были свои неявные сторонники, которые только ждали, чтобы нам помочь. Не было этой одуревшей орды фанатов. Зато у Качинского есть целая армия оболваненных сторонников», — Яцек Федорович. («Газета wyborcza», 15-16 июля)

- «По данным агентства “SW Research”, 48% поляков считают, что нам грозит диктатура. 31,7% придерживаются противоположного мнения, а 19,6% не определились с ответом». («Ньюсуик Польска», 24-30 июля)

- «Я вижу, как люди старшего и среднего поколения, которые думали, что большевизм остался в прошлом, (...) снова чувствуют его присутствие. Вернулся страх. Страх как инструмент деморализации. Люди, если им позволить, охотно упиваются чужим страхом. (...) Мир насилия и жестокости, (...) а также черно-белое видение действительности приводят к исчезновению, а то и вовсе к исключению из политической жизни представителей интеллигенции. (...) Антиэлитарность побеждает, что доставляет явное удовольствие избирателям Качинского. ПИС уничтожает значительно больше, чем нам кажется. Уничтожает саму ткань нашего общества. (...) Именно для этого они реорганизуют гимназии, ликвидируют высшие школы в небольших городах, завладевают музеем Второй мировой войны и общественными масс-медиа. Происходит

сознательное понижение интеллектуального уровня общества, и исправить это можно будет очень не скоро», — проф. Ядвига Станишкис. («Ньюсуик Польска», 10-16 июля)

• «Меня шокирует то, насколько все это похоже на первые шаги нацизма в Германии в 30-е годы XX века. А больше всего меня удивляет, что очень многие поляки по-прежнему считают Польшу каким-то изолированным островом. Поляки, проснитесь! (...) Он не виноват в сложившейся ситуации. Для меня он — маленький, больной, потерянный эгоист с необыкновенным талантом к сталкиванию людей лбами и разрушению. К сожалению, именно такой лидер нужен его сторонникам. Эти 30% наших граждан вызывают у меня глубокую печаль и ужас. Они не знают, что выбрали фашизм. В Германии в начале 30-х тоже были “только 30%”. Начало фашизма было очень подкупающим, фашизм не только делился с обывателями добром неудобных соседей, но и давал наивным людям надежду на “вставание с колен”», — Веслав Сментек, художник-график, живущий в Берлине. («Ангора», 9 июля)

• «За несколько недель до смерти Анджей Вайда с грустью спрашивал меня: “Почему я должен смотреть на это еще раз? Я помню сталинизм, помню всю мерзость марта 1968-го, а теперь опять...”. И добавил: “Читай письма Томаса Манна”. И сейчас, в разгар “перемен к лучшему”, которые устроил нам режим Качинского, Зёбро и Мацеревича, во мне постоянно звучит вопрос Вайды», — Адам Михник. («Газета wyborcza», 15-16 июля)

• «Если бы не отец Рыдзык, их всех давно бы уже не было. Рыдзык — это самый опасный и самый сильный участник этой коалиции. Это он их поддерживает и подначивает. Когда меня спрашивают, с кем бы я разобрался в первую очередь, я всегда отвечаю: с Рыдзыком! (...) Так уж сложилось, что при ПНР я получил Нобелевку, чтобы при III Речи Посполитой оплакивать демократию. Вот так история!», — Лех Валенса. («Газета wyborcza», 8-9 июля)

• «В воскресенье на Ясной Гуре уже в 26-й раз состоялось Паломничество семьи радио “Мария”. Среди паломников было много политиков, в частности, вице-маршал Сейма Йоахим Брудзинский, руководитель Канцелярии премьер-министра Беата Кемпа и министры Збигнев Зёбро, Антоний Мацеревич, Мариуш Блащак, Кшиштоф Юргель, Ян Шишко, Марек Грубарчик». («Жечпосполита», 10 июля)

• «В 2016 году правительство выделило Фонду католической Церкви 145,3 млн злотых. (...) Это рекордная сумма, поскольку до 2012 года финансирование церковного фонда не превышало 100 млн злотых в год. Позднее фонд начал быстро увеличиваться — в 2013 г. государство выделило на эти цели

118,2 млн злотых, а в следующие годы 133,1 млн злотых и 128,1 млн злотых». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 12 июля)

• «Более 30 тыс человек приняло участие в большой молитве, проведенной отцом Джоном Башоборой, харизматичным чудотворцем из Уганды. (...) Национальный стадион буквально задрожал, когда отец Джон вознес верующих к небесам. “Он сказал им встать, воздеть руки к Богу и подпрыгивать”, — рассказала участница реколлекций. (...) Во время богослужения Башобора многих излечил от болезней. Он пообещал, что у 29 человек улучшится зрение, 89 пар смогут зачать ребенка, 600 человек избавятся от наркотической зависимости, а 2000 бросят курить». («Супер экспресс», 3 июля)

• «Мы просим наших епископов как можно скорее занять решительную позицию относительно попыток смены общественного строя. Позицию, которая была бы результатом христианского понимания прав человека и его неотъемлемых свобод», — призывает Клуб католической интеллигенции. («Тыгодник повсехный», 30 июля)

• «Судьи, избранные правящей партией, ускорившиеся по заказу политиков темпы судопроизводства, закрытые заседания без допуска сторон, незаконный состав суда, выносящего решения... Вот образ польского Конституционного трибунала на второй год правления ПИС», — Войцех Чухновский. («Газета wyborcza», 21 июня)

• «Разваливая Конституционный трибунал, он прекрасно отдавал себе отчет, что отключает самый важный тормоз. С этого момента пути назад уже нет, отступление невозможно. Весь государственный аппарат подчинен одной структуре, вот чего они добились. (...) Качинский предупреждал, что стремится именно к этому. Он говорил об этом в интервью, писал в книге. Только никто почему-то ему не верил», — Ежи Стемпень, бывший председатель Конституционного трибунала. («Газета wyborcza», 14 июля)

• «Меняющие конституцию проекты законов о судах общей юрисдикции, о Национальном совете правосудия и Верховном суде лишают судебную систему Речи Посполитой независимости от органов политической власти. (...) Мы призываем депутатов, сенаторов и господина президента не допустить принятия законов, которые могут надолго лишить Польшу статуса демократического правового государства», — Анджей Жеплинский, Марек Сафьян, Ежи Стемпень, Богдан Здзенницкий, Анджей Золь, бывшие председатели Конституционного трибунала. («Газета wyborcza», 14 июля)

• «Не нужно быть экспертом, чтобы предвидеть, что произойдет, если Верховный суд перестанет быть независимым. Этот орган играет ключевую роль в ходе выборов, поскольку именно он утверждает их легитимность,

их соответствие закону и конституции», — проф. Марек Сафьян, судья Европейского суда в Люксембурге. («Ньюсуик Польша», 17–23 июля)

- «Немедленно, практически без подготовки, организована акция протеста перед Сеймом. (...) По данным полиции, в ней участвовали 4,5 тыс. человек (мэрия сообщила, что в акции приняло участие более 10 тыс. манифестантов — В.К.) (добавим сюда несколько тысяч, вышедших на главную рыночную площадь в Кракове)». (Михал Коланко, «Жечпосполита», 17 июля)

- «С заявлением “относительно действий, подрывающих независимость судебной власти Республики Польша” выступил Клуб католической интеллигенции в Варшаве. Члены клуба, говорится в заявлении, “с нарастающей тревогой наблюдают за последовательным разрушением некоторых государственных институтов, в особенности за уничтожением независимого правосудия”. (...) “Фундаментальные изменения, непосредственно затрагивающие основы государственного строя, проводятся в бешеном темпе, в рамках депутатских проектов, без предварительных консультаций, вопреки мнению подавляющего большинства экспертов, грубо нарушая практику, принятую в демократических странах”. (...) Варшавский клуб католической интеллигенции призывает президента Анджея Дуду наложить вето на законопроекты о Национальном совете правосудия и судах общей юрисдикции». (Павел Косьминский, «Газета wyborcza», 20 июля)

- «По данным организаторов, перед президентским дворцом в девять вечера было 17 тыс. человек. К одиннадцати вечера к Сейму вернулась 10-тысячная толпа манифестантов, выступающих в защиту независимости судов». («Газета wyborcza», 19 июля)

- «“Сегодня я направил маршалу Сейма (...) проект изменений в закон о Национальном совете правосудия, где четко говорится, что членов совета нового созыва Сейм будет выбирать большинством в три пятых голосов”, — заявил президент Анджей Дуда. Он добавил, что если проект не будет принят, наложит вето на закон о Верховном суде. (...) Что означает избрание большинством в три пятых голосов? Влиять на кадровый состав судов, в том числе Верховного суда, ПИС сможет только при условии, если правящей партии удастся заручиться голосами 276 депутатов (фракция ПИС насчитывает 234 депутата — В.К.)». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 19 июля)

- Депутат Борис Будка («Гражданская платформа») «обратился к председателю ПИС: “Пока был жив светлой памяти Лех Качинский, вы не отваживались поднять руку на правосудие, поскольку президентом, к счастью, был человек, понимавший,

что такое разделение властей”. (...) Ярослав Качинский вышел на трибуну (игнорируя процедуру и замечания ведущего заседание маршала Сейма — В.К.) и обратился к оппозиции: “Не смейте вытирать свои предательские морды фамилией моего светлой памяти брата. Вы его травили и вы его убили, мерзавцы!”, — в ярости воскликнул он. Через минуту он закричал “Вон!” на депутата Камилу Гасюк-Пихович, которая ждала своей очереди, чтобы представить позицию фракции “Современная” относительно обсуждаемого законопроекта. (...) К Качинскому подошел депутат “Современной” Витольд Зембачинский, которого подозвал председатель ПИС. (...) “Я подошел и спросил: «Господин председатель, что вы вытворяете?». А он только повторял: «Они все будут сидеть в тюрьме, будут сидеть». Я спросил: «Кто? Я тоже? Разве я виноват в вашем несчастье?». А он вновь за свое: «Все будут сидеть!»”, — рассказывал депутат “Современной”. (Наталия Савка, «Газета выборча», 20 июля)

• «В Сейме на трибуне Качинский не притворялся. Его крики были искренними. А потом он говорил о депутатах от оппозиции, что “они все будут сидеть”. Вот о чем в действительности думает человек, который фактически правит Польшей. (...) Можно только догадываться, что происходит в голове Ярослава Качинского, но я не могу об этом говорить, поскольку я не психиатр и не психотерапевт. (...) Мы не имеем права ставить диагнозы человеку, который нас об этом не просит, равно как и интерпретировать его поведение», — проф. Богдан де Барбаро, руководитель кафедры психиатрии “Collegium Medicum” Ягеллонского университета. («Тыгодник повшехный», 30 июля)

• «Ярослав Качинский станет самым влиятельным политиком в Польше после 1989 года. Ни одному лидеру ни одной партии со времен падения коммунизма не удавалось получить своего собственного большинства в парламенте, самостоятельно сформировать правительство, подчинить себе все спецслужбы и общественные СМИ, ликвидировать находящуюся вне политики гражданскую службу, взять под контроль Конституционный трибунал, суды общей юрисдикции, Национальный совет правосудия и Верховный суд. Председатель ПИС будет располагать невиданной для демократической системы властью. (...) На днях он продемонстрировал нам свои истинные намерения», — Михал Шулджинский. («Жечпосполита», 21 июля)

• «В четверг Сейм принял новый закон о Верховном суде. (...) Нынешние судьи уйдут в отставку, за исключением тех, кого оставит президент. (...) Однако их список будет составлять министр юстиции. (...) Дополнительный набор судей (...) министр юстиции может осуществить после переаттестации

нынешних судей Верховного суда. Он сможет представить Национальному совету правосудия по одному кандидату на каждую вакансию. (...) Позитивная резолюция Национального совета правосудия будет представлена президенту. (...)

Регламент Верховного суда до недавних пор принимали судьи ВС. Теперь это будет делать президент, причем по заявлению министра юстиции. (...) Новый закон о Национальном совете правосудия содержит поправку, без которой президент не стал бы его подписывать. (...) Судей-членов Национального совета правосудия II-го созыва Сейм должен будет избрать большинством в три пятых голосов». (Марек Домагальский, «Жечпосполита», 21 июля)

- «После того, как вице-премьер Ярослав Говин проголосовал за проект закона, распускающего Верховный суд, редакция журнала “Знак” приняла решение исключить его из состава редколлегии, несмотря на то, что по традиции в нее входит каждый бывший главный редактор (Говин был им в 1995–2005 гг.). “Знак” был основан в 1946 г. католическими интеллектуалами». («Газета wyborcza», 22–23 июля)

- «К многочисленным голосам, призвавшим президента наложить вето на закон, меняющий систему правосудия, присоединился уполномоченный по правам человека Адам Боднар. (...) Оба закона он считает неконституционными, поскольку “они приведут к кадровым перестановкам и создадут механизм политического контроля над судами”». («Супер експресс», 21 июля)

- «Хельсинкский фонд по правам человека опубликовал письмо с призывом к президенту Дуде использовать право вето. Письмо подписали 52 неправительственные организации». («Супер експресс», 24 июля)

- Государственный департамент США опубликовал вчера заявление: «Польское правительство по-прежнему стремится установить законы, которые ограничат независимость правосудия и ослабят правовое государство в Польше. Мы призываем все стороны конфликта гарантировать, что реформа судебной системы, какой бы она ни была, не нарушит польской конституции и международных юридических обязательств, а также будет уважать принципы независимости судов и разделения властей». («Польска», 24 июля)

- «В первую очередь я рассчитываю на президента Анджея Дуду. Это очень хороший юрист, учившийся в прекрасном университете. Мне кажется, он не хотел бы войти в историю как президент, приложивший руку к ликвидации независимого правосудия в Польше», — проф. Адам Стжембош, бывший председатель Верховного суда. («Газета wyborcza», 18 июля)

- «Тысячи людей вышли в четверг на улицы, выступая против

принятых в спешке законов, реформирующих систему правосудия. По данным варшавской мэрии, в столице в акции протеста приняли участие 50 тыс. человек, по данным полиции их было всего 14 тысяч. (...) Министр внутренних дел Мариуш Блащак заявил, что протестующие — это... просто прогуливающиеся прохожие. (...) Манифестации прошли также в Познани, Белостоке, Кракове, Жешуве. (...) Ярослав Зелинский, вице-министр внутренних дел, увидел среди протестующих... коммунистов и агентов спецслужб. (...) “Прочь, подлецы!”, — написал вице-министр в своем твиттере». («Факт», 22-23 июля)

- «Фейсбук, твиттер, снэпчат и инстаграмм — на этом поле ПИС, по мнению социологов, проиграла. Именно благодаря социальным сетям молодые люди узнали об угрозе Верховному суду, именно там получили поддержку знаменитостей и в том же интернете прочитали записи политиков правящей партии, которые лишь укрепили их в уверенности, что пора выходить с протестом на улицы». («Жечпосполита», 29-30 июля)

- «Президент Республики Польша не подпишет двух законов — о Верховном суде и о Национальном совете правосудия, зато уже подписал закон о судах общей юрисдикции». (1-я программа Польского радио, 24 июля)

- «Я хочу четко и ясно заявить: у нас не принято, чтобы генеральный прокурор каким-либо образом вмешивался в деятельность Верховного суда как института. Не говоря уже о вмешательстве в работу судей. Я согласен с теми, кто говорит, что этого быть не должно и что нельзя допускать подобных вещей», — президент Анджей Дуда. («Супер экспресс», 25 июля)

- «Зофья Ромашевская сказала мне, что не хочет снова оказаться в стране, где генеральный прокурор может всё», — фрагмент заявления президента Анджея Дуды. («Жечпосполита», 25 июля)

- «С самого начала не было и речи о каких-либо консультациях. Законопроект в какой-то момент был вывешен в интернете, и президент, как любой из нас, мог его прочитать. Я считаю, что это безобразие. (...) Мне кажется, правительству неплохо было бы знать, что вообще-то существует такой орган власти, как президент Республики Польша, и с ним нужно считаться. (...) Правительство не должно давать президенту на подпись то, что не дает ему возможности воспользоваться своими президентскими полномочиями», — Зофья Ромашевская. («Жечпосполита», 29-30 июля)

- «После того, как президент Дуда использовал право вето в отношении двух ключевых для ПИС законопроектов, касающихся правосудия, польская политика уже не будет прежней. (...) Каков был решающий фактор, повлиявший на его решение? Задело ли его то, что бывшие товарищи по партии

относятся к нему, как к марионетке? Или на него произвела впечатление огромная волна гражданского протеста, прокатившаяся за последние дни по всей Польше? Было ли это действие политических аргументов или же (...) юридических? Родная профессиональная среда господина президента заняла по вопросу расправы с Верховным судом пугающе солидарную позицию. (...) Впервые в этом политическом споре он повел себя как арбитр в полном значении этого слова. (...) Вдобавок он сослался на Зофью Ромашевскую, одну из самых замечательных личностей в антикоммунистической оппозиции. Ее слова об аналогии между системой, которую выстраивает ПИС, и Народной Польшей могли в самом деле убедить президента», — Богуслав Храбета, главный редактор. («Жечпосполита», 25 июля)

• «Закон о судах общей юрисдикции (...) президент решил подписать. А ведь именно этот закон делает министра юстиции (и генерального прокурора — В.К.) главным начальником над всеми судами и — что самое важное — дает ему возможность наказывать “непокорных” судей. (...) Спасая (...) Верховный суд и (...) сохраняя *status quo* судейских элит, президент принес в жертву независимость судов общей юрисдикции. (...)

Единственный закон, на который не было наложено президентское вето, позволит министру (и генеральному прокурору — В.К.) менять по своему усмотрению председателей региональных, окружных и апелляционных судов, а те будут назначать нужных людей на посты вице-председателей и руководителей отделов. В октябре министр приведет к должности первых назначенцев, хотя этим должен заниматься президент». (Анна Войда, «Жечпосполита», 25 июля)

• «То, что сделал господин Анджей Дуда, только замедлит процесс уничтожения государственности. Подписывая закон о судах общей юрисдикции, он не остановил дальнейшего нарушения конституции», — проф. Радослав Марковский. («Газета wyborcza», 27 июля)

• «Вице-председатель Европейской комиссии предостерег польское правительство, чтобы оно не принимало нормативно-правовых актов, заставляющих судей Верховного суда уйти на пенсию. Если это случится, комиссия готова привести в действие статью 7 Договора о Евросоюзе. (...) Согласно этой статье, Европейский совет, то есть руководители стран, входящих в ЕС, определяет наличие угрозы правопорядку в одной из стран. И в результате может наложить санкции, приостановив право голоса либо заморозив выплаты из структурных фондов. Европейская комиссия положительно оценила вето, наложенное на два закона. (...) Негативная же оценка комиссии была дана подписанному президентом закону о судах общей юрисдикции». (Из Брюсселя Анна Слосевская,

«Жечпосполита», 27 июля)

- «В связи с политикой правительства возникают десятки протестных групп, более или менее организованных, начиная от стихийных объединений граждан до зарегистрированных ассоциаций и фондов. Они действуют на общественных началах, но им нужны средства на связь, визуальные приспособления и усилители звука, а также на помощь тем, чьи права нарушаются властями. И люди помогают деньгами, руководствуясь исключительно тем, что разделяют цели организации и доверяют ей». (Эва Седлецкая, «Политика», 26 июля — 1 авг.)

- «В ходе протестных акций — как в защиту Конституционного трибунала, так и нынешних, связанных с реформой правосудия — многие вопросы, на первый взгляд абстрактные, становятся гражданам близки и понятны. Это новое явление. (...) Суть его очень важна: люди чувствуют свою связь со страной. У Речи Посполитой появляются свои патриоты, которые не хотят, чтобы это была ПИСовская страна. Раньше такой государственный патриотизм был в Польше очень редким явлением. Формируется мышление и — самое важное — ощущение, уверенность, что правовое государство представляет из себя большую ценность», — Людвик Дорн («Ньюсуик Польска», 24–30 июля)

- «Согласно опросу Института рыночных и социологических исследований (...) от 26–27 июля 2017 г., (...) действующий президент может рассчитывать на поддержку 36,2% респондентов. (...) За председателя Европейского совета Дональда Туска проголосовало бы 20,5% опрошенных. Третье место в рейтинге досталось мэру Слупска Роберту Бедрону, набравшему 16,3%». («Жечпосполита», 3 авг.)

- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 40%, «Гражданская платформа» — 20%, Кукиз'15 — 11%, «Современная» — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 4,7%, Союз демократических левых сил — 4,2%, «Свобода» (бывшая КОРВиН — «Коалиция обновления Республики — вольность и надежда») — 2,6%, «Вместе» — 2,4%. Избирательный порог составляет 5%. Опрос агентства «IPSOS», 2–4 августа. («Газета wyborча», 9 авг.)

Экономическая жизнь

Еще год назад некоторые польские фирмы задавались вопросом, принимать ли работников с Востока. Сегодня перед ними стоит совершенно другой вопрос: как бы поскорее это сделать, — пишет Анита Блащак в газете «Жечпосполита». Состязание с Украиной за трудовые ресурсы обостряется. Спрос на работников с Востока растет уже не только в наиболее развитых регионах Польши, но и в воеводствах с высоким уровнем безработицы. Согласно официальным данным, быстрее всего, а именно более чем в два раза в масштабах года, в первые шесть месяцев 2017-го росла потребность в квалифицированном фабрично-заводском персонале и строителях, в частности операторах машин и оборудования, техниках. Наибольший спрос на работников с Востока, в том числе украинцев, отмечается в производственной сфере с автотракторной отраслью во главе, а также в транспорте и логистике. Пресс-секретарь сети «McDonalds» сообщает, что в ресторанах корпорации работает 350 украинцев, многие из них — студенты. Снижение спроса на работников с Украины наблюдается только в двух профессиональных группах: это специалисты, которые чаще всего приезжают в Польшу по постоянному трудовому договору, а также сельскохозяйственные работники. Еще одна группа, где наблюдается снижение спроса, — это сфера домашнего хозяйства, в которой ранее массово трудоустраивались украинские няни и домработницы. Комментаторы указывают, что этот рынок уже насыщен, но главное — требования к оплате труда украинских нянь не намного ниже, чем польских.

Экспорт и объем польских инвестиций в Казахстане вновь имеют шансы возрасти. Этому способствует как определенно благоприятствующая инвестициям политика казахстанских властей, так и сильная поддержка экспорта польским правительством, — пишет Артур Осецкий в газете «Жечпосполита». Польские инвестиции в Казахстане увеличивались с 2011 по 2014 год. В последние два года несколько снизились. В прошлом году, по данным национального банка Казахстана, составили почти 26 млн долларов при общих прямых зарубежных капиталовложениях в 20,6 млрд долларов. «Мы приглашаем польских инвесторов. Предлагаем им действительно выгодные в конкурентном отношении условия, а также многочисленные льготы», — поощряет польский капитал Нурсултан Джиенбаев,

заместитель председателя правления Национальной компании «Kazakh Inwest», ответственной за привлечение иностранных инвестиций. В Казахстане определены пять приоритетных секторов (металлургия, машиностроение, химическая, нефтеперерабатывающая отрасли и переработка пищевых продуктов) и 36 стран, в том числе Польша, в инвестициях которых особенно заинтересована страна. Польские фирмы имеют шансы инвестировать во всех пяти секторах. «Казахстан открыт, экономика стабильная и предсказуемая, — заявляет Марек Стец, директор фирмы «Selen», специализирующейся на строительной химии, и добавляет — Это оптимальная страна в Центральной Азии для инвестирования».

В Польше ежегодно производится свыше 40 млн пар обуви. Польша входит в число самых крупных производителей Европы после Италии, Испании и Португалии. Обувь — это также один из экспортных хитов. Как пишет Рафал Войский в «Газете wyborчей», прошлогодний польский экспорт обуви в ценовом выражении достиг 1,13 млрд евро. Тенденция к росту наблюдается и в нынешнем году. С 2012 года экспорт обуви из Польши непрерывно растет с двузначным показателем. Крупнейший импортер польской обуви — Германия. Другие важные направления обувного экспорта — Россия, Великобритания, Турция и Голландия. Серьезную конкуренцию для польских обувщиков составляет массовая продукция из Китая. Так что торговая стратегия велит сосредоточиться на производстве и экспорте продукции высокого класса. На сегмент обуви для клиента с высокими запросами ориентируется, например, польская фирма «Gino Rossi», сеть фирменных магазинов которой охватывает Чехию, Словакию, Литву и Латвию. Еще одна фирма, «Kazar», открыла салоны-люкс не только в Будапеште и Бухаресте, но и в Объединенных Арабских Эмиратах. Бесспорного успеха добилась фирма «ССС». Сегодня она принадлежит к числу крупнейших производителей Европы. Ежегодно «ССС» продает свыше 28 млн пар обуви, а до конца 2017 года планирует расширить розничную сеть до 1100 магазинов общей площадью свыше 560 тыс. кв. метров.

Как сообщает Главное статистическое управление, в течение последних десяти лет Польша увеличила производство пива на 14%, что дало в прошлом году рекордных 4,14 млрд литров. Брекзит предоставил возможность занять более высокое положение среди производителей пива в Европейском союзе: сейчас польское пивоварение оказалось на третьем месте. Одна пятая производства пива в Евросоюзе принадлежит Германии. Однако не Германия, а маленькая Голландия является крупнейшим экспортером. Главный покупатель европейского

пива — Соединенные Штаты, в которых импорт составляет 34% потребления. В Польше меняются предпочтения любителей пива: уменьшается спрос на темные и крепкие сорта. Летом популярно пшеничное пиво и сорта с фруктовыми добавками. Уменьшается спрос на пиво крупных производителей, возрастает потребление пива малых частных пивоварен. Именно они поставляют продукцию с вкусовыми добавками. В прошлом году на польском рынке появилось 1500 новых сортов пива.

«В каждом польском городе работает, по меньшей мере, несколько рынков. Все они достаточно чисты, благоустроены, оснащены крышами и навесами», — сообщает газета «Жечпосполита». Базары и рынки — как стационарные, так и сезонные — это существенный элемент польской торговли. И за этим утверждением стоит не только сентиментальная привязанность, но и уровень денежного обращения. По оценкам экспертов, годовой объем торговли на рынках достигает около 20 млрд злотых. В реестрах фигурируют свыше 100 тыс. фирм, предметом деятельности которых является торговля на рынках. 43 тыс. из них занято продажей текстильных изделий, одежды и обуви, а около 27 тыс. предлагают продовольственные товары, напитки и табачные изделия. Торговля на рынках для многих потребителей по-прежнему ассоциируется с периодом трансформации общественного строя и первыми предпринимателями, которые раскладывали различного рода товары на раскладушках или самых примитивных прилавках. Базарная торговля развивалась молниеносно. По оценке, к концу 90-х годов только на варшавской «Ярмарке Европа» и на уже не существующем «Стадионе Десятилетия» торговало около 5 тыс. продавцов, торговый оборот достигал 2 млрд злотых, а в краковском районе Нова Гута насчитывалось около 2 тыс. торговцев, работающих на базаре. Теперь же в моде небольшие рынки.

«В созданных Еврокомиссией реестрах защищенных продуктов, географических наименований и традиционных особенностей 39 позиций принадлежат Польше», — пишет Яцек Лакомый в газете «Жечпосполита». Недавно в список включена «белая паровая великопольская колбаса». До того как она вошла в европейский защищенный список, в течение десяти лет эта колбаса фигурировала в списке традиционных продуктов, как региональный продукт, производимый в основном в Великопольше. С момента регистрации в качестве защищенного продукта, такой товар могут производить исключительно колбасники Великопольского воеводства и

нескольких соседних поватов. Соответствие продукции спецификации контролирует комиссия, действующая при познанской Гильдии мясников, колбасников и поваров. Еще один региональный продукт, о регистрации которого в списке Евросоюза ходатайствовали предприниматели Великопольши, — это «рыжиковое масло, получаемое из семян рыжика посевного» Это старейшее травянистое масличное растение, выращиваемое на территории Польши. Именно традиционный метод производства этого лечебного продукта предлагается к защите в Евросоюзе. Авторы предложения утверждают, что всего одна чайная ложка такого масла удовлетворяет потребность организма в ненасыщенных жирных кислотах, снижает уровень холестерина, уменьшает риск сердечных заболеваний.

Е.Р.

Плюс–минус

**С профессором Ежи Осятыньским,
членом Совета по денежной политике, о
поводах для радости (и беспокойства),
которые приносит нам экономика,
беседовала Иоанна Сольская**

— *Поляки полны оптимизма: индекс потребительской уверенности (consumer confidence index) значительно вырос и составляет в Польше 88 баллов, тогда как среднеевропейское значение — 81 балл. Что же так сильно улучшило наше самочувствие?*

— Несомненно, для нескольких миллионов семей непосредственной причиной послужило дополнительное денежное вливание в рамках программы «500 плюс»^[1]. Для немалой части населения это означало выход из зоны стыда из-за невозможности купить детям то, что имеют другие, оплатить дополнительные занятия, обеспечить лучшее питание или поездку на каникулы. Имеет значение также улучшение ситуации на рынке труда и перспектива осенью вернуться к прежнему пенсионному возрасту.

— *Вы говорили, что продление периода профессиональной активности было правильным.*

— Да, и я по-прежнему так думаю, ведь мы живем дольше и из демографических соображений должны дольше работать. Но сегодня я вижу здесь больше нюансов, например, то, что государство не подготовилось к этой необходимой и сложной операции. Не запланировало никаких затрат, чтобы мы смогли прожить эти дополнительные годы в относительно добром здравии и физической форме. Не был также принят во внимание факт, что в преклонном возрасте на нас — в особенности на женщин — ложится бремя ухода за внуками и престарелыми родителями, а продолжение работы это или очень затрудняет, или делает просто невозможным. Наконец, на многих рабочих местах царят крепостнические отношения, агрессия и унижение человеческого достоинства. Поэтому сейчас поляки радуются, что предыдущий закон отменен, они еще не знают, что за это придется заплатить в будущем более низкими пенсиями. Однако, в любом случае, проблему

пенсионного обеспечения нужно будет как-то решать. Кроме того, поводом для оптимизма стало изменение условий труда. Исчезает ощущение угрозы. Начальство уже не запугивает тем, что за воротами стоит десять желающих занять наше место. А даже если мы потеряем работу, то знаем, что найдем другую.

— Потребительский оптимизм приводит к повышенному желанию делать покупки. Не благодаря ли тому, что мы бросились в магазины, темпы экономического роста в первом квартале составили целых 4%? А может быть, к этому привели еще какие-то действия правительства?

— Быстрыми темпами роста мы обязаны еще также растущему экспорту. Мы долго имели превышение экспорта над импортом, поскольку покупали меньше станков и оборудования из-за значительного снижения инвестиций со стороны предприятий. Заслуги правительства в стимулировании частных инвестиций мне пока не заметны. Действия, обещанные в плане Моравецкого^[2], еще не отразились в статистике.

— Польские товары хорошо продаются за границей, главным образом, из-за доступных цен.

— Ценовая конкурентоспособность нашего экспорта — результат очень низкой оплаты труда, одной из самых низких в Европе.

— Это начинает меняться. Заработная плата тоже становится поводом для оптимизма. За последний год она выросла более чем на 4 %.

— Это вызвано изменениями на рынке труда и немного социальными выплатами, как раз теми «500 плюс».

— Но еще и быстрым темпом роста минимальной оплаты труда. Уже несколько лет она растет быстрее, чем средний заработок по стране. Что ставит под сомнение признаваемую многими экономистами догму о том, что рост минимальной заработной платы приводит к росту безработицы в группе самых молодых и наименее квалифицированных работников. Тем временем, сейчас у нас самая низкая безработица с начала трансформации, она составляет всего 7,7 %.

— Всё это так. Но говоря о динамике ВВП, я рассматривал бы не только самые низкие заработки, но и среднюю зарплату, и фонд оплаты труда вообще. С середины 90-х годов производительность труда, рассчитываемая в текущих ценах, растет в Польше быстрее, чем заработки. Это значит, что соотношение между доходами от труда и прибылью предприятий понижается, что угрожает социальной сплоченности. Когда-то доля заработной платы в ВВП составляла 60%, а прибыли предприятий 40%. Теперь эта

пропорция перевернута, и лишь в последние годы заметна некоторая стабилизация. Работодатели богатели быстрее, чем работники. Такое положение вещей вовсе не способствует развитию экономики, поскольку слабый рост оплаты труда означает слабый рост потребления, а это сдерживает темпы роста всей экономики. Прибыли предпринимателей переносятся на рост потребления в значительно меньшей степени. Увеличение прибыли тоже вовсе не увеличивает склонности к инвестициям. Так что я не вижу причин, по которым минимальная оплата труда не должна расти. Это неправильное соотношение заработной платы и прибыли нужно было перевернуть, что и начало происходить.

— *В какой момент нужно будет сказать «стоп»?*

— Когда заработки начнут расти быстрее, чем производительность труда. Мы до этого момента еще не дошли.

— *Вернемся к рекордно низкой безработице. Ее причина не в большом предложении новых рабочих мест, что было бы поводом для радости. Главное статистическое управление сообщает, что в последнем квартале прошлого года работало 16 млн 330 тыс. человек, тогда как в первом квартале 2017 г. на 50 тысяч меньше. Это не разовый эксцесс, а тенденция, которая будет усиливаться. Таким образом, снижение безработицы — это результат того, что число пожилых людей, уходящих с рынка труда на пенсию, больше, чем молодых, начинающих свою профессиональную карьеру. И это не повод для радости. А что будет в октябре, когда на пенсию смогут уйти дополнительно 300 тысяч человек, достигших прежнего пенсионного возраста?*

— Я тоже опасаюсь этого. Остается надеяться, что многие из них поддадутся уговорам правительства и все-таки продолжают работать. Дополнительным аргументом станет перспектива некоторого увеличения пенсии.

— *Только вот при этом министерства и различные государственные учреждения, такие как сельскохозяйственные агентства или Государственное финансовое управление, сами выталкивают людей на пенсию.*

— Закон о Национальном банке Польши не позволяет мне обсуждать шаги правительства. Однако могу заметить, что эта невыгодная для рынка труда тенденция усилится благодаря открытию Евросоюза для украинцев. Часть тех, кто на сегодня трудоустроен в Польше, могут захотеть поискать работу в других странах, что углубит дефицит рабочих рук у нас. Это произойдет не сразу, но через 2–3 квартала может стать дополнительным источником проблем. Оба эти явления могут вызвать сильное ускорение роста заработной платы.

— *Иммиграционной политики, которая побуждала бы иностранцев приезжать к нам на работу, у нас тоже нет. Но нехватку рабочих рук можно компенсировать инвестициями в*

оборудование, заменяющее людей.

— Можно, но это требует инвестиций и времени. До сих пор в этом не было нужды, поскольку оплата труда была низкой. Однако рост заработной платы должен способствовать инвестициям.

— **Но не способствует. Как раз был побит очередной рекорд — частные фирмы держат в банках на депозитах с жалкими процентами уже 275 млрд злотых. Еще недавно было 250 миллиардов.**

— К сожалению, наши частные предприниматели ведут себя, как рантье. Потребление растет, степень амортизации производственных мощностей уже превысила 90%, а они по-прежнему не инвестируют. Ждут. Предпочитают не увеличивать продажи, чем пойти на дополнительный риск, который является неотъемлемой стороной инвестирования собственных денег в средства производства и человеческий капитал. Они не инвестируют, хотя мотивации, содержащиеся в т.н. пакете Моравецкого, выглядят соблазнительно.

— **Есть еще «пакет Зёбро»^[3].**

— Есть предприниматели, уклоняющиеся от оплаты налогов, страховых взносов и даже заработной платы. И с этим нужно что-то делать. Но неуверенность, связанная с переменами в сфере регулирования, действительно, очень велика и не всегда способствует развитию. Предприниматель, читая только что измененную ст. 292 Уголовного кодекса, узнаёт, что в его компанию в недостаточно четко определенной ситуации может явиться некто вроде финансового комиссара и взять ее под свое управление. Так что у него может и не быть желания инвестировать в свой бизнес. Увеличивать капитализацию компании, которую он теперь легко может потерять из-за подозрений со стороны чиновника, к примеру, в налоговых злоупотреблениях, которые впоследствии могут оказаться необоснованными. Многие предприниматели выберут спокойствие, а не сомнительные прибыли и дополнительные риски, тем более, когда уже заработали на безмятежную старость и обеспечили безбедную жизнь семье. Эти страхи предпринимателей перед чрезмерным риском нужно бы уменьшить. Они могут оказаться тормозом для экономики.

— **Крупные компании, контролируемые государством, тоже ограничили инвестиции, как и органы самоуправления. Они тоже боялись повышенного риска?**

— В случае прекращения инвестиций в крупных фирмах, это было связано, главным образом, с отсутствием финансирования со стороны Евросоюза, теперь ситуация меняется. Идут вверх и инвестиции территориальных самоуправлений. Оживление инвестиций, связанных со

средствами Евросоюза, через какое-то время распространится также на некоторые частные компании. Беспокоит, однако, большая зависимость наших частных инвестиций от финансирования Евросоюза.

— *Как долго нас могут радовать неплохие темпы роста, если мы обязаны этим средствам, выделенным из бюджета Евросоюза, а уверенности, что мы действительно получим все те деньги, которые были включены в нынешний финансовый план ЕС, у нас нет? Не говоря уже о следующем. Не видите ли вы угрозы для нашего развития, связанной с мыслями о создании отдельного бюджета для стран из зоны евро?*

— Нельзя исключить того, что такой особый бюджет появится. Однако в ныне действующих договорах ясно написано, что близкое сотрудничество части стран ЕС не может ухудшать ситуации стран, которые не включены в это близкое сотрудничество (ст. 326-8 Договора о функционировании Европейского союза). Таким образом, бюджет для зоны, принявшей евро, должен складываться из новых взносов этих стран, либо договоры пришлось бы изменить. В нынешней правовой ситуации нельзя поделить существующий бюджет радикально иначе.

— *Может стоит начать дискуссию о введении евро в Польше?*

— Это немного другое дело. Еще полтора года тому назад я считал, что вначале мы должны достичь конкурентоспособности, сравнимой с развитыми странами Евросоюза и быть в состоянии эту конкурентоспособность постоянно поддерживать. Еще у меня были — и по-прежнему остаются — серьезные сомнения, правильный ли путь выбрал Евросоюз для выхода из кризиса. Затягивание поясов и подавление спроса не казалось мне правильным, я даже усматривал в этом опасность длительной экономической стагнации, грозившей, в конце концов, распадом зоны евро. Сейчас, ради защиты существования самого ЕС, я был бы готов пересмотреть свою точку зрения. Для моего поколения Сообщество очень важно, благодаря ему в Европе уже 70 лет нет войны, хотя европейская солидарность начинает проигрывать с национальными эгоизмами. Но это не меняет того факта, что я по-прежнему опасаюсь снижения конкурентоспособности нашей продукции и того, что через некоторое время после вхождения в зону евро мы можем оказаться в положении Греции или Испании.

— *Это зависит от наших политиков.*

— Не только. Идет гонка, кто больше снизит трудовые издержки на единицу продукции. В ней лидируют немцы. Они годами сдерживали у себя рост заработной платы. Благодаря этому немецкие автомобили, холодильники или посудомоечные машины были дешевле испанских и

французских, а Германия увеличивала экспортное сальдо. В тех странах люди, действительно, зарабатывали больше, но их экономики теряли конкурентоспособность по сравнению с Германией. Поэтому я боюсь, что наша конкурентоспособность, объясняемая низкой заработной платой, будет таять вместе с ее ростом.

— Еще она растает, если мы не перейдем на евро. Само по себе наличие собственной валюты не улучшает конкурентоспособности.

— Это так, оно дает временную передышку, но в долгосрочной перспективе ослабление курса злотого поможет мало. Это область стратегических решений для Сообщества в целом. В том числе и для Польши. Должны ли мы, борясь при помощи низких зарплат за конкурентоспособность на глобальном рынке, снизить их до уровня средней заработной платы в Китае, Бангладеш и т.п., с учетом, конечно, различия в уровнях производительности труда? Впрочем, в мире глобализации и международных корпораций, перемещаемых — как на платформе — в страны с самой низкой оплатой труда, налогами, стандартами охраны окружающей среды, они будут выравниваться. То же относится к США и всему западному миру.

Что же касается Польши — мы должны решить, устроит нас роль перевалочного порта для китайских товаров на шелковом пути или же мы примем вызов построения современной экономики, может быть, по образцу немецкой. Способной производить технологически передовую продукцию с хорошим качеством. Производство окон, в котором мы являемся магнатами, в долгосрочной перспективе не обеспечит конкурентоспособности нашей экономике. Скорее уж автобусы. Однако польское предложение товаров такого рода слишком уж скудно.

— Вы как-то выразили опасение, что нашу конкурентоспособность не повысит даже реализация т.н. стратегии ответственного развития Матеуша Моравецкого. Ведь современная индустриальная политика состоит не в указаниях, кто должен развиваться благодаря помощи государства, а в создании таких условий, чтобы именно предприниматели были заинтересованы в новых технологиях.

— Не дело члену Совета по денежной политике оценивать правительственные программы, если они непосредственно не связаны с этой политикой. Чтобы сэкономить время, могу лишь отослать к вышедшей недавно в Польше книге Марианы Маццукато, а также к публикациям Дэни Родрика или Роберта Уэйда^[4]. Роль государства в современной индустриальной политике — это предоставление информации, поддержка стартапов и проведение базовых исследований, а также первой

фазы работ по внедрению, груз которых слишком тяжел для отдельного предприятия, даже средней величины.

— *Добавлю: вот именно. Но скажите, пожалуйста, как долго будут у нас поводы для оптимизма? На «500 плюс» и вновь уменьшаемый пенсионный возраст мы должны были заработать улучшением собираемости налогов и ликвидацией афер с налогом НДС. Результаты этой герметизации, действительно, заметны, но возвращенные суммы слишком малы. К 23 миллиардам, в которые ежегодно обходится программа «500 плюс», в следующем году придется добавить еще 10 миллиардов, предназначенных на выплаты пенсий. В доходах на будущий год нет покрытия для столь больших затрат. Наше государство быстрыми темпами влезает в долги. Мы радуемся в кредит?*

— У меня нет причин сомневаться, что улучшение собираемости налогов будет прогрессировать. Улучшится и собираемость страховых взносов.

— *Вы не видите угроз для сохранения темпов роста?*

— Угрозой может быть, о чем мы уже говорили, ограниченное предложение рабочей силы. Поэтому нужно позаботиться о создании новых яслей и детских садов, чтобы женщины хотели и могли работать, несмотря на «500 плюс». В деревне есть много рабочих рук, ненужных в сельском хозяйстве, нужно стимулировать этих людей к труду вне аграрной сферы. Резервы есть.

— *Агрии вообще не заинтересованы в легальной работе в городе: они боятся потерять право на страховку в Кассе сельскохозяйственного социального страхования. Государство привязало крестьянина к земле.*

— А если не лишать их этого права? Но дать возможность увеличить будущую пенсию благодаря взносам, дополнительно собранным в Управлении социального страхования?

Поддержание темпов роста ВВП на уровне 3,8–4% реально.

Возможностей много.

— *Только времени мало. До осени ничего не изменится.*

— Поэтому я опасаюсь того, что может произойти осенью и позже. Большой отток работников с рынка труда может вызвать чрезмерный рост заработной платы. И хотя в ближайшие два-три квартала я не вижу серьезной инфляционной угрозы для Польши (тем более, что мировые цены на нефть будут стабильными и относительно низкими, а рост цен на продукты питания не имеет значительного веса в корзине потребительских благ), то в вероятном росте удельных трудовых издержек в конце года я вижу угрозу, которая может потребовать достаточно раннего противодействия. Наиболее эффективны были бы трехсторонние соглашения по заработной плате, но при слабости институтов, являющихся

сторонами таких соглашений, остаются болезненные комбинации фискальной и денежной политики.

— *Мы не должны переживать из-за растущего долга? Он растет быстрее, чем при Туске, а Туска обвиняли в том, что он втягивает Польшу в долги, как Герек.*

— Думаю, что в 2018 году Европейская комиссия изменит подход к государственному долгу и смягчит практику соблюдения маастрихтских критериев^[5]. Затягивание поясов не принесло ожидаемых результатов, оно лишь задушило спрос, что замедлило темпы роста. Через семь лет после кризиса в большинстве стран соотношение долга и ВВП выросло вместо того, чтобы снизиться. Нужно видоизменить эту политику. Больше заботиться о социальной сплоченности и экономическом росте, который позволит «вырасти» из долга, а не радикально урезать расходы. В Японии долг превосходит 120% ВВП, и никому как-то не приходит в голову, что это государство может рухнуть.

— *Япония должна своим гражданам.*

— Именно. Долг самому себе не имеет такого значения, его можно продлевать. Мы в худшей ситуации, половину мы должны иностранным инвесторам. Поэтому нам нужно побеспокоиться о темпах роста, чтобы «вырасти» из долга.

— *Когда из него «вырастают»?*

— Тогда, когда показатель роста ВВП в текущих ценах выше, чем проценты по казначейским бумагам. Сейчас это выглядит так. Проценты по 10-летним облигациям составляют около 3,1–3,3%.

— *Как долго продлится такое состояние?*

— Не знаю. Это зависит не только от наших процентных ставок. И не только от наших показателей роста. Пока ситуация в мире выгодна для Польши.

POLITYKA

-
1. «500 плюс» — польская государственная программа пособий для помощи семьям в воспитании и содержании детей — Примеч. пер.
 2. «План ответственного развития» или «план Моравецкого» по фамилии его автора — министра развития Польши Матеуша Моравецкого. План является стратегией сбалансированного экономического развития страны в

будущем, его цель — активизация польского предпринимательского сектора развития — Примеч. пер.

3. Збигнев Зёбро — министр юстиции и генеральный прокурор Польши — Примеч. пер.
4. Мариана Маццукато — экономист, профессор университета Сассекса. Дэни Родрик — турецкий экономист, специалист по экономике развивающихся стран и институциональным реформам. Роберт Уэйд — профессор Лондонской школы экономики — Примеч. пер.
5. Маастрихтские критерии — финансово-экономические показатели страны, достаточные для вступления в еврозону. По ним оценивается жизнеспособность экономики и, в частности, финансовой системы, уровень цен и стабильность курса национальной валюты.

Война в кофейнях

О том, что Польша не настолько разобщенная страна, как принято считать. Ведь если бы противоречия, на самом деле были столь глубоки, то любой, даже мелкий, спор вызывал бы зрелищную конфронтацию.

Если утром включить ТОК FM, вечером посмотреть новости на TVN и правительственных каналах, а перед сном послушать «Радио Мария», того и гляди, поверишь, что в Польше обитают две чуждые друг другу нации. А тот факт, что они говорят на одном языке, следует признать капризом природы. Капризом по-своему интересным, но исключительно неудобным: ведь если бы из-за языкового барьера понять другую сторону было труднее, то и степень нервозности была бы меньшей. А так неустанный поток информации через СМИ создает впечатление постоянного кипения.

И здесь стоит отметить еще один парадокс. Если бы поляки находились на таком эмоциональном подъеме, какой ежедневно демонстрируют оппозиционные СМИ (когда-то именовавшиеся главными), а подтверждают это, выражая свое несогласие с их возмущением, СМИ правительственные (захваченные прежними непокорными), то на улицах должны были бы штабелями лежать трупы. Но всё спокойно. Даже в Варшаве во время манифестации по случаю 11 ноября^[1], в отличие от прошлых лет, было так мало событий, что сенсацией стал вымазанный черным кремом Яцек Хуго-Бадер из «Газеты выборчей», который — замешавшись в толпу — решил показать, как «правые и патриоты» относятся к иностранцам.

Загадочно мягкие результаты польско-польской войны может объяснить только то, что она касается лишь немногочисленных элит. Той, что отстранена от власти и ведет борьбу за ее возврат, и новой, упорно притворяющейся, что она вовсе не элита, а лишь покорный слуга суверена. А суверен — мы, граждане — не слишком верит, будто его мнение что-то значит. На очередную войну наверху, которую в СМИ показывают как общенациональный конфликт, мы поглядываем со стороны. Ведь в старой элите мы давно разочаровались, а новая делает все, чтобы за короткое время добиться такого же эффекта.

И столь глубокие различия наверху не переносятся на все

общество. В противном случае, более чувствительных результатов ждать пришлось бы не слишком долго.

Вера без эмоций

Ничто так не разжигает в людях ненависть, как религиозные различия. Вдобавок религия — это еще и полезный инструмент для политиков, позволяющий управлять общественными симпатиями. Хотя при чрезмерном накале эмоций возникает опасность, что они выйдут из-под контроля. А когда различия, разделяющие общество, слишком уж глубоки, тогда для взрыва достаточно даже третьеразрядной мелочи. Хотя бы того факта, что в нужный момент кто-то не снял шапку.

Это произошло 16 июля 1724 г. в Торуне, когда по улице мимо лютеранской церкви св. Иакова двигалась процессия в честь Богоматери. Ученик действовавшей при храме гимназии стоял с покрытой головой. К нему подбежал слушатель иезуитского коллежа Станислав Лисецкий и сбил с него шапку. Через мгновение на улице уже дрались ученики обеих школ. Драку прекратило только вмешательство городской пожарной охраны. По приказу бургомистра Лисецкий был арестован. Тогда группа католиков похитила случайного лютеранина, чтобы произвести обмен. Ответ другой стороны был мгновенным. Протестанты разгромили иезуитский коллеж и осквернили тамошнюю часовню. Вынесенные из нее фигуры святых и Богоматери сожгли на заранее подготовленном костре. Известная во всем мире толерантность Речи Посполитой Обоих Народов в то время превращалась лишь в воспоминание.

Торуньскими беспорядками немедленно занялись политики. Король Август II Сильный, потерпевший поражение в Третьей Северной войне и ставший вассалом русского царя Петра Великого, нуждался в поддержке подданных, чтобы обеспечить сыну избрание на трон Речи Посполитой. Поэтому он решил продемонстрировать, как сильно он поддерживает польских католиков, тем самым перетянув на свою сторону Сейм и шляхту. Для проведения следствия в Торунь направились королевская комиссия, состоявшая из чиновников и епископов. По ее рекомендации ассессорский суд в Варшаве в середине ноября 1724 г. вынес драконовские приговоры: торуньского бургомистра Иоганна Готфрида Рёзнера, его заместителя и двенадцать других обвиняемых приговорили к смертной казни, а 40 участников событий к длительным срокам заключения.

Рёзнер, хоть и имел такую возможность, не решился бежать в Пруссию, надеясь на помилование (двое из приговоренных бежали, один, благодаря иезуитам, дождался помилования). Другие были арестованы и вскоре обезглавлены, несмотря на

письменные протесты, присланные королями Пруссии, Великобритании и Дании. Вскоре Европу затопила волна публикаций на тему религиозных преследований в Речи Посполитой. «Поляки — самый дикий и отвратительный народ Европы» — гласила одна из них. Поэтому неудивительно, что политическую игру Августа II ловко подхватила прусская и русская дипломатия, используя ее против короля и слабеющего государства.

К счастью, в современной Польше спор с религиозной коннотацией распаляет, главным образом, элиты. Но идеалистов среди них можно пересчитать по пальцам. Хотя конечно, если в одну программу пригласить Казимиру Щуку^[2] и Томаша Терликовского^[3], то скандал будет гарантирован, а вместо полемики мы услышим крики обоих: «Я с фанатиком не разговариваю!». Тогда как среди партийных лидеров преобладают два циничных течения. Первое, особенно касающееся ПИС, а также ГП и ПКП^[4], сводится к привлечению церковных иерархов, чтобы те продвигали данную партию среди верующих. В свою очередь, левые, зная, что у них на это шансов нет, стараются ослабить влияние Церкви. Хотя после поражения на выборах движения «Твой Рух» Януша Паликота антиклерикализм значительно ослаб. В большой степени потому, что ощутимой выгоды не принес.

Что вовсе не означает, будто поляки прочно связаны с Церковью. Знаменательно, насколько безразлично мы наблюдали провозглашение в Лагевниках Акта признания Христа Королем и Господом, что упрощенно называли коронацией Иисуса королем Польши. Участвовавшие в этом верующие не слишком понимали, о чем речь, радикалы из движения, добивавшегося возведения Христа на трон, не могли решить, нужно ли им радоваться, а левые СМИ и партии — против чего протестовать. Итак, эмоции элит по вопросам религиозных разногласий по-прежнему не вызывают особого резонанса в обществе. Эти вопросы его будто бы совершенно не касаются.

Оппозиция без надежды

Когда год тому назад создавался Комитет защиты демократии (КЗД), казалось, что страна, наконец, преодолеет глубокий ров раскола на либеральную и националистическую Польшу. Впрочем, этот раскол стараются углубить обе стороны спора. Но они впервые поменялись ролями. Отстраненная от власти элита, называющая себя проевропейской и прогрессивной, отчаянно хватается за методы борьбы, которые применялись ее идейными лидерами в ПНР.

Атака с позиции морального превосходства в сочетании с

гражданским движением должна была отыграть поражение на выборах. Согласно тому, как в начале 80-х написал в своем стихотворении Збигнев Херберт, оказание сопротивления должно было быть «вопросом вкуса». Столкновение с новым режимом вызывало бы растущее отвращение, которое заставляло бы противостоять, невзирая на последствия. Так выглядела теория, а первые ободряюще выглядевшие демонстрации, казалось бы, подтверждали ее. Вот только другая сторона совершенно не хотела реагировать жестко, чтобы, хотя бы мелким преследованиями, не разжечь сопротивления. Ну и отвращение.

Поиск аналогии с временами ПНР оказался делом малоперспективным. В те времена было достаточно мелочи, чтобы государственный аппарат начало трясти. Взять хотя бы момент, когда творческие круги хотели деликатно сообщить, что их очень тяготит усиление цензуры, ликвидация отраслевых журналов и последовательное урезание количества выделяемой для издательств бумаги. Вследствие чего в 1957–1962 годах годовые тиражи издаваемых книг снизились с 85 до 78 млн экземпляров. «В такой атмосфере Слонимский и Липский проявили инициативу, составив и отправив премьеру письмо, в котором поднимался вопрос об изменении культурной политики, цензуре и недостатке бумаги» — сообщалось потом в отчете отдела культуры ЦК ПОРП. Двое авторов, выступивших против действующего порядка, Антоний Слонимский и Ян Юзеф Липский, втянули в заговор поэта Павла Герца и автора исторических книг Павла Ясеницу. Довольно долго они вместе дискутировали над содержанием меморандума. Наконец, потеряв терпение, Слонимский написал на листе бумаги: «Председателю Совета Министров Юзефу Циранкевичу. Ограничение количества бумаги на издание книг и журналов, а также ужесточение цензуры в прессе создают угрожающую ситуацию для развития национальной культуры. Мы, нижеподписавшиеся, признавая существование общественного мнения, права на критику, свободную дискуссию и правдивую информацию необходимым элементом прогресса, движимые гражданским беспокойством, требуем изменения культурной политики в духе прав, гарантированных Конституцией польского государства и сообразных с благом нации». Просмотрев эту довольно невинную по своему содержанию петицию, Ян Юзеф Липский отметил: «Несмотря на то, что мне этого хотелось — я не предложил никаких изменений, в первую очередь, чтобы не уязвить авторскую гордость пана Антония, но еще более для того, чтобы не создавать настроения для продолжения совещаний и внесения новых поправок». Другие ее читатели повели себя так же.

В конце концов, письмо премьеру Циранкевичу было подписано 34 известными людьми из мира культуры и науки. Помимо авторов это были, в частности, Мария Домбровская, проф. Кароль Эстрейхер, Александр Гейштор, Мельхиор Ванькович. Идеологический спектр выглядел впечатляюще. От заигрывавшего с коммунизмом и сотрудничавшего с разведкой ПНР проф. Леопольда Инфельда, социалиста проф. Эдварда Липинского до виленского консерватора Станислава Цат-Мацкевича. 14 марта 1964 г. Слонимский принес составленное им письмо в канцелярию премьера Циранкевича и отдал в руки секретарши, полагая, что вопрос будет решен весьма деликатно. И только председатель Союза польских литераторов (СПЛ) Ярослав Ивашкевич сразу почувствовал, чем это кончится. «Мне нет до этого никакого дела! Плевать мне на все это! Я для этого уже слишком стар!.. Ах! За границей будут шуметь, Гомулка взбесится!» — заявил он секретарю СПП Яну Марии Гисгесу, после чего спешно уехал в Италию писать книгу. Великий писатель, которому государственная карьера удавалась как во времена санации, так и при народной власти, был абсолютно прав. Мельхиор Ванькович и Станислав Цат-Мацкевич, независимо друг от друга, тайно переслали на Запад содержание «Письма 34-х». Только тогда власти Варшавы сориентировались, что в секретариате у Циранкевича лежит петиция, которую секретарша забыла передать шефу. Но глава ПОРП Владислав Гомулка определенно предпочитал больше верить в заговор, нежели в случайность. Он атаковал бунтовщиков: Липского арестовали, на двенадцать других подписантов письма наложили запрет любых публикаций. Главного редактора «Тыгодника повшехного» Ежи Туровича, который тоже подписал «Письмо 34-х», наказали снижением тиража католического журнала с 40 до 30 тысяч экземпляров. Наконец, были задержаны Ванькович и Мацкевич. Для двух престарелых звезд публицистики решили устроить показательные процессы. Первый из них был приговорен к трем годам тюрьмы (от исполнения приговора воздержались), второй умер до начала суда. Репрессии увенчались принуждением почти 700 лиц из мира культуры и науки к подписанию меморандума с осуждением «Письма 34-х». Творческие круги не простили властям ПНР такого обращения. Из-за недосмотра секретарши призывы общего характера вызвали скандал, который ныне символизирует начало сопротивления интеллигенции коммунистическому режиму. Что, в общем, не лишено смысла, поскольку о «Письме 34-х» долго сообщали СМИ во всем мире, подчеркивая раскол, произошедший между правящей группой и творческими кругами. Современная попытка повторить эту историю окончилась

фарсом. Поддержка «Газеты выборов» и прочих средств массовой информации, сочувствующих Комитету защиты демократии, мало чем помогает и даже не в состоянии скрыть того, что КЗД скатывается до уровня развлекательной организации, специализирующейся на абсурдных хепенингах.

Государство без силы

«Польское государство существует теоретически. Практически его не существует, потому что оно действует отдельными своими фрагментами, не понимая, что государство — это целое» — внушал Бартломей Сенкевич главе Национального Банка Польши Мареку Бельке^[5] над блюдом с осьминогами.

Слова бывшего министра внутренних дел запали в память не только журналистам. Одним из главных предвыборных лозунгов ПИС стало укрепление государства. В духе наблюдений Сенкевича, который заметил: «Там, где государство действует как единое целое, оно обладает поразительной эффективностью». Этой эффективности должен был способствовать молниеносный захват всех руководящих постов в администрации, обновление закона о гражданской службе, позволившее с легкостью менять директоров, а также нападки на приватизированные государственные предприятия. После реформы аппарата казначейства и таможенной службы государство, в соответствии с мечтой Сенкевича, должно было стать как сжатый кулак. В начале лета Ханна Гронкевич-Вальц и Роман Гертых^[6] не скрывали, что осенью ожидают первых арестов среди знакомых. В чем им вторил Томаш Лис^[7]. В Польше вновь должно было стать так, как было при коммунистах или при царизме. Власть, правящая абсолютно и безнаказанно, при пассивном одобрении со стороны подданных.

В польских реалиях вера в возможность проведения таких изменений несколько удивляет. После 1945 г. это удалось благодаря Красной Армии и корпусам НКВД. А когда отсутствует мощный репрессивный аппарат, любые попытки закручивания гаек приводят к моментальному расколу и столь же быстрому взрыву. Пример этого процесса легко проследить в недолгом существовании автономного Царства Польского.

Царь Александр I дал ему либеральную конституцию и широкий спектр свобод. Внутреннее управление осуществлялось Сеймом, а также наместником, которым в течение десятилетия был ген. Юзеф Зайончек. Этот бывший участник восстания Костюшко и наполеоновский солдат хоть и верно служил царю, но к русскому менталитету относился не слишком положительно. Типичный москаль — согласно запискам генерала — был

человеком, «не знающим иной добродетели, помимо слепого послушания». А в Царстве Польском привыкли соблюдать гражданские свободы.

Ситуация начала меняться, когда после смерти Александра I на трон в 1825 г. взошел Николай I, который начал последовательно ограничивать польскую автономию. Точкой кипения при подчинении поляков дисциплине оказался незначительный с виду факт. Великий князь Константин вводил в польской армии русский стиль поддержания дисциплины, который был основан на оскорблении подчиненных и применении телесных наказаний. Среди непривычных к унижениям офицеров это вызвало просто эпидемию самоубийств. Чему удивлялись русские, не понимавшие гиперчувствительности ляхов к тому, что для них представляло собой естественный способ общения начальника с подчиненным. Кнут стал тогда символом властного подавления и русского варварства. Когда руководитель заговора, инструктор Школы подхорунжих Петр Высоцкий, призвал курсантов к бунту, свою речь он начал со слов: «Пробил час мести». Не случайно ноябрьское восстание началось с попытки захватить Великого князя Константина с тем, чтобы убить его.

Поставить перед собой цель реально закрутить гайки в Польше — это означает создать себе неизбежные проблемы. За год, пока правит ПИС, имела место лишь одна такая попытка, когда Сейм всерьез занялся безумным проектом фонда *Ordo Iuris*^[8] по полному запрету абортот. Короткого рыка общества было достаточно, чтобы правящая команда в панике протрубила отступление.

Тем временем, образ пропасти между запуганным гражданином и угнетающим его правительством по-прежнему остается лишь плодом воображения элиты, отстраненной от власти. Государственный аппарат не составляет единого «кулака», поскольку вводимые перемены принесли, прежде всего, нарастающую инертность, соединенную с полным упадком и так уже весьма слабого боевого духа чиновников. Если анализировать ежедневные реакции поляков, то вывод о том, что главная проблема — это продолжающийся политический диспут и невозможность достижения компромисса, вовсе не выглядит столь уж очевидным. Словесная и протекающая, главным образом, в кофейнях польско-польская война кажется просто второразрядным вопросом, поскольку общество оказалось удивительно равнодушным к генерируемым наверху расколам и конфликтам. Намного более важным становится тот факт, что отстраненной от власти элите не удалось и не удастся ни

ощутить ответственности за государство, ни действовать ради общего блага. Ее, в свою очередь, заменила такая, которая не способна ни управлять, ни действовать конструктивно. И обе они одинаково успешно приносят вред.

Общество же не в состоянии выделить из себя «третью элиту», способную трудиться ради его блага. «Война посреди говна» — говаривал в таких случаях бывший министр Сенкевич.

DZIENNIK
GAZETA PRAWNA

-
1. 11 ноября — Национальный праздник независимости Польши — Здесь и далее примеч. пер.
 2. Казимира Шука — польская журналистка, литературный критик, политик, сторонница феминизма.
 3. Томаш Терликовский — польский журналист, философ, писатель, католический деятель.
 4. Польские политические партии «Право и справедливость», «Гражданская платформа» и «Польская крестьянская партия».
 5. Цитаты из скандальных аудиозаписей, сделанных во время встречи Бельки и Сенкевича в ресторане и опубликованных журналом «Впрост».
 6. Ханна Гронкевич-Вальц — польский политический деятель, мэр Варшавы, в прошлом председатель Национального банка Польши. Роман Гертых — польский консервативный политик, в прошлом вице-премьер Польши.
 7. Томаш Лис — польский журналист, главный редактор еженедельника «Ньюсуик Польска».
 8. Ordo Iuris — польская юридическая ассоциация ультраконсервативного толка.

Выписки из культурной периодики

Все чаще входит в обиход — в особенности на страницах прессы, которую именуют «правой», — понятие «нелиберальная демократия». Первым, пожалуй, им воспользовался венгерский политик Виктор Орбан в полемике с политиками Европейского союза, исповедующими идею либерального правового государства. Вообще в Польше либерализм атакуют с двух, казалось бы, враждебных друг другу сторон: правых представляет прежде всего партия «Право и справедливость», левых — не вошедшая в парламент партия «Разем» («Вместе»).

Любопытная экспликация к ведущейся на эту тему дискуссии — фельетон Петра Сквецинского на страницах еженедельника «В сети» (№ 31/2017), озаглавленный «Живем на архипелагах» и открывающийся тезисом: «Польские правые и правые западные, в сущности, не имеют друг с другом ничего общего». Автор пишет: «В самом деле, какой базовый рефлекс, какая парадигма, какая эмоция вызвали то, что в начале 90-х годов возникли польские правые? (...) Конечно, причин было много (...) Но главная, основная — несогласие с несправедливостью, желание восстановить справедливость и наказать виновных. Потому что польские правые партии возникли, прежде всего, в результате общественного движения, целью которого было завершение революции «Солидарности», изменение статуса людей, занимавших при прежней системе высокое положение (считавшееся результатом национального предательства), и наказание виновных в противодействии освободительным порывам поляков. Считалось, что выполнение этих требований положит конец вопиющей несправедливости». И это принципиальным образом должно отличать польских правых от западных: «Ибо западные правые с этой точки зрения — не только сейчас, но и всегда прежде — диаметрально отличаются от польских. Восстановление справедливости не является и никогда не было сколько-нибудь существенным фактором сплочения правых. Напротив — к такого рода эмоциям они всегда относились с недоверием, поскольку ассоциируют это с революционностью». О революции же господ Орбан и Качинский в свое время высказывались как о виде совместного

политического действия. В то время революция, как известно, правым принципиально чужда.

Но так ли это на самом деле? Сквецинский по образованию историк, так что должен бы знать, что после 1918 года в Германии значительным влиянием пользовалось движение, получившее наименование «консервативная революция», которое левым никак не назовешь. Одним из основателей этого движения был хорошо известный юрист и политолог Карл Шмидт, одна из главных фигур в формировании правовой системы Третьего рейха, которого, заметим, часто вспоминают в современной польской «правой» прессе. В числе ведущих идеологов «консервативной революции» следует также вспомнить Эдгара Юлиуса Юнга, критиковавшего Веймарскую республику в знаменитой книжке «Господство неполноценных. Его распад и замена Новой Империей». Как видим, революционные замыслы не так уж и чужды западным правым, — просто шок, вызванный столкновением с нацизмом, пока довольно успешно излечил их от революционности.

По мнению Сквецинского, в основе действий западного правого движения, в отличие от нынешнего польского, лежат совершенно иные принципы — прежде всего это стремление укрепить позиции существующих элит, что влечет за собою «отход от культурного консерватизма, христианства и даже отказ от защиты идентичности западных народов». «Достижению этой цели служит, например, институциональная непрерывность. А также размывание государственной власти, ее передача в руки избираемых групп, исполняющих регулирующие функции. (...) И как же представители такой формации должны реагировать на соприкосновение с людьми внешне того же самого идейного лагеря, но, в отличие от них, обуянными жаром борьбы с беззаконием, стремлением выжечь каленым железом несправедливость и «восстановить моральную гармонию, разрушенную коммунистами и их преемниками?» (...) Польские и западные правые могли бы декламировать друг другу строки из стихотворения Збигнева Херберта «Плач Фортинбраса»: „Нам не сказать ни «привет», ни «прощай». Мы живем на архипелагах”».

Обращает внимание яркий язык этого фельетона: «обуянные жаром борьбы», «выжечь каленым железом»... Звучит знакомо, да? Однако наиболее существенным мне кажется в данном фельетоне иное. Ведь Сквецинский — в политическом измерении — обращается к постоянно муссируемой в

последние годы теме польской идентичности. На этот вопрос пробует ответить и Иоанна Цесля в статье «Всё не так плохо», помещенной на страницах «Политики» (№ 31/2017). Автор подводит итоги исследования, называвшегося «Сами о себе»: «Мы ставили также более общие вопросы: насколько польское общество отличается от народов Западной Европы? Более чем каждый третий опрошенный (35%) полагает, что мы действительно отличаемся от западноевропейцев, и что это разницу следует сохранить. 30% считают, что различий сейчас становится все меньше, и они должны исчезать. Меньшая часть опрошенных, однако, все же значительная (27%), разделяет убеждение, что отличий много, но считает, что именно Польша должна дать Западу пример, в какую сторону развиваться. Более половины опрошенных (52%) констатировали, что поляки не лучше и не хуже других народов. По мнению каждого третьего, поляки отличаются в лучшую сторону, а 10% считают, что в худшую. Довольно осмотрительно респонденты отвечали также на вопросы об истории. 40% считают, что в прошлом поляков незаслуженно притесняли, но им самим тоже есть себя в чем упрекнуть. 29% полагают, что поляки прежде должны признать собственную вину, а лишь потом требовать удовлетворения со стороны других. Под мнением, что поляки как нация подвергались в прошлом притеснениям, тогда как их самих упрекнуть не в чем, подписалось меньшинство — одна четвертая часть опрошенных; это, видимо, и есть база поддержки правящей партии. (...) Однако возвеличивающий и мифологизированный образ Польши и поляков, предлагаемый правящим лагерем, не пользуется такой большой популярностью в обществе, как можно бы ожидать. Результаты исследований, особо наводящие на размышления, касаются сравнения поляков с другими народами, в том числе в контексте исторических травм. Преобладали мнения сдержанные, попытки примирить разные взгляды». И наконец, Иоанна Цесля пишет в заключение, что «стабильно позитивная самооценка — необходимое условие развития, эффективного сотрудничества и хороших отношений с другими. Это касается как личности, так и сообщества. Если только 27–34% поляков считают себя лучше других народов, это значит, что две трети все еще сохраняют здоровый критицизм, чувство меры и реализм».

В этом контексте заслуживает внимания также статья Яна Кубика «Конституция вышла на улицу», опубликованная в «Тыгоднике повсехном» (№ 33/2017). Автор комментирует общественный протест против изменений законодательства в Польше в июле текущего года: «Июльские протестные акции разворачивались на политической сцене, где доминируют

партии с выраженными авторитарно-популистскими амбициями, и в общественном пространстве, где часто от лица всего общества выступают люди, пропагандирующие национальные и религиозные символы, используемые так, чтобы подчеркнуть закрытость Польши перед миром, Европой и демократическим сообществом. (...) Понятие народа конструируется в этом густом символистском замесе как некое герметичное, замкнутое на себе, обособленное от Европы сообщество, принадлежность к которому определяется степенью привязанности к католической вере. Общество, агрессивно отвергающее разнообразных «других», в особенности «красных» (...) и беженцев (...), а в последнее время также Джорджа Сороса (...). И вот на эту сцену недавно вышли те, кто исповедуют и пропагандируют совершенно иное видение мира и Польши. Это группы, которым близка идея самоорганизации в рамках автономного гражданского общества (не столь слабого в Польше, как иногда полагают), для которых базовыми ценностями являются верховенство права, либерализм (бытовой, но не обязательно экономический), укорененность в европейском сообществе и открытость миру. Проблема в том, что, в отличие от национализма — идеологии, располагающей богатым символическим и мифологическим антуражем, — либеральное гражданское общество и верховенство права не только не являются «темой», которую можно преобразовать в способные будить эмоции мифы, но и не могут обратиться к какой-либо символической традиции. (...) Бетховенская «Ода к радости», которую недавно распевали на польских улицах, или флаг Евросоюза — это, собственно, весь доступный репертуар. Но вот появился на улицах необычный плакат, точно, экономно и красиво передающий суть гражданского протеста (...). На плакате по-польски написано только одно слово «конституция» — KONSTYTUCJA. Большинство букв черные, но Лукаш Райский выделил красным и белым две пары букв TY и JA («ты» и «я»). Неожиданно конституция приблизилась к людям, вышла на улицы в простой, но привлекательной графической форме. Перестала быть абстрактным документом (...), а превратилась в текст огромного значения для тебя и меня, поскольку у нее есть что сказать о нас как личностях, обладающих правами по нашему собственному решению! Это также текст о нас в целом, о нашем обществе, о том, как его строить. Мы объаты конституцией, в ее лоне наша общность приобретает форму, ведь сущностное измерение нашего совместного бытия должно быть обосновано в законе, покоящемся на якоря конституции. В плакате есть еще одно важнейшее послание. Мы вместе, вместе как поляки (TY и JA — это белое и красное), но требуем, чтобы власть не забывала о еще одном, существенном элементе общей

польскости. Наше совместное национальное бытие должно реализовываться в конституционно определенных рамках, которыми обозначаются права и обязанности каждого из нас. Этих двух измерений общественного существования — национального и конституционно-правового — нельзя отделить друг от друга (...). Толпы, несущие национальные флаги, символы Европейского союза, поющие национальный гимн и оснащенные эмблемой их конституции, начали завоевывать публичное пространство для такой формы национальной идентичности, в которой не подвергается сомнению верховенство закона, и которая неразрывно с законностью связана. В Европе подобная форма существования национальной общности казалась уже укорененной нормой, хотя стала подвергаться нападкам со стороны популистов разных мастей».

Более того — в Европе говорится (особенно в послевоенной Германии говорилось), о «конституционной идентичности» (Verfassungsidäntitet): именно конституция ставит общество выше большинства символов и мифов. Имеет смысл подчеркнуть, что такой тип общественного единства не вмещается в картину, предлагаемую проектом «нелиберальной демократии», один из вариантов которой, известный под названием «социалистическая демократия», уже был весьма болезненно опробован. И следовало бы также напомнить еще одну языковую игру подобного рода. Не кто иной, как генерал Пиночет, вещал изумленному миру о построении у себя «тоталитарной демократии». Один не лишенный воображения остро слов назвал это попыткой соорудить подводной парусник.

Стихотворения

Перевод Андрея Базилевского

первые дни весны: чтение

привести в порядок бумаги просмотреть врачебные выписки
словно есть надежда на отступление среди свидетельств о
собственности
справок из гмины свежих номеров «пчеловодства»
книга

пахнет дымком «клубовых» на бумаге робкие следы
отцовского чтения во время мессы приходский священник
цитирует из нее
стихи которые должны свидетельствовать о любви мне
неловко
ибо — не свидетельствуют

когда отца поднимают разжимаю кулаки утешает меня
только мысль о его любимом перочинном ноже
который я положила в гроб
за мгновение до

август: румяна

мы разглядываем голых женщин на крыше комбайна
оставленного на краю вишневого сада
это журналы наших братьев мы бросаем
их там на ночь

утром залезаем на машину
бумага вымокла в росе тела женщин
похожи на розовое
свиное мясо

июль: медосбор

обдаем кипятком бутылки из-под водки отец вносит на кухню
бидоны с медом ждем когда спадет жара ночью
разливаем темный мед от старого сонча надвигается
гроза при звуке грома куба скребет лапами входную дверь

грохочет где-то рядом легавая прильнула к окну веранды
на пригорке у края леса горит овин от дождя пламя ярче
деревня уже спешит туда собака дышит ровней *да огонь*
всегда ее успокаивал

опись: рождение и убой

белёная стена хлева служит отцу блокнотом
чертежным карандашом он записывает даты осеменения
коров фиксирует прирост и расход скота

вечером мы ведем телку под племенного быка

отец выбирает того возле леса швейцарца породы зименталь
мощный бугай в носу стальное кольцо
а он не сломает корову спрашиваю я он аккуратный успокаивает
отец

ребята живущие возле леса ведут меня в овин там к воротам

тонкими гвоздями прибиты жабы мы
молимся им говорят они кланяясь земноводным в пояс

июнь: кровь

на кухне застаю сестру согнувшуюся над раковиной
из носа у нее течет густая кровь красная дорожка
тянется по доскам пола к дивану запрокидываю ей голову
тряпкой вытираю рот

в сени входит отец с окровавленным зайцем в руках
берет в ладони лицо сестры я вижу как кровь
зверя и кровь моей сестры смешиваются

май: огонь II

отец спрашивает про пасеку дает строгие указания *вощину*
ставь нежно выбирай теплые дни чтоб не застудить
улей будь внимательна в тот раз он попросил пачку
«клубовых» я купила ее на деньги выпрошенные у мари

лицо: урок живописи

возле леса умер старый друг отца
которого мы навещали зимой его ладони были похожи
на когти хищной птицы он наливал в глиняные плошки
падевый мед и аплодировал видя наши клейкие от сласти лица

говорил шепотом — как утверждал отец у него в горле
угнездилося зло так что если уж молиться то за это его горло
против того что там поселилось

от него мне достался мой первый рой говорит отец пока
мы взбираемся по косогору чтоб в последний раз коснуться его
ладони

в холодной комнате я всматриваюсь в иссохшее лицо
друга моего отца думаю о живописных наклонностях
смерти о том как она акцентирует тени
как осторожно дозирует краски

утро: работа в крови

сырость точит лиственничные балки веранды
из окна холодной комнаты смотрю на отца

ночью шквальный ветер повалил старые груши
с высоты виден ущерб всей деревни
сорванные крыши сломанные опоры
высокого напряжения

отец подзывает меня дает перочинный нож
велит вытащить из своего запястья черную занозу
ты должна научиться работать в крови говорит
рану мы заливаем пчелиным клеем на спирту
от него у нас желтые терпкие ладони

Лешек Шаруга

Подлинность

Малгожата Лебда. Фото: К. Осіера

Малгожата Лебда (р. 1985) дебютировала в 2006 году книгой стихов «Открыта на 77-й странице». Четвертая книга, «Маточник», изданная в 2016 году, подтвердила ранее данную

критикой высокую оценку ее творчества, тяготеющего к течению экопоэтики. Этот тип восприимчивости, чутко реагирующей на проблемы связи человека с природой, несомненно, присутствует в новой книге, но не как «тема», а как непосредственное ощущение. Лебда стремится воспроизвести реалии своего взросления в деревенской среде, для которой естественно общение с природой. Действие происходит в деревне: в первом стихотворении — «утро: работа в крови» — местность, в которой живет героиня, разорена шквальным ветром с гор: «с высоты виден ущерб всей деревни/ сорванные крыши сломанные опоры/ высокого напряжения». Жители, догадываемся мы, приступают к наведению порядка:

отец подзывает меня дает перочинный нож
велит вытащить из своего запястья черную занозу
ты должна научиться работать в крови говорит
рану мы заливаем пчелиным клеем на спирту
от него у нас желтые терпкие ладони

Курсивом здесь, как и в других текстах книги, выделены слова отца. Отец становится главным действующим лицом, формирующим отношение к делам жизни и смерти, обыденному и необычному, причем как жизнь со смертью, так и обыденное с необычным, натуральным образом взаимопроникают. Более того, видимо, именно рассказ отца — суть описанных в стихах событий, а сами стихи являются обрамлением этого рассказа.

Книга повествует об отношениях с отцом — начиная с детства, до последнего прощания. Отчаяние после его смерти смягчено участием в заупокойной службе:

когда отца поднимают разжимаю кулаки утешает меня
только мысль о его любимом перочинном ноже
который я положила в гроб
за мгновенье до

Это последние слова поэмы, разбитой на автономные, но составляющие единство фрагменты. В них явственны эмоциональная связь между дочерью и отцом и дистанция, преодолеваемая уважением и любовью. Языки поэтического повествования и цитируемых высказываний отца создают систему напряжений, придающих динамику созданному образу мира. Важную роль играет и сосредоточенность на

деталей — к примеру, на отцовском перочинном ноже, положенном в гроб, как когда-то в гробницы клали оружие погребаемых воинов.

В этих стихах волнует их подлинность, подтвержденная органической связью человеческой жизни с природой, чувственная полнота опыта, отход от доминирующей ныне абстрактности. Язык произведений Лебды крепок и выразителен — в противовес тому, что Милош определял как «нечеткость польской речи», ее слабость в сравнении с силой русского языка. Сила языка, присущая творчеству Малгожаты Лебды, позволяет назвать неназванное, как в стихотворении «стадо: разгон», где речь идет о разорванных телах овец и подозрениях, что это сделали собаки:

они беспокоятся словно почуяли кабанов отец проверяет их
пасти
и лапы *все чисто* бросает через плечо глядя на лес
дома он чистит пневматическое ружье *похоже снова пришли*
говорит он матери.
Перед нами поэзия редкой плотности, наделенная силой
свидетельства.

Культурная хроника

В самый разгар каникул, 9 августа, мы пережили небольшое землетрясение. А именно: из списка литературы для чтения учащимися общеобразовательных лицеев и техникумов, опубликованного на странице Министерства народного образования, вдруг исчез Чеслав Милош. Интернет забурлил, встревожились учителя и публицисты. «Утром Чеслав Милош выпадает из списка лицейского чтения, чтобы днем снова в нем оказаться. Случайность? Министерство говорит об ошибке, однако это был не первый случай, свидетельствующий, о неоднозначном отношении правых политических сил к польскому нобелевскому лауреату», — читаем в журнале «Политика». А на страницах «Тыгодника повсехного» Гжегож Янкович убеждает, что напряженные отношения правых с Милошем имеют уже некоторую традицию, а его исчезновение из списка чтения обусловлено обстоятельствами скорее внелитературными: «Истоки такой реакции следует искать в высказываниях политиков, связанных с правящей партией. Когда в 2011 году в Польше по решению Сейма был объявлен Год Милоша, со стороны представителей «Права и справедливости» слышались обвинения в антипольском характере его творчества. Милош «плохой», гремели депутаты, поскольку он критически писал о поляках, он гадил в собственном гнезде. Высказывалось также мнение, чтобы в рамках проходившего в Кракове Фестиваля Милоша организовать дискуссии, участники которых затронули бы эту мнимую антипольскость.

Обвинения были абсурдны (впрочем, они звучат до сих пор). Милош критиковал польскость, клеймил наши пороки, искал возможности нейтрализовать опасные национальные мифы, особенно те, которые ведут к изоляции личности в рамках социума и всего польского общества — в рамках всемирного сообщества (причем не только к культурной, но и к политической изоляции). Назвать такую позицию антипольской — это идеология, причем бессмысленная».

А что по этому поводу Министерство народного образования? «Мы не представляем себе новой программной платформы для образования выше начального без творчества Чеслава Милоша! Чеслав Милош, как польский поэт и нобелевский лауреат, имеет гарантированное место в базовой программе», — заявила

Польскому агентству печати ПАП пресс-служба министерства. То есть что? Буря в стакане воды? Однако почему автор «Морального трактата» неожиданно исчез из списка литературы для чтения, нам так и не объяснили.

Мы уже знаем, кто получит в этом году статуэтку премии имени Циприана Камиля Норвида «Дело жизни». Лауреатом премии, присуждаемой за совокупность творчества, стал Яцек Бохеньский — прозаик, эссеист, переводчик с немецкого и итальянского, автор «Римской трилогии» («Божественный Юлий», «Поэт Овидий Назон», «Цезарь Тиберий»), деятель демократической оппозиции в ПНР. Убеленный сединами писатель (родившийся в 1926 году во Львове) в своем творчестве часто обращается к античности, но умеет также быть поразительно современным. Он признается, что не боится компьютера: «Я уже более десяти лет пользуюсь ноутбуком, чтобы писать книги и контактировать с миром». Несколько лет назад он создал интернет-страницу и ведет блог. Поздравляем!

Катажина Бони стала лауреатом присуждавшейся в шестой раз премии «Грифия» — всепольской литературной награды отличия для женщин литераторов, учрежденного и курируемого газетой «Щецинский курьер». Журналистка награждена за книгу «Ганбаре! Мастер-класс умирания» — репортаж о цунами, обрушившемся на Японию в 2011 году, и о катастрофе на японской атомной электростанции в Фукусиме. Важная часть этой книги (номинированной в нынешнем году также на премию им. Рышарда Капуцинского, присуждаемой за литературный репортаж) посвящена проблеме проживания траура как в личном, так и в общественном плане.

Жюри литературной премии Центральной Европы «Ангелус» под председательством Миколы Рябчука опубликовало в августе список 14 книг, вышедших в полуфинал. Среди них три польских: «Галичане» Станислава Александра Новака, «Справедливые предатели. Соседи с Волыни» Витольда Шабловского и «Фальсификаторы перца. Семейная история» Моники Шнайдерман.

Премия, присуждаемая ежегодно писателям родом из Центральной Европы, которые поднимают в своих произведениях наиболее важные для современности темы и

углубляют знания о мире других культур, будет вручена в октябре на торжественной церемонии во Вроцлаве.

В августе мы отметили 270-летие создания первой польской Национальной библиотеки. «8 августа 1747 года братья Анджей Станислав и Ян Анджей Залуские, владельцы огромного книжного собрания, открыли в Варшаве Публичную библиотеку Залуских, которая после смерти второго из основателей перешла под покровительство государства и получила название „Библиотека Речи Посполитой имени Залуских”, — читаем в бюллетене Национальной библиотеки. «Это была не только „первая в Польском Королевстве библиотека”, но также одна из первых национальных библиотек в Европе. <...> По приказу царицы Екатерины II библиотеку полностью конфисковали и перевезли в Петербург. Несмотря на случившиеся при перевозке потери, это была, однако, бесценная коллекция. В 1795 году царица велела построить для принятого собрания новое здание, которое положило начало Императорской (позже Российской национальной) библиотеке. Сразу после подписания Римского договора в 1921 году в Польшу была возвращена значительная часть собрания Библиотеки Речи Посполитой имени Залуских. Увы, в 1944 году почти всё было сожжено — вместе с большей частью коллекции рукописей, старопечатных изданий, графики и карт Национальной библиотеки — оккупировавшими Варшаву немцами. Национальная библиотека уже несколько лет интенсивно регистрирует невозвращенные фрагменты Библиотеки Залуских в Петербурге. <...> В планах Национальной библиотеки на 2018 год — издание каталога рукописей из Библиотеки Речи Посполитой, хранящихся в национальных книжных собраниях Польши и России».

По случаю 73-й годовщины начала Варшавского восстания Иван Вырыпаев поставил «Чеченский дневник Полины Жеребцовой». Спектакль с участием Анджея Северина можно было посмотреть в помещении Музея Варшавского восстания со 2 по 5 августа. Автор повести, чеченка, сегодня известный журналист и писатель, живет в Финляндии. В дневнике описывает опаленные войной годы детства и юности.

— В число мероприятий, приуроченных к празднованию очередной годовщины восстания, мы уже много лет включаем театральные представления, — сказал директор музея Дариуш

Гавин. — В нынешнем году впервые спектакль не относится к Варшавскому восстанию напрямую, но наш выбор продиктован тем, что история XX века, а также события последних лет связаны с историей городов, которых коснулась война. Сараево, Грозный, Алеппо. Когда-то такая судьба постигла Варшаву. Такие города — это не только места героических подвигов, арены большой политики и великих событий, это места страдания обычных людей, которых коснулась война. В этом смысле данный спектакль перекликается с судьбой Варшавы.

Возникла новая институция культуры: «Польская королевская опера» с резиденцией в Королевских Лазенках в Варшаве, созданная министерством культуры. Здесь работу нашли музыканты, уволенные из Варшавской камерной оперы. Директором стал Рышард Перыт, единственный в мире режиссер, который поставил на сцене все оперы Моцарта и Монтеверди. Он также с 2011 года является облатом, то есть светским монахом конгрегации редемптористов. Перыт ставил оперные спектакли, в частности, на сценах Варшавы, Вроцлава и Познани. В театральном сезоне 1996/97 он был художественным руководителем оперной и балетной сцены Национального театра. В последние годы решительно устремился к католицизму. Представил поэму «Римский триптих» Иоанна Павла II в подземельях камальдульского костела в Варшаве, а также поставил спектакль «... о Боге сокровенном» на основе поэм Кароля Войтылы в «Театре новом» в Познани. В прошлом году, в связи с 1050-летием крещения Польши, в «Театре польском» в Варшаве он поставил спектакль «Маран-афа — „прииди, Господи Иисусе”».

О будущем «Польской королевской оперы» с беспокойством высказалась в своем блоге в «Политике» Дорота Шварцман, известный музыкальный критик: «Как известно, я желаю всем артистам самого лучшего, но какой в этом проекте смысл? Есть ли какая-то художественная программа, какая-то задумка? Почему в Лазенках? Ведь Станиславовский театр не вместит оркестр, не имеет оборудования, годится разве что для камерного исполнения опер барокко. А ведь оркестр «Sinfonietta WOK» играет на современных инструментах, и в нем более 70 музыкантов. Я, конечно, знаю, что он образовался при объединении двух камерных оркестров, но каждый из них слишком велик даже сам по себе ... Оснащения там тоже нет. Хорошо бы иметь другое, более подходящее для такого коллектива место — но где?»

В Национальном музее в Познани 6 августа открылась выставка «Расщелины свободы. Польское искусство в 1945–1948/49», на которой представлены около 180 произведений художников, работавших непосредственно после Второй мировой войны.

— В это время люди еще думали о свободе, демократии и справедливости, несмотря на изменение границ и то, что согласно Ялтинскому соглашению Польша оказалась в советской зоне влияния. Художники, писатели, люди культуры еще думали об идеалах демократии. Живописцы и скульпторы жаждали возродить уничтоженную войной линию развития изобразительного искусства, — сказала пресс-атташе музея Александра Собоцинская.

Экспозиция состоит из трех частей. Первая, «Время натюрморта», включает работы Яна Цибиса, Артура Нахт-Самборского, Тадеуша Петра Потворовского, Вацлава Таранчевского и Ханны Рудзкой-Цибис. Второй раздел экспозиции назван «Война/Война», здесь представлены, в частности, работы Владислава Стшеминского, Альфреда Леницы, Эрны Розенштейн и Йонаша Стерна и цикл Анджея Врублевского «Расстрел». Завершающий раздел выставки, «Абстракция и сюрреализм», демонстрирует, среди прочих, работы Владислава Стшеминского, Тадеуша Кантора, Марии Яремы. Прекрасная плеяда!

Выставка продлится до 12 ноября.

Каждый поляк еще со школы знает «Портретную галерею польских королей и князей» Яна Матейко. Образы властителей, созданные в XIX веке краковским мастером, вошли в сознание многих поколений. В 2004 году Анджей Понговский (известный плакатист) обратился к признанному гуру польской графики профессору Вальдемару Свежему (1931–2013) с предложением создать новые портреты. Профессор принял вызов, попросил историка Марека Кляту подготовить информацию не только о физических чертах властителей, но и об их характерах. И эти характеры прекрасно раскрыл — например, в портрете Болеслава II Рогатки (сына Генриха II Набожного), который «умер в возрасте 50 с лишним лет от поноса, объевшись на Рождество 1278 года и, как потом написали, обделавшись насмерть в полном смысле слова».

Среди работ можно увидеть, например, необычайно эффектного Яна III Собеского, разгромившего турок под Веной, или королеву Ядвигу в макияже. Выставка «Новая галерея властителей Польши. Вальдемар Свежий *contra* Ян Матейко» прибыла в августе во Вроцлав. Это третий — после Варшавы и Гданьска — город, в котором она демонстрируется. Выставку можно посетить до 15 ноября в Королевском дворце на улице Казимира Великого.

Минувший год был рекордным для нашего рынка искусства. Так следует из доклада, подготовленного службой artinfo.pl. Общий оборот на рынке искусства в Польше в 2016 году достиг 167,1 млн злотых. Цены на польских мастеров растут; наиболее динамично развивается сегмент современного искусства. Однако рекорды бьют работы признанных художников, вошедших в историю искусства. Вот пять самых дорогих произведений польского искусства, проданных аукционными домами в прошлом году:

5. Анджей Врублевский. «Автопортрет», 1949 — 1 млн 534 тыс. злотых.
6. Тадеуш Маковский. «Девочка с корзиной фруктов и барашком», 1923 — 1 млн 864, 4 тыс. злотых.
7. Алина Шапошников. «Птица», 1959 (цемент с металлической стружкой) — 1 млн 958 тыс. злотых.
8. Фердинанд Руциц. «Мельница зимой», 1902 — 2 млн 183 тыс. злотых.
9. Роман Опалка. «Деталь 3», 1965 — 2 млн 303 тыс. злотых.

Стоит напомнить, что в текущем году рекорд Опалки уже побит. Картина Яна Матейко «Убийство Ваповского» продана на аукционе за головокружительную цену 3 млн 683 тыс. злотых.

Прощания

13 июля в Пенсильвании, в США, скончалась Юлия Хартвиг — одна из крупнейших польских поэтесс XX века, эссеист, переводчик французской и англоязычной литературы. Она была связной Армии Крайовой во время войны, авторитетным участником демократической оппозиции в ПНР, членом Гражданского комитета при председателе независимого профсоюза «Солидарность» Лехе Валенсе. Юлия Хартвиг родилась 14 августа 1921 года в Люблине, куда ее родители переехали из России после революции. Мать поэтессы, Мария

Хартвиг, русская, из семьи старообрядцев; покончила с собой, когда Юлии было девять лет.

Во время войны Юлия Хартвиг изучала полонистику и философию в подпольном Варшавском университете. После войны продолжила учебу в Католическом Люблинском университете и Варшавском университете, изучая наряду с полонистикой романскую филологию. 1947–1950 годы она провела во Франции как стипендиат французского правительства и сотрудник польского посольства, а в 1972–1974 годах принимала участие в программе «International Writing Program» в США. Юлия Хартвиг была членом Союза польских литераторов, членом Польского Пен-клуба и Союза польских писателей. Дебютировала в 1938 году на страницах школьного альманаха «В солнце», первый сборник, «Прощания», издала спустя 18 лет. Последние ее поэтические книги — это «Светлое темное» (2009), «Горькие печали» (2011), «Записанное» (2013) и «Взгляд» (2016). Президент Бронислав Коморовский наградил Юлию Хартвиг Большим крестом ордена Возрождения Польши, а французские власти — Кавалерским крестом Почетного Легиона. Юлия Хартвиг была лауреатом многих литературных премий. Ее не стало за месяц до 96-летия.

25 июля в возрасте 87 лет в Кракове умер проф. Мариан Конечный, скульптор и педагог, в 1972–1981 годах ректор Академии изящных искусств им. Яна Матейко в Кракове. В числе его произведений варшавская «Нике» и десятки других монументальных работ, таких, например, как памятник Революционной борьбы в Жешуве (1974), памятник Тадеушу Костюшко в Филадельфии (1979), памятник Станиславу Выспанскому в Кракове (1981), памятник «Славы и мученичества» в Алжире (1982), монумент Абдель Кадеру в Алжире (1987), памятник Иоанну Павлу II в Лихене, конная статуя Яна Замойского в Замостье (2005). Ему принадлежит также памятник Ленину, установленный в 1973 год в Новой Гуте и демонтированный после краха ПНР. Проф. Мариан Конечный был почетным членом Российской академии художеств. Похоронен на Аллее почета Раковицкого кладбища в Кракове.

2 августа в Варшаве в возрасте 88 лет умерла Ванда Хотомская — писательница, поэтесса, автор более двухсот книг для детей. Дебютировала на страницах журнала «Свят молодых» в

1949 году. Первый стихотворный сборник «Эники-беники» опубликовала в 1958 году. С 1951 года начала сотрудничать с редакцией популярного детского еженедельника «Сверчок». Свои стихотворения, фразы, прозу и сценические тексты для детей печатала также в «Плумыке», «Плумычке» и в «Мисе», журнале для самых маленьких. Многие годы Ванда Хотомская писала тексты для вечерней детской телепередачи «Яцек и Агатка». В 1969 году она была удостоена присуждаемым детьми «Орденом Улыбки», идея учреждения которого принадлежала ей самой.

9 августа умер Ян Збигнев Слосевский, более известный как Гамильтон. Он писал тексты для варшавской «Культуры», «Вспулчесности» и «Политики». В своих фельетонах перевоплощался в брюзгливого старика, который помнит времена Первой мировой войны. В 60-е и 70-е годы Гамильтон был одним из ведущих польских фельетонистов, варшавскую «Культуру» начинали читать с его фельетонов, в которых автор совмещал отстраненность от мира, дух противоречия и оригинальный взгляд на затрагиваемые темы. Сам о себе фельетонист писал: «Я консерватор, но разъяренный, холерик, резкий. (...) Ироничен, но бываю серьезен». Издал сборники фельетонов: «Маленькая золотая виселица», «Пустое место», «Дверь налево, дверь направо», «Под знаком льва и пушки», «Когда твердая валюта размякнет». Гамильтону было 83 года.

Юлия Хартви́г (1921–2017)

Поэтесса, переводчица, эссеистка

Фото: К. Дубель

Забвение

Сухо перо Надежда словно белый парус
Под ним клубится море и не высыхает
Ты как ладонь моя со мной во мне все время
Я бегу ты во мне смутные знаки чертишь
Прочсть их не хочу не смею не умею
И уходя бессильно зрелостью пренебрегаю
Когда-то тоже море так шумело в полдень
Что ни день в полдень старую болезнь напомним
Не помню Как блаженно Вот цветок вот листья
Жить безнаказанно в преддверии но рано
Сухо перо Воспоминанье утлый парус
Под ним клубится море и не высыхает
Корона морю идеал моей печали
Корабль в высоком свете среди ночи темной
Разрезаны страницы книги значит поздно
Корабль одновременно траурный и праздник
За карнавалом сразу вскоре пост начнется
Сухо перо Надежда вскормленная птица
Летит над морем и ночлега просит
Над маленьким буйком моей печали
Твое лицо задув свечу встречает солнце

Перевод Анастасии Векиной

Наталья Дмитриевна Солженицына с визитом в Кракове

По приглашению ректора Ягеллонского университета в Кракове, профессора Войцеха Новака, а также ректора Государственной профессиональной высшей школы в Кросно, профессора русистики Ягеллонского университета Гжегожа Пшебинды, 17–21 мая 2017 года в Польшу прибыла вдова великого русского писателя, председатель Фонда его имени Наталья Дмитриевна Солженицына. Визит готовился еще с прошлого года, когда в Москве, во время семинара, посвященного А.И. Солженицыну, состоялась первая встреча Наталии Дмитриевны с Гжегожем Пшебиндой («Новая Польша», 2016, № 7–8). Наталья Дмитриевна прибыла в Краков в сопровождении своей ближайшей сотрудницы Галины Андреевны Тюриной, заведующей отделом по изучению наследия А.И. Солженицына в научно-исследовательском центре Дома Русского Зарубежья в Москве.

Программа официального пребывания Наталии Дмитриевны в одном из старейших университетов Европы была довольно насыщенной и состояла из нескольких встреч и докладов. Главным событием визита была открытая лекция Н.Д. Солженицыной о жизни и творчестве ее мужа. Лекции предшествовала личная встреча и разговор российских гостей в кабинете ректора Ягеллонского университета. Доклад состоялся 18 мая в самой знаменитой аудитории Кракова — в актовом зале Коллегиум Майус. Приветственное слово произнес ректор Ягеллонского университета Войцех Новак, который торжественно подчеркнул особое значение творческой и общественной работы Солженицына для свободной мысли России, Польши и Европы. Особенно сердечно ректор Новак приветствовал присутствующих в зале студентов, которые, по его словам, никогда не должны переживать того, что пережил и описал в своих трудах великий русский писатель Александр Солженицын. Выступавший после ректора профессор Гжегож Пшебинда сердечно поблагодарил за присутствие Александрю Курчаб-Помяновскую, жену покойного Ежи Помяновского, главного редактора «Новой Польши», автора первого польского перевода «Архипелага ГУЛАг» (опубликованного под псевдонимом Михал Канёвский). В зале, среди многочисленных

преподавателей, студентов, а также специально приглашенных представителей издательского рынка и прессы присутствовал также профессор Люциян Суханек, один из первых краковских исследователей творчества А.И. Солженицына.

Лекция Натальи Дмитриевны длилась больше часа и сопровождалась оригинальным мультимедийным показом, благодаря которому собравшиеся могли ознакомиться с редкими фотографиями из личного архива писателя и его жены, а также интереснейшими фрагментами фильма, снятого во время церемонии вручения писателю Нобелевской премии по литературе 10 декабря 1974 года. Наталья Дмитриевна представила широкий биографический очерк, сконцентрировавшись прежде всего на жизни писателя в изгнании и подробно рассказав о переживаниях, заботах и проблемах того времени, о мучавшей их с мужем тоске по России. После этого яркого выступления во время короткой дискуссии председатель Фонда им. А.И. Солженицына отвечала на поставленные аудиторией вопросы, касающиеся отношений Солженицына с Иоанном Павлом II, а также с великим ученым, лауреатом Нобелевской премии мира Андреем Сахаровым. После лекции Наталия Дмитриевна очень задушевно поздоровалась с Александрой Помяновской, на глазах которой выступили слезы переживаний и сильных эмоций.

Лекция в Коллегиум Майус была сотой встречей, состоявшейся в цикле «Восточные встречи», которые по инициативе Гжегожа Пшебинда Институт восточнославянской филологии Ягеллонского университета проводит с 2001 года.

Краковский визит вдовы Александра Солженицына завершился специальным семинаром со студентами славистами. Гостью приветствовала директор института Катажина Ястжембская, а модератором сердечного разговора со студентами был Гжегож Пшебинда.

Академические сообщества Кракова и Кросно благодарят всех принимавших участие в организации визита Н.Д.

Солженицыной в Польшу, — визита, который стал одним из самых значительных социально-культурных событий в рамках непростых в последние годы польско-русских отношений.

Путешествие в Краков

Встречи с Конрадом [7]

В Краков Джозеф Конрад с семьей отправился в непростое время, хотя планировал всего лишь отдохнуть и показать сыновьям места своего детства. В письме к Голсуорси от 25 июля 1914 года писатель подчеркивал, что едет в Польшу со смешанными чувствами. С того момента, как в 1874 году он сел в Кракове в венский экспресс, Конраду казалось, будто он погрузился в сон и что сон этот все никак не кончается. Кроме того, автор «Сердца тьмы» выражал надежду на воплощение мечты о независимости, которая для поколения его родителей была предметом живой веры и аргументом, оправдывающим величайшие жертвы, а для его поколения — уже недостижимой целью, несбыточным чаянием. Таким образом, Конрад определяет свое положение как человека, пребывающего в реальности сна, недоступной окружающим; это своеобразная метафора одиночества, которое он испытывал как среди соотечественников, так и среди британцев. Вся его внутренняя жизнь, весь духовный мир вместе с порождаемыми ими картинами будущего сосредоточились на надежде на пробуждение, наступившее совершенно неожиданно.

Хотя сам Конрад и не участвовал в военных действиях, однако вместе с семьей попал в эпицентр событий, в результате которых на европейском континенте установился новый порядок. Приехав в Краков накануне Первой мировой войны, 31 июля 1914 года, Конрады — граждане Великобритании — оказались по ту сторону линии фронта, на польских землях, находившихся в составе Австро-Венгрии. Это был первый за двадцать с лишним лет (считая с 1893 года) визит Конрада на родину и первый за сорок с лишним лет визит в Краков — состоявшийся в значительной степени благодаря усилиям молодого Джозефа Ретингера и его жены Оталии Зубжицкой, мать которой пригласила Конрадов в Гошу — свое имение под Краковом. Ретингер — серый кардинал мировой политики — был представлен Конраду в 1912 году, а яркая и полная недомолвок биография этого человека позволяет предположить, что приглашение посетить польские земли носило не только частный характер. Вероятнее всего, Ретингер надеялся заручиться поддержкой Конрада в том, что касалось его дипломатических усилий вывести польский вопрос на

международный уровень. Среди документов, хранящихся в библиотеке Польской академии наук в Кракове, имеется машинопись — *curriculum vitae* Ретингера, из которого следует, что он являлся неофициальным посланником Польского национального комитета в Лондоне еще за год до знакомства с Конрадом, то есть в 1911, хотя Временный комитет конфедерированных политических партий — сторонник независимости был создан лишь в ноябре 1912 года. Главный же польский военный комитет возник в 1914 году. Однако ни один из этих фактов не исключает того, что Ретингеру в самом деле могла быть поручена тайная миссия: привлечь выдающегося писателя к борьбе за польское дело. Патриотическим организациям приходилось действовать крайне осторожно и соблюдать конспирацию, следовательно, они могли функционировать задолго до формальной регистрации. Ретингер обладал весьма разнообразными связями в политическом мире, главным образом, в консервативных кругах.

Короткое пребывание в Кракове Конрад использовал, чтобы познакомить семью с древним городом. Они отправились на Раковицкое кладбище, на могилу отца, Аполлона Коженёвского, и в Ягеллонскую библиотеку, где хранитель показал им папки с рукописями и письмами Аполлона. Конрад не ожидал, что отец по-прежнему является для поляков важной и уважаемой фигурой. В Гощу Конрады так и не попали, поскольку та находилась уже на российской территории, то есть за линией фронта; в конце концов Ретингер, заботясь об их безопасности, отправил семейство в Закопане.

Не последнюю роль в принятии решения о поездке в Краков сыграл визит, который нанес Конрадам в мае 1914 года молодой Артур Рубинштейн. Он был также хорошим знакомым Анели Загурской, кузины Конрада, которая держала в Закопане пансионат «Константиновка»; в нем бывали Леопольд Стафф и Станислав Виткевич, сам Рубинштейн провел там лето 1913 года, останавливался в «Константиновке» и Юзеф Пилсудский. В первые дни поляки были настроены оптимистично, и пока Англия не оказалась втянута в войну, Конрад мог разделять это радостное возбуждение. В ночь с 1 на 2 августа были мобилизованы Стрелецкие союзы Пилсудского, 1 августа в Кракове прошли уличные манифестации в их честь. Конрады покинули Краков 2 августа, отправившись в Закопане, где поселились сперва в отеле «Стамары», а затем в пансионате Загурской.

Закопане однако не являлось вполне безопасным убежищем: все советовали Конрадам, во-первых, молчать и не привлекать к себе внимания австрийских властей, во-вторых, — поскорее возвращаться в Англию. Опасались, что австро-венгерские

власти, проведая о том, что столь известный британский гражданин находится почти на линии фронта, интернируют Конрада вместе с семьей и отправят вглубь Австрии, в лагерь. Судя по воспоминаниям, в частности, Теодора Коша, положение спасла жена генерала Карла Кука (1853–1935), которая, узнав о ситуации, в которой оказались Конрады, выхлопотала у мужа специальную бумагу, позволившую им покинуть польские земли.

Прежде чем уехать, Конрад встретился в Закопане с Жеромским. Их беседа овеяна тайной — в дальнейшем ни один из писателей не пожелал о ней рассказать — что заставляло строить догадки, чему свидетельство — стихотворение Антония Слонимского «Диалог о любви родины между Джозефом и Стефаном» («Скамандер», 1923, № 28). Гость — в котором нетрудно узнать Джозефа Конрада — демонстрирует радикальный пацифизм и подчеркивает абсурдность любой войны, поскольку та вынуждает человека сосредоточиться на частных вопросах, не позволяя обратиться к универсальным. Нужно понимать, каков был контекст этого диалога: необходимость переоценки прежних убеждений перед лицом Великой — Первой мировой — войны. Слонимский подверг позиции собеседников крайнему упрощению. И Жеромский не являлся лишь продолжателем романтизма, и Конрад не был равнодушен к делам Польши — он выступал в ее защиту и поднимал польский вопрос в Лондоне. Оба писателя чрезвычайно высоко оценивали творчество и жизненную позицию друг друга. Анеля Загурская подчеркивала уважение, какое Конрад питал к творчеству Жеромского, особенно к «Пеплу» и «Сизифову труду», а первой книгой Конрада, которую прочитал Жеромский, стал «Лорд Джим». Роман этот произвел на него огромное впечатление. Конрад чувствовал огромную благодарность к Жеромскому за предисловие, которое тот написал к польскому изданию его произведений. Автор «Пепла» говорил в нем, что Польша нуждается в духовной пище, заключенной в произведениях Конрада, и жаждет ее. Конрад благодарил Жеромского в письме от 25 марта 1923 года, называя его величайшим мастером польской литературы. Поэтому, изображая Гостя и Хозяина антагонистами, Слонимский безусловно преувеличивал. Политические дискуссии, которые имели место в «Константиновке», протекали бурно, и голос Конрада выглядел на этом фоне чересчур рациональным, чересчур сдержанным. Судя по рассказам известного краковского адвоката Теодора Коша, настроения там царили «безумные», и сам Конрад был весьма встревожен ситуацией. По мнению Коша, писателю нелегко было примирить в себе глубокое убеждение в том, что сторона, на которой воюет Англия, выйдет из войны

победителем, с точкой зрения, согласно которой надежды на независимость Польши связывались с политическими и военными действиями, ведшимися под эгидой Австрии. Факт, что союзником Англии оказалась в этой войне Россия — которую и Конрад, и legionеры считали врагом Польши номер один — еще больше усугублял это внутреннее противоречие. Иначе виделось поведение писателя Казимежу Гурскому, который возмущался «спокойствием и флегмой» Конрада, а его взгляд на польские дела с точки зрения мировой политики считал предательством патриотических идеалов потому лишь, что писатель не опасался называть вещи своими именами и не предавался иллюзиям. Автор «Лорда Джима» не стремился оправдать возложенные на него ожидания, он выступал скорее как реалист и прагматик, способный взглянуть на ситуацию отстраненно, отделить полную наивных надежд интерпретацию событий от их реальных последствий. Его отличала не столько иная политическая позиция, сколько болезненное осознание того, что за Польшу, кроме поляков, никто не горит желанием умирать, не видя в подобном самопожертвовании особого смысла, а спустя сто двадцать три года после исчезновения Польши с карты Европы мир не придает особого значения отсутствию польской государственности.

Конрад хотел убедить английское общество в том, что национальные права поляков должны быть признаны как победившими, так и побежденными государствами, поскольку до сих пор попирались и теми, и другими. 13 октября 1914 года, по пути в Англию он встретился в Вене с Марианом Билиньским, братом министра финансов Австро-Венгрии. Они говорили о польском вопросе и возможности его обсуждения в Конгрессе Европы.

В марте 1915 года Игнаций Падеревский, член Комитета помощи жертвам войны в Польше, основанного 9 января в Веве, в Швейцарии, призвал Конрада войти в его состав. Писатель ответил телеграммой, объясняя, что не может этого сделать, поскольку там будут фигурировать русские фамилии, а Конрад принципиально не участвует в предприятиях, в которых принимают участие русские. Кроме того, писатель со всей очевидностью осознавал, что Великобритания оставила польский вопрос на усмотрение России как ее внутреннее дело, и крайне болезненно это переживал. Однако польское общество весьма негативно восприняло отказ Конрада вступить в Комитет, обвинив писателя в отсутствии доброй воли, о чем выразительно свидетельствует эссе Яна Перловского «О Конраде и Киплинге». Перловский интерпретирует жест Конрада исключительно как желание отомстить за свою эмиграцию тем, кто хочет как-то помочь родине. В очередной

раз жест Конрада был объявлен предательством, уклонением от патриотического долга. Подобная реакция выглядит оскорбительной, тем более, что со своей стороны писатель предпринимал определенные шаги, способствующие решению польского вопроса. Однако Комитет помощи жертвам войны в Польше демонстративно поддерживали русские послы: Извольский в Париже и Бенкендорф в Лондоне. Таким образом, даже действия польских патриотов вписывались в британскую политику, предписывавшую считать польский вопрос внутренним делом России, для международной политики совершенно несущественным.

Этот вопрос Конрад затронул еще раз в малоизвестном в Польше интервью, данном Антонию Чарнецкому. Из него следует, что Конрад очень страдал от недоразумений и неправильного понимания его позиции по отношению к соотечественникам. Писатель сам описывал Чарнецкому вышеупомянутое событие как изначально неприятное. Организаторы комитета связались с писателем, спрашивая разрешения внести его фамилию в список участников. Конрад из принципиальных соображений не соглашался на членство в каких-либо комитетах, если не мог посвятить им достаточно времени и не имел возможности присутствовать на заседаниях. Он также отказывался от членства в каких-либо обществах, если не знал списка тех, с кем ему предстояло сотрудничать. Увидев там, наряду с выдающимися британцами и поляками, фамилию тогдашнего российского посла в Великобритании, Конрад понял, что вступать в Комитет не станет. Интерпретировать этот жест просто как антироссийскую позицию было бы упрощением. Нельзя забывать о детской травме, о жизни в изгнании, о польской романтической традиции и отцовском воспитании, однако в описанной позиции Конрада нет ни ревности, ни пафоса жертвы — есть лишь рациональная оценка ситуации, холодный расчет, потребность действовать последовательно. Восприятие польско-российского конфликта как конфликта цивилизаций, возможно, кажется сегодня жестом экзальтации, однако для писателя оно было исторической реальностью. Польские земли представляли собой не только окраины империи — они были границами этой империи, автономной сущностью, которая не может позволить себе проявить покорность, это вопрос не только симпатии или антипатии, но и чистой воды политики. Конрад являлся не только «блестящим английским писателем», но и британским подданным. Лояльность по отношению к Польше заставила его отказаться от сотрудничества с Комитетом, а лояльность по отношению к Великобритании не позволяла изложить причины своего отказа как оскорбительные для ее союзников.

Патриотический меморандум Конрада «Нота о польском вопросе» был передан писателем в британское министерство внешних дел в августе 1916 года. В том, что касается принципиальных вопросов, он перекликается с меморандумом Ретингера от 1915 года «*La Pologne et l'équilibre européen*».

Конрад верил в создание польского государства под протекторатом Франции и Англии. Однако при всей своей русофобии Конрад сознавал роль и значение России, возможные опасения которой как союзника должны быть успокоены, а национальные чувства удовлетворены. Писатель не отрицал возможности союза с Россией, но лишь при условии, что Польша станет его равноправным членом, а союз не будет строиться на лжи и замалчивании фактов позорного прошлого польско-российских отношений. Однако сознание, что ни одно западное государство не пойдет на конфликт со столь сильным противником, доводило его до отчаяния. Конрад старался выторговать приемлемое для англичан соглашение, о чем свидетельствует письмо Джозефу Ретингеру от 21 августа 1916 года, подводящее итоги их встречи с сэром Джорджем Расселом Клерком — высокопоставленным чиновником британского Министерства иностранных дел — относительно меморандума и плана протектората. Конрад отдавал себе отчет в том, что Клерк не мог сказать больше того, что сказал. Чиновник подчеркивал, что не представляет себе обсуждения польского вопроса где-либо, кроме Петербурга. В то же время он признавал, что англичане открыты для конкретно сформулированных требований поляков, предусматривающих возможно более широкий спектр политических и общественных взглядов польских партий. Конрад подхватил эту мысль и воспринял такую позицию Клерка как поощрение дальнейших попыток подвигнуть Ретингера на то, чтобы добиваться согласия на проект протектората.

Этим планам не суждено было осуществиться. Спустя годы, когда Конрад писал предисловие к изданию «Ноты», он защищал ее тон и саму идею протектората, ссылаясь на тогдашнюю политическую ситуацию. Конрад старался вести себя осторожно и прагматично, считаясь с возможной реакцией адресатов. Через год после получения Польшей независимости он опубликовал эссе «Преступление разделов», представлявшее позицию, полностью противоположную той, которую занимало тогдашнее британское правительство. В этом тексте Конрад позволил себе коснуться польских ран, обвиняя Западную Европу в замалчивании польского вопроса, превознося терпение поляков, их способность к выживанию, их решимость. А прокламации императоров и эрцгерцогов, апеллирующих к непобедимой душе народа, существование и моральные ценности которого они так бесцеремонно отрицали

на протяжении столетия, называл чудовищно-комичным. Значимость этих документов подчеркивает несокрушимая убежденность в роли Польши в современном мире. Быть может не столь радикальная, как у романтиков, но неизбывная. Силой Польши является не ее страдание, мессианская миссия, но витальность ее граждан, верность культуре и языку, верность моральным ценностям. Таким образом, Конрад отсылал не к жертвенному алтарю, а к полной парадигме свободы как ценности — не только той свободы, которую обозначают граничные столбы, но и независимость мышления и действия.

Перевод Ирины Адельгейм

Литература польского Просвещения (1740–1815)

Краткий путеводитель для любопытствующих

На закате своих дней Францишек Карпиньский (1741–1825), один из наиболее выдающихся поэтов польского Просвещения, жил в скромном имении на восточной окраине Беловежской пуши, совсем рядом с большим трактом Пружаны–Свислочь. В годы наполеоновских войн, сразу после падения Речи Посполитой, там несколько раз проходили французские, а затем русские войска, и в доме Карпиньского стояли русские офицеры. Поэт писал в дневнике:

Среди генералов, которые у меня [пребывали], генерал Хлебов, богатый русский. Я не богат, располагаю только двумя отдельными комнатами, которые ему и предложил, однако он обратился с просьбой позволить ему ночевать в проходной комнате возле моей спальни, поскольку те две, что были ему предоставлены, с трудом вмещают его сына и прислугу. Я позволил, но едва ли не до трех часов пополуночи к генералу шли с рапортами подчиненные, и громкие беседы у моих дверей не давали мне спать. На следующий день я спросил генерала, хорошо ли ему спалось в доме бедного Карпиньского. А он отвечает: «Так это вы — Карпиньский? Уж не тот ли, что стихи писал?» Когда я признался, что именно тот самый и есть, генерал приказал принести журнал, печатающийся в столице, в Москве, и зачитал воспоминания обо мне следующего содержания: мол, в самые несчастные для Польши времена в ней более всего расцвела литература, взлету которой способствовали, в частности: Нарушевич, Красицкий и Карпиньский.^[1]

1.

Просвещение в польской литературе — период необычный — особенно с перспективы сегодняшнего дня. Он не дал шедевров, подобных тем, что оставила литература XVI, XVII или XIX столетий, в нем — как будто бы — отсутствуют художники масштаба Яна Кохановского, Миколая Семпа-Шажинского, Вацлава Потоцкого или Яна Анджея Морштына... или романтические поэты-пророки (Мицкевич, Словацкий,

Красиньский, Норвид), оказавшие столь мощное влияние на польское коллективное сознание и присутствующие в литературной традиции XIX и XX веков. Зато есть черная легенда, созданная Маурицием Мохнацким и повторявшаяся другими писателями начала XIX века — легенда об эпохе, лишенной собственного художественного лица, бездумно воспроизводившей французские поэтические образцы, о писателях, создававших за деньги монархов льстивые панегирики или эротические стихи на потребу Станислава Августа. И словно этого мало, литература второй половины XVIII века невольно сопутствует падению великого государства, на сто с лишним лет утратившего политическую независимость. Адам Мицкевич, достаточно критически настроенный по отношению к поэтам Просвещения, писал:

Последняя глава истории литературы периода Станислава Августа представляет собой трагедию в истории славян. Все эти писатели умирали в трауре и отчаянии: перед нами похоронная процессия, провожающая родину в могилу. [...] Всех этих людей можно сравнить со встречающимися нам порой безумцами — на протяжении дней своих они не проявляют и тени разума, но порой перед кончиной вспоминают прожитые годы и умирают, полные сожаления о загубленной жизни^[2].

А поскольку беда никогда не приходит одна, после Второй мировой войны зодчие новой идеологии сочли светскую литературу Просвещения идеальным кандидатом на роль важнейшей, едва ли не фундаментальной традиции марксизма XX века: с одной стороны, антицерковная и социально ангажированная, с другой, — явно — европеизированная и критически настроенная по отношению к сарматскому католицизму и столь же скептически — по отношению к французской иностранщине.

К тому же во времена Станислава по любому вопросу — индивидуальному, общественному, политическому — было принято высказываться, прежде всего, в поэтической форме, и каждая такая реплика считалась литературным произведением. Так называемые нормы художественности оказались очень размыты и охватывали едва ли не все печатные или распространяемые в рукописях тексты. В результате всех этих обстоятельств XVIII столетие оставило после себя живописную мозаику произведений, художественно совершенных, любопытных, важных, вошедших в канон польской литературы — и множество стихов, написанных по случаю, являющихся сегодня лишь свидетельством литературной культуры общества Первой Речи Посполитой. Все это не способствовало глубокому интересу к художественной

литературе XVIII века, хотя в послевоенные годы появилось немало профессиональных, значимых и объективных научных трудов, посвященных литературе последних десятилетий существования Речи Посполитой Обоих Народов.

И все же количество литературных произведений, которые вся сегодняшняя Польша знает наизусть, поразительно. XVIII век дал нам «Мазурку Домбровского» — польский национальный гимн, написанный Юзефом Выбицким, королеву польских колядок — «Песню о рождении Господа» («Бог рождается, мощь родеет...»), сочиненную вышеупомянутым Карпиньским, две поэтические молитвы, в XIX и XX веках получившие широкое распространение в домашнем — личном — религиозном обиходе: «Утренняя песня» («Когда занимается утренняя заря») и «Вечерняя песня» («Все наши дневные дела») — также принадлежащие перу Карпиньского, басни и сатиры Игнация Красицкого, занявшие прочное место в программе школьного преподавания, несколько интересных драматических произведений, до сих пор не сходящих со сцены, как, например, «Мнимое чудо, или Краковцы и горцы» Войцеха Богуславского или некоторые комедии Францишека Заблоцкого («Фирцик-ветреник», «Желтый колпак», «Безумный пастух» и другие). Прибавим к этому идиллию «Лаура и Филон» Карпиньского, которую Фредерик Шопен считал квинтэссенцией польскости, хотя ее мелодия отсылает к украинской коломыйке. Если показателем ценности литературного произведения считать степень его известности, литературу Просвещения следовало бы причислить к художественным вершинам. Но более всего потрясает, насколько прежние и нынешние граждане Речи Посполитой связывают с литературой второй половины XVIII века корни своей идентичности.

2.

Имеет ли сегодня смысл читать произведения, относящиеся к литературе периода Станислава и более поздние? С точки зрения исторических, политических и культурных перемен, интерес вызывают другие стихи, дневники и романы, нежели это было еще четверть века тому назад. Прежде всего, стоит обратиться к политической — в широком смысле — литературе эпохи Станислава Августа. Ценность литературных произведений не измеряется степенью их политической ангажированности. Однако если публичные дискуссии по общественным проблемам велись в лучших традициях политической мысли, былых столетий и современной, если стиль их отличался четкостью и стройностью, это является лучшим свидетельством высокой культуры — как политической, так и литературной. По сути, польское

Просвещение начинается с произведений политического и социального характера, с труда Станислава Конарского («О действительном способе советов»), примеру которого последовали сперва художники, связанные с журналом «Монитор» (1765–1785), а затем другие писатели: Гуго Коллонтай, Станислав Сташиц... Это свободная политическая мысль свободных граждан, которые в условиях личной и имущественной неприкосновенности — феномен, какого не знала тогдашняя Европа — обсуждают государственные проблемы, которые полны тревоги, которые осознают все углубляющуюся эрозию государства и нарастающую опасность извне^[3]. Речей, «голосов», политических загадок только в период Великого сейма (1788–1792) опубликовано больше, чем дней насчитывала его продолжительность, причем участники дискуссии опирались на многовековую традицию политических дебатов. Главным актером на этой сцене был король — один из наиболее образованных представителей европейского Просвещения, недооцененный в собственном государстве, безнаказанно унижаемый российскими и прусскими послами, лишенный средств и возможности действовать, а также основных орудий власти — и, несмотря на это, предпринимавший все новые попытки улучшить политическую, юридическую, экономическую, военную ситуацию. То, что более всего он преуспел в области — в широком смысле — культуры, науки и просвещения, является лишь результатом стечения обстоятельств. Впрочем, не стоит забывать, что Станислав Август относился к числу образованнейших людей этой части Европы, прекрасно знал (в оригинале!) литературу большинства европейских народов и обладал прекрасным пером (к сожалению, во время Второй мировой войны сгорели его неопубликованные переводы Шекспира!). Изданное несколько лет назад избранное «Дневников...» короля^[4] — прежде хранившихся в российских архивах и на протяжении ста с лишним лет остававшихся недоступными для читателя — вызвало большой интерес у читателей и исследователей. Написанные на французском языке, они были напечатаны почти одновременно в оригинале и по-польски и тут же дополнены различного рода исследованиями политического, литературного и исторического характера, в основе которых лежат масштабные архивные изыскания и глубокая интерпретация^[5]. Это помогло объяснить карьеру рода Понятовских на фоне поразительного международного политического успеха отца короля, Станислава Понятовского, а информация о действиях власти практически во всех областях общественного функционирования позволяет увидеть эпоху его правления в

совершенно новом свете. История весьма грубо вторгалась тогда в повседневную жизнь, и писатели — особенно король — пытались запечатлеть драму одного из крупнейших европейских народов, утрачивающего свою государственность. Окончательный распад Речи Посполитой был закреплен вынужденной отставкой Станислава Августа, его отъездом под конвоем в Гродно, а затем в Петербург. Там он умер 12 февраля 1798 года...

В целом польская политическая мысль того времени пользуется большим интересом. Блестящие труды Анны Гжезьковяк-Крвавич великолепно показывают проблематику политической мысли первой Речи Посполитой — политических традиций, политических мифов, восприятия западно-европейской мысли, практики работы в Сейме представителей шляхетского сословия^[6].

3. Классицизм, являвшийся главной литературной доктриной на протяжении почти всего польского Просвещения и пользовавшийся явной поддержкой короля как направление, способствующее реформам литературы, развитию журналов, воспитанию нравов, европеизации сарматской культуры — отдавал предпочтение дидактическому или морализаторскому аспекту. Авторы обращались, прежде всего, к жанрам античного происхождения: сатире и письмам, одам, поэмам, басням^[7]. Последние были в период польского Просвещения необычайно популярны: вышло 13 отдельных томов басен, к этому жанру обращалось более 50 писателей. Античную традицию в духе Эзопа или Федра, обогащенную в XVII веке во Франции Жаном Лафонтеном, дополнили произведения открытых французами восточных авторов: арабские басни Локмана и индийские — Пилпая.

Басня принадлежит к числу жанров интеллектуально не слишком сложных, опирается на устоявшиеся аллегории, простые сюжетные ходы, легко прочитываемые параболы. И вот наиболее выдающийся из польских писателей-классицистов, Игнаций Красицкий (1735–1801), публикует сборник под названием «Басни и притчи» (1779), который практически сразу входит в школьную программу и остается в ней по сей день, хотя более-менее достойной интерпретации как отдельные произведения, так и книга в целом дождалась лишь недавно. У Красицкого все так, как полагается в басне. Есть неправый и есть тот, кто знает, как надо, и поучает. Есть морализаторская притча, подводящая к дидактическому выводу. Есть персонажи и ситуации, знакомые читателю по

Эзопу Фригийскому и Лафонтену. На первый взгляд, все соответствует вековым традициям жанра. Однако после внимательного прочтения этих басен появляются сомнения. Красицкий переворачивает с ног на голову привычные аллегории: овца — символ слабости и невинности — у него настолько порочна, что хвалит убийцу собственного ребенка, по той причине, что самой ей была дарована жизнь; добро при повторении дает обратный результат; старость связывается с желанием свободы, молодость — со стремлением к благосостоянию и безопасности; достижение того, что казалось важным, приводит к утрате чего-то другого. Таким образом, не существует ни добра, ни зла — лишь сиюминутная польза или ущерб. В эпоху, сделавшую философию орудием практического анализа реальности, Красицкий в своих баснях имел возможность поднимать важнейшие темы, волновавшие Бернарда де Мандевиля, Дэвида Юма, Вольтера, Дени Дидро или Жана-Жака Руссо. Итак, он спрашивает: каковы истинные границы человеческой свободы? Каковы возможности и границы познания? Поддается ли передаче опыт, который Просвещение полагало основой знаний о мире? Имеет ли смысл закон, не опирающийся на равновесие сил? Существуют ли в человеческих отношениях некие объективные ценности или это лишь игра противоборствующих интересов, в которой следует позаботиться о собственной безопасности? Вывод «Басен и притч» исполнен горечи — от зла нет спасения, можно лишь стараться понять конкретную ситуацию, всякий раз иную. Доверие к окружающим есть проявление глупости, этика поведения — признак слабости. Тщетны вступительные строки, предваряющие сборник — единственные, в которых Красицкий выступает с позиции моралиста и напоминает, что так быть не должно. Но все происходит именно так, и баснописец не призывает менять мир. Ибо классицисты были глубоко убеждены в неизменности человеческой натуры. За сюжетом басни скрывается драма человеческого бытия. Погибающие существа ставят риторические вопросы о причине зла, о несправедливости права сильнейшего. Что наиболее характерно, баснописец почти всегда встает на сторону сильного, даже если правда на стороне жертвы. Однако писатель заботится о том, чтобы читатель понял всю сложность, неоднозначность и драматизм ситуации.

4.

Эстетическая доктрина классицизма — суровая мать для поэта. Однако лирика, имеющая явные автобиографические черты, появляется как в творчестве поэтов сентиментальных, поборников Жана-Жака Руссо, вроде Францишека Карпиньского и Францишека Дионизия Князьнина, так и у представителей

классицизма — Адама Нарушевича, Игнация Красицкого. Чтение французской литературы XVII и XVIII веков придает их творчеству легкость и изящество, обращение к польским классикам XVI и начала XVII века — то есть к польскому творчеству Яна Кохановского и латинскому — Матея Казимира Сарбевского (лишь позже Сарбевский стал идентифицироваться с эпохой барокко) — позволяет нащупать наиболее значимые темы человеческого бытия; классические традиции подсказывают формулы, отсылающие к универсуму средиземноморской культуры. Что касается строфики, поэты, как правило, отдают предпочтение четырехстрочной строфе, складывающейся из чередования десятисложных строк с цезурой после пятого слога и восьмисложных, рифмующихся попарно, с сильной тонической тенденцией — ритмической и, прежде всего, мелодической — названную позже именем короля: станиславовой строфой.

Адам Нарушевич (1733–1796) — иезуит, затем епископ, близкий соратник Станислав Августа — создает, в основном, оды, пропагандирующие программу реформ монарха, посвященные, прежде всего, королю, написанные по случаю его именин или дня рождения, отъезда, возвращения, годовщины коронации, в благодарность за скромный подарок — часы, медаль. Хотя поэта вдохновляют французы, особенно из среды иезуитов, его оды возвышенны, патетичны, пространны, неразрывно связаны с античной традицией и древнепольской стилистикой. В этих выразительных стихах таится политическая ангажированность и поэтическая страсть. Даже обычной сатире, гиперболически изображающей общечеловеческие недостатки, он умеет придать черты драматизма. Одно из самых известных стихотворений Нарушевича — «Песня шарлатана на ярмарке» — парафраз фрагмента второстепенного французского водевиля, который Нарушевич сперва превратил в сатиру, а затем разбил длинный монолог на строфы, разделив их песенным рефреном. В результате получилась песнь шарлатана — мошенника, продающего на ярмарке... возможность заглянуть в аппарат под названием «szajnekatarynka» (аналог позднейшего фотопластика), чтобы увидеть тот мир, по которому мы тоскуем, таким, каким он должен быть: честным, безопасным, справедливым. Но стоит это недешево.

У Нарушевича есть оды также весьма личного содержания. В сущности, поэт не обращается к другим жанрам, за исключением сатиры, басни (как большинство классицистов), дифирамба, песни, гимна и — прежде всего — оды. Рамки его классицизма чрезвычайно широки. Некоторые оды очень эмоциональны: такие чувства, как печаль из-за расставания с любимой (хоть поэт и был епископом) и тоска по другу-королю,

также могут находить выражение в одической форме. В этом случае ода приобретает элегические черты, вызывает в памяти лирического героя образы прошлого. В поиске придворных развлечений Нарушевич одним из последних обращается к поэтическому инструментарию на пограничье барокко и рококо. Он пишет гимны, адресованные Создателю, Времени. Но и в официальных произведениях, в которых поэт упоминает и поучает шляхту и хвалит королевские начинания, он умеет быть необыкновенно убедителен: его тексты образны, живописны, выразительны. Главным источником вдохновения для Нарушевича служит Гораций — образец для всех выдающихся древнепольских поэтов и поэтов Просвещения^[8]. До 1780 года Нарушевич считался наиболее крупным писателем среди авторов польского Просвещения. В конце семидесятых годов XVIII века он бросает поэтическое творчество и приступает к созданию монументального, современного труда по истории Польши. На читательском рынке его место занимает Красицкий — князь-епископ вармийский.

Лирический аспект классицистической поэзии Красицкого был замечен лишь недавно. Он является автором небольшого количества так называемых «разных стихотворений», зато питал пристрастие к письмам в стихах, письмам с прозой — произведениям, в которых поэтические фрагменты перемежались прозаическими: образцом для Красицкого служил, разумеется, Вольтер, написавший около 150 произведений подобного рода^[9].

5.

Однако наибольшей популярностью среди поэтов-неклассицистов пользовался Францишек Карпиньский, автор идиллий, весьма эмоциональных элегий, религиозных стихов, автобиографических произведений и, наконец — в конце жизни — дневника-автобиографии в стиле «Исповеди» Жана-Жака Руссо^[10]. Славу Карпиньскому принесли идиллии, написанные в первый период творчества. Он создал специфический поэтический мир на пограничье природы и культуры. Этот мир привязан к конкретной точке на географической карте: Карпаты и Гуцульщина, долины, горы, горные луга, пастбища, ручьи, лес. Однако наиболее значимы здесь лирические герои стихов — пастухи с еще традиционными именами, взятыми из идиллий Феокрита, Шимона Шимоновича, но прежде всего — Юстына, возлюбленная поэта. В биографии Карпиньского женщины, носившие это имя, появлялись трижды, однако в данном

случае речь идет о создании нового литературного образа, который навсегда станет узнаваемым знаком его поэзии.

Идиллии и другие ранние произведения поэта — это прежде всего любовные стихи. Карпиньский пишет о зарождении чувства, встречах, свиданиях, радости, ревности, разочаровании, расставании, горечи от утраты близкого человека. В распознавании и умении описать эмоциональные состояния он точен, правдоподобен и отличается новаторством. Ориентируясь на «Героид» Овидия, «Песни» и «Трены» Яна Кохановского, поэт также самостоятельно открывает сложный, неоднозначный мир человеческих чувств. Главная героиня — женщина, а предметом анализа становятся прежде всего эмоции: едва уловимые или сильные, отмеченные страстью или меланхолией, переменчивые или постоянные. У Карпиньского любовь ломает барьеры повседневности, противостоит разрушительному течению времени, побеждает страх смерти. Поэт ищет «настоящие» истории, подтверждающие его интуицию. И находит их в далеком средневековье — в хронике Яна Длугоша, арабских традициях. Характер описания во многом отсылает к стилю популярных в ту эпоху «Поэм Оссиана» Джеймса Макферсона, однако оригинальность замысла и поэтического воплощения несомненна. Несмотря на многообразие эмоциональных ситуаций, всеобъемлющим чувством является в стихах Карпиньского печаль. В теоретическом исследовании Карпиньский прямо заявляет, что только это состояние дает возможность проникнуть в суть человеческой натуры, позволяет человеку «подняться над самим собой». Главным инструментом познания оказывается интроспекция, критерием моральной оценки — человеческая совесть, а важнейшей эстетической категорией — нежность, понимаемая как готовность к сопереживанию другому человеку, а по сути — любому чувствующему существу. Элегическая стихия переполняет многие стихи Карпиньского — рядом оказываются радостное прошлое и меланхолия, печаль настоящего, ощущение утраты, пустоты, отсутствия. Учитывая перечисленные выше особенности лирического героя, именно утраченное в наибольшей степени определяет мир ценностей поэта.

Сентиментализм Францишека Карпиньского не исключает обращения к универсуму античной культуры, к поэзии эпохи Ренессанса — золотого века польской культуры, к Кохановскому как представителю классицизма. Он призывает отринуть мифологические названия и героев, но по-прежнему использует сюжеты и поэтические структуры, заимствованные у античных писателей и литературы XVI века. Однако

наполняет их семейными сюжетами, почерпнутыми из польских или — шире — славянских традиций. Вероятно, в юности, проведенной на территории сегодняшней Украины, Карпиньский познакомился с повестями российских старообрядцев. В шутовском стихотворении, озаглавленном «Письмо-отказ» — парафразе Кохановского — мотив бурной ночи, известной по поэзии Горация, поэт заменяет картиной похищения в ад Петра I — Антихриста. Античность в этой поэзии является одной из базовых ценностей, а одним из элементов фундамента, на котором строится почти неклассический сентиментализм Карпиньского, оказывается традиция национального классицизма в духе Кохановского. Поэзия польского романтизма — уже в третьем десятилетии XIX века — искала новые познавательные возможности, новые личные образцы и источники творчества, а его герои иной раз казались безумцами. Но именно во времена Просвещения Францишек Дионизий Князьнин (около 1750–1807) был склонен к меланхолии, как писали, когда он еще учился в иезуитской коллегии в Витебске. Он происходил из восточной Белоруссии и подписывался «Княжнин». Князьнин стал одним из последних польско-латинских писателей. Известную по традиции Горация модель постоянного совершенствования автором своих стихов он довел до крайности: каждая следующая версия у него отвергает предыдущую. Князьнин меняет, преобразовывает, дополняет, редактирует: он публикует огромный сборник «Эротических стихов» (372 текста, 1779), затем отказывается от них и издает «Стихи» (1783), выкупает весь тираж, сжигает (!) и публикует «Поэзию» (тт. 1–3, 1787–1788), наконец в конце жизни еще раз переписывает все свои прежние сочинения, на сей раз в подготовленной к печати рукописи. Но и этот текст Князьнин еще раз переделывает, дополняет, дописывает, редактирует заново. Он не успел его опубликовать. До сих пор не переиздан ни один из этих сборников, как не напечатана и последняя версия его собрания сочинений.

Князьнин пишет, главным образом, оды, но публикует также басни в прозе, отсылающие к образцам Лафонтена, поэмы, драматические произведения, оригинальные произведения, написанные на латыни («Carmina», 1781) и... переводы польской поэзии на язык Горация; переводит он прежде всего стихи Яна Кохановского, стремясь таким образом повысить ранг этого поэта. Окончательного варианта его произведений не существует — каждая из публикаций является в определенной степени законченной, последней версией и одновременно исходной точкой для дальнейших преобразований. После раздела Речи Посполитой и военных перипетий Князьнин заболел шизофренией и по прошествии нескольких

лет борьбы с болезнью перестал писать. Свидетельством этого периода являются стихи, имеющие одинаковое название «К Богу». Создатель предстает в них защитником и спасителем, единственным гарантом стабильности мира и этики господствующих в нем законов. В лирическом повествовании, в непосредственных признаниях Князьнин пишет, прежде всего, о себе: в описании эмоционального состояния лирического героя, чувства непосильного бремени, сменяющегося легкостью и желанием взлететь, можно увидеть отражение борьбы поэта с душевной болезнью.

6.

Светская модель, получившая распространение во французской культуре того времени, в Речи Посполитой входила во взаимодействие с живыми религиозными традициями, тесно связанными с литературой саксонского периода, непосредственно предшествующего Просвещению (1697–1763). Религиозные сюжеты, глубоко укорененные в традициях религиозной барочной лирики, не угасают в литературе второй половины XVIII века и переживают глубокое преобразование после 1780 года. Сперва, в сороковые годы XVIII века, это еще продолжение традиций позднего барокко, но используемых уже с сознанием перемен, совершающихся в современной культуре. Юзеф Анджей Залуский^[11], Эльжбета Дружбацкая^[12] парафразируют библейские истории, пишут стихи на религиозные темы. Юзеф Бака (около 1707–1780) — последний из выдающихся лириков уходящей эпохи. Его «Замечания» представляют собой ряд предостережений современникам – вне зависимости от сословия и возраста – ведущим беззаботную жизнь, подчиненную сиюминутным удовольствиям^[13]. Бака рисует перед ними картину вечности, Страшного суда, награды, а прежде всего — кары за грехи брэнной жизни. Он пишет стихом с короткими строками (всего несколько слогов), необыкновенно динамичным, с безыскусной рифмой (зачастую вводя внутренние рифмы), смело пользуется коллоквиализмами, уменьшительными формами, шокирующими ассоциациями, но также вплетает в текст красивые изысканные метафоры, живописные сравнения. Бака ужасает читателя образами ада и осуждения. Смерть и вечная мука — совсем рядом, они касаются каждого, уже сейчас, в данный момент, словно в средневековых представлениях – моралите. Бака стремится потрясти читателя, заботясь о нем, полагая, что лишь глубокая травма позволит увидеть в правильном свете перспективу спасения души. Осужденный литературной критикой уже во второй половине XVIII века, он оказался понят и оценен лишь в конце XX века — зато такими

выдающимися поэтами, как Мирон Бялошевский и Чеслав Милош.

Констанция Бениславская (1747–1806) в эпоху рационального миропонимания являлась подлинным мистиком — подобно святому Иоанну Крестителю, святой Терезе Авилской. Она опубликовала всего один поэтический сборник: «Песни, спетые для себя» (Вильно, 1776) — книгу «возвышеннейших стихов из всех, какие только были написаны в XVIII веке на польском языке» (Вацлав Боровы)^[14]. В ее случае знание художественной литературы, в том числе светской, а также религиозной литературы XVII и начала XVIII века подчинялось одному — горячей любви к Богу. В парафразах «Отче наш» и «Радуйся, Мария», а также двадцати четырех стихотворениях, написанных по случаю, скрыт весьма занятный автобиографический сюжет, который она, вслед за столь популярным тогда Яном Кохановским, вплетает в свои стихи. Бениславская пишет о своем муже, о детях (у нее родилось двадцать два ребенка), домочадцах, болезнях и страхе утратить красоту (она была очень красивой), о чувстве ответственности за других, об инфлянтских пейзажах (поэтесса всю жизнь жила в польских Инфлянтах — сегодняшней южной Латвии). Сборник долгое время считался прежде всего книгой религиозных размышлений, но уже в XVIII веке издатели — среди которых был, например, Михаил Грель, самый известный из варшавских книгопечатников — увидели в ней прежде всего поэтессу и стали продавать «Песни, спетые для себя» вместе с другими стихами поэтов Просвещения.

Уже неоднократно упоминавшийся Францишек Карпиньский вместе с Францишеком Дионизием Князьниным в 1785 году берутся за перевод «Псалтыри». Частично они используют парафраз Яна Кохановского, значительную часть переводят сами. В век света, в столетие разума они ищут возможности обновления поэтического языка в Книге Псалмов. Через несколько лет Карпиньский, пользуясь опытом издания Псалмов, пишет цикл «Набожных песней» (1792), предназначенных для индивидуальной религиозной практики. Эти песни вошли в повсеместный обиход и остаются в нем по сей день, их поют во время литургии, паломничеств, на Рождество и праздник Воскресения Господня.

7.

Либертинизм является постоянной отличительной чертой польского Просвещения. Прежде чем распространиться, он стал предметом опровержений, полемики и протестов, однако не приобрел таких форм, как, например, во Франции:

либертинизм в Польше не имел такого количества сторонников и не носил столь радикального характера. Своеобразной «библией» либертинцев всей Европы была поэма «De rerum natura» Лукреция (Тит Лукреций Кар, 99–55 до н.э.). К числу его наиболее внимательных читателей на берегах Вислы принадлежал Станислав Трембецкий (1739–1812), друг и секретарь Станислава Августа, сопровождавший его до самой смерти в Петербурге, кстати, сторонник идеи объединения славянских земель, где Россия Романовых играла бы ключевую роль.

После смерти короля Трембецкий оказался сперва в Гранове, имении Чарторийских, затем в близлежащем Тульчине. Здесь по заказу Станислава Щенсного Потоцкого он написал «Софиевку»^[15], классическую поэму-описание, идеальное воплощение этого жанра в польской литературе рубежа XVIII–XIX веков. Восхищенный Мицкевич издал поэму с собственными комментариями и потом многократно вплетал ее фрагменты в собственную поэзию, особенно в «Пана Тадеуша».

«Софиевка» описывает одноименный пейзажный парк, по сей день существующий на Украине, в Умани, — один из прекраснейших шляхетских садовых проектов в этой части Европы. Она написана в античной традиции — однако не римской, а греческой. Язык поэмы воплощает веру в исключительный характер поэтической речи — классицистский тринадцатисложник насыщен всевозможными инверсиями, парафразами, анжамбеманами. Трембецкий употребляет устаревшую лексику, обращается к этимологии, демонстрирует словообразовательное мастерство. Это высокий стиль, речь богов, отличающаяся от французской легкости Красицкого, от столь трогательной сердце стилизации обыденности, знакомой читателю по стихам Карпиньского^[16].

Пролог «Софиевки» — ода Украине, благополучной, спокойной, счастливой, благодаря... вхождению в империю Романовых. Заканчивается пролог, впрочем, превознесением уже покойной к тому времени Екатерины II, а далее в тексте подобные похвалы адресуются Александру I. Трудно этому удивляться — Потоцкий, объявленный в Польше предателем родины, был горячим сторонником сотрудничества с Россией, а Трембецкий являлся его соратником. Заключительная часть поэмы посвящена ученому диспуту двух мудрецов. Старший из них представляет поразительную историософскую концепцию, согласно которой мир, помимо движения вокруг Солнца и вокруг собственной оси, совершает также движение третьего рода, медленное, ведущее через вечные перемены одной и той

же материи к началу начал — затем все повторяется еще раз, точно так же, и еще раз, и так без конца. Нет свободной воли и возможности выбора, нет предателей и патриотов, мы раз за разом разыгрываем один и тот же сценарий, записанный в основах мира. Трудно удивляться, что поэма «Софиевка» оказалась одним из наиболее высоко оплаченных польских литературных произведений всех веков. Потоцкий знал, за что платит. Мгновение литературной иллюзии, что это на самом деле возможно...

8.

Творчество Яна Потоцкого (1761–1815) принадлежит как к польской, так и к европейской литературе — и в определенной степени до сих пор остается загадкой. Ибо не существует одной окончательной версии его романа «Рукопись, найденная в Сарагосе», а биографические исследования развеяли (хоть и не перечеркнули) легенду, старательно создававшуюся такими эссеистами, как Кайуа или Густав Герлинг-Грудзинский. Потоцкий был аристократом и неутомимым путешественником — он знал почти всю Европу, бывал в северной Африке, Малой Азии, а будучи начальником научного отдела русского посольства (при дворе царя Александра I он занимался заграничными делами) добрался верхом до Монголии и Китая. Потоцкий был ученым и либертинцем, археологом и исследователем славянских древностей, совершил путешествие на воздушном шаре и закончил жизнь самоубийством, погруженный в глубокую депрессию. Роман был написан на французском языке на рубеже XVIII–XIX веков, переведен на польский язык и опубликован в 1847 году Эдмундом Хоецким^[17], и на протяжении ста с лишним лет был известен только в этой версии. Его воспринимали как собрание рассказов «о каббалистах, разбойниках и оборотнях» — если воспользоваться словами самого Потоцкого. В повествовании сплетаются сюжеты, отсылающие к авантюрному и плутовскому роману, роману-путешествию и роману воспитания, полному ужасов готическому роману, а также ориентальные мотивы, элементы еврейской мистики, критика христианства и апология разума. Герои проводят жизнь в постоянных разъездах — путешествии к цели, цыганских скитаниях без конца, пути в никуда. В дороге они обретают смысл жизни, получают образование и сколачивают состояние, находят будущих мужей и жен... Убедительность повествования объясняется, в частности, специфической загадочностью композиции. Читатель запутывается в гуще деталей, в постоянно меняющихся историях, жонглировании именами героев (одни и те же персонажи, сохраняя свою идентичность, меняют имена или титулы), композиции

шкатулки, которая доминировала в начальных фрагментах романа — а повествователь подбрасывает ему все новые варианты очередных сюжетов, призванные помочь разобраться в структуре романа, а на самом деле неизменно ведущие в тупик. Живописности повествованию придает театрализация изображаемого мира. При внимательном чтении читатель быстро обнаруживает, что главный герой — всего лишь зритель, для которого в романном мире пустынных гор Сьерра Морена (Испания) устроена гигантская инсценировка с участием труппы актеров и статистов, рассказывающих ему истории, в большинстве своем известные по более ранней литературе — европейской и ближневосточной: арабской, еврейской, а также библейской традициям. Среди живописных историй выделяется повесть о Вечном Жиде; очередные этапы посвящения Альфонса ван Вордена — одного из двух главных героев романа — подчеркивают ужас неизвестного, вуалируя сюжет с масонством; герои изучают Каббалу, слушают бесконечные рассказы, а пикантность повествованию придают искусно вычерченные эротические линии. Потоцкий с либертинской непринужденностью представляет разные религии (иудаизм, христианство, ислам), всякий раз показывая их как равноправные и являющиеся лишь производной культуры, с опережением затрагивая многие проблемы, поднятые позже философией религии. Ключей к прочтению романа имелось множество, хотя ни один из них не был единственно верным. Режиссер Войцех Хас, очарованный романом, снял одноименный фильм со Збигневом Цыбульским в главной роли (премьера — 1965 г.).

И вот новейшие исследования Франсуа Россе (Швейцария) и Доминика Триера (Франция) оспорили версию Хоецкого. Были найдены и опубликованы — по-французски, а затем по-польски — рукописи двух более ранних версий: 1804^[18] и 1810^[19] годов. Ни одна из них, однако, не является ранее известным целым. Хоецкого обвинили в том, что он дописал ряд фрагментов и сделал компиляцию разных версий. Были изданы подробная биография Яна Потоцкого и посвященная «Рукописи...» монография^[20]. Если прибавить к этому увлекательные описания путешествий, написанные Потоцким (также по-французски) — реальные факты и литературные истории философского характера — а также цикл одноактных пьес в стиле рококо, написанных для магнатского театра Любомирских в Ланьцуте («Парады»), то мы получим образ одного из самых интересных писателей рубежа XVIII и XIX столетий европейского масштаба.

Литературная традиция — материя живая, динамично преобразуемая, переоцениваемая каждым поколением читателей и писателей, а с некоторых пор — также профессиональными исследователями. В настоящее время польский XVIII век пользуется большим интересом — выходят важнейшие литературные произведения, труды, театры периодически обращаются к репертуару XVIII столетия. Основную информацию о библиографии, о планируемых изданиях и т.д. можно найти на сайтах Польского общества исследования XVIII века^[21], подобную роль в распространении информации о литературе первой половины XVIII века играет краковский сайт staropolska.pl^[22]. Однако, пожалуй, самое главное — что литературные произведения эпохи Станислава Августа неизменно присутствуют в общественном пространстве, в пространстве культуры — в государственных праздниках и в литургии католической церкви, в театре и в школьной программе, а прежде всего — пользуются неослабевающим интересом читателей.

Перевод Ирины Адельгейм

-
1. F. Karpiński, Historia mego wieku i ludzi, z którymi żyłem, oprac. R. Sobol, Warszawa 1987, s. 195.
 2. A. Mickiewicz, Dzieła. Wydanie Rocznicowe 1798–1998, t. IX: Literatura słowiańska. Kurs drugi, oprac. J. Maślanka, przeł. L. Płoszewski, Warszawa 1997, s. 242, 244.
 3. Abyśmy o ojczyźnie naszej radzili. Antologia publicystyki doby stanisławowskiej. oprac. Z. Goliński, Warszawa 1984. Характерно, что сборник, посвященный дискуссии о будущем Речи Посполиой в XVIII веке был подготовлен и издан в XX веке сразу после военного положения.
 4. Pamiętniki króla Stanisława Augusta. Antologia, wybór tekstu D. Triaire, przekł. W. Brzozowski, wstęp A. Grześkowiak-Krwawicz, red. M. Dębowski, Warszawa 2013.
 5. См., например, Pamiętniki Stanisława Augusta i ich bohaterowie, pod red. A. Grześkowiak-Krwawicz, Warszawa 2015; T. Kostkiewiczowa, Pamiętniki Stanisława Augusta na nowo odkryte, Warszawa 2015. Интересным документом являются также дневники путешествия короля на Сейм в Гродно в 1784 году (комментированное издание: <http://ibl.waw.pl/8bppoocr.pdf>) и на встречу с Екатериной II в Каневе в 1787 году (комментированное издание — в печати).
 6. A. Grześkowiak-Krwawicz, Regina libertas. Wolność w polskiej

myśli politycznej XVIII wieku, Gdańsk 2006.

7. Представительный обзор важнейших поэтических достижений XVIII в. см: Świat poprawiać — zuchwałe rzemiosło. Antologia poezji polskiego oświecenia, oprac. T. Kostkiewiczowa i Z. Goliński, Warszawa 1981 и последующие издания.
8. Большая часть стихов Нарушевича доступна в формате pdf в комментированных изданиях: A. S. Naruszewicz, Poezje zebrane, oprac. B. Wolska, t. 1-4, Warszawa 2005-2015. Том 1 <http://ibl.waw.pl/4bppoocr.pdf>; том 2 <http://ibl.waw.pl/9bppoocr.pdf>; t. 3 - <http://ibl.waw.pl/11bppoocr.pdf>
9. Том лирики Красицкого подготовил итальянский полонист Санте Грачиоти: I. Krasicki, Wybór liryków, oprac. S. Graciotti, Wrocław 1985. Biblioteka Narodowa, Seria I, nr 252. Книги, изданные в этой известной серии, доступны в форме e-book: <https://wydawnictwo.ossolineum.pl/products/category/biblioteka-narodowa-2>
10. Комментированное издание стихов в форме pdf доступно на сайте: <http://ibl.waw.pl/5bppoocr.pdf>
11. J.A. Załuski, Tragedie duchowne, oprac. J. Lewański, Lublin 2000.
12. E. Drużbacka, Wiersze wybrane, oprac. K. Stasiewicz, Warszawa 2003.
13. J. Baka, Poezje, oprac. A. Czyż, A. Nawarecki, Warszawa 1986; J. Baka, Uwagi, oprac. A. Czyż, A. Nawarecki, Lublin 2000. Электронная версия: <http://literat.ug.edu.pl/baka/jbaka.pdf>
14. Полный текст комментированного издания доступен на сайте: <http://ibl.waw.pl/2bppoocr.pdf>
15. Полный текст комментированного издания доступен на сайте: <http://ibl.waw.pl/1bppoocr.pdf>
16. К наиболее интересным интерпретациям польской поэзии позднего классицизма относится: R. Przybylski, Klasycyzm, czyli Prawdziwy koniec Królestwa Polskiego, Warszawa 1983.
17. J. Potocki, Rękopis znaleziony w Saragossie, tłum. E. Chojecki, oprac. L. Kukulski, Warszawa 1958.
18. Перевод на польский язык версии 1804 года, сделанный А. Василевской, доступен в форме e-book (www.wydawnictwoliterackie.pl).
19. J. Potocki, Rękopis znaleziony w Saragossie. Nowe tłumaczenie ostatniej wersji autorskiej z 1810 roku, oprac. F. Rosset, D. Triaire, przeł. A. Wasilewska, Kraków 2015. Книга доступна также в форме e-book (www.wydawnictwoliterackie.pl).
20. F. Rosset i D. Triaire, Jan Potocki. Biografia, przeł. A. Wasilewska. Warszawa 2006; ciż, Z Warszawy do Saragossy. Jan Potocki i jego

dzieło, przeł. A. Wasilewska. Warszawa 2005.

21. <http://www.wiekosiemnasty.pl>

22. <http://www.staropolska.pl>

Михал Задара

Михал Задара (фото: East News)

Один из самых плодотворных режиссеров младшего поколения. Может поставить все, что угодно. Трудоголик. Специалист по польской классике. Поляк, относящийся к Польше с некоторым отчуждением. Вырос за границей. Михал Задара.

Он сделал поистине молниеносную карьеру в польском театральном мире. Его старшим коллегам-режиссерам, прежде чем получить шанс создать что-либо самостоятельно, приходилось долго учиться у мастеров. Задара этот этап преодолел невероятно быстро, ему не пришлось протаптывать собственную тропинку. Отработав ассистентом всего лишь несколько раз (но под крылом самых лучших режиссеров: Кшиштофа Варликовского, Яна Пешека и Казимежа Куца), он начал свою головокружительную «сольную карьеру». Известность принесли ему уже первые спектакли, которые он ставил еще как студент Государственной высшей театральной школы в Кракове. Потом — ко всеобщему удивлению — работая в невероятном темпе, он создавал даже по шесть спектаклей за сезон. Сегодня на его счету несколько десятков представлений, поставленных в Варшаве, Кракове, Лодзи, Быдгоще, Щецине, а также за границей — в Вене, Берлине и Тель-Авиве. И похоже, что он собирается продолжать в том же духе.

Начало

Михал Задара родился в 1976 году в Варшаве в семье польских дипломатов, которые уехали из Польши, когда ему было три года. Детство он провел во Франкфурте и Вене, где закончил американский лицей, готовящий для работы в международных организациях. Потом он переехал в Соединенные Штаты, где учился на факультете театра и политических наук в колледже Сварсмор в Филадельфии, что разбудило в нем интерес к политической истории. Однако он решил на год прервать обучение в Америке и приехал в Варшаву, где решил изучать режиссуру в Театральной академии, о которой позднее говорил: «Это было кошмарное место, погруженное в такой летаргический сон, что даже думать об этом страшно. Меня приводили в ярость профессора, которые уничтожали потенциал молодых людей, отключая их критическое мышление и замыкая в каноне театральных штампов»^[1]. В это же время Задара дебютирует в качестве режиссера спектаклем (какая ирония!) «Do You Miss America?» по пьесе Эрика Богосяна в театре «Студио Буффо» в Варшаве.

Уже после первого семестра он вернулся в Нью-Йорк, где в ночную смену обслуживал компьютеры в PR-агентстве (и ненавидел эту работу) и был столяром в сценографической мастерской (а эту работу как раз очень любил). Кроме того, он записался на полугодовой курс океанографии, во время которого целые недели проводил на море. Однажды ранним утром, на восходе солнца, стоя за штурвалом яхты и наблюдая за китами, он подумал: «Ну ладно, может это и классно, но не для меня. Я хотел бы оказаться в маленьком черном помещении и поговорить о том, как невыносима жизнь. В театре»^[2]. Еще будучи студентом колледжа Сварсмор он поставил там «Водяную курочку» Виткация, потом — в студийном театре в Нью-Йорке — «Bones in Whispers» Т.С. Элиота. Его тянуло в театр, но долгое время ему казалось, что это несерьезное занятие. По крайней мере в Соединенных Штатах.

В 2000 году он вернулся в Польшу. Его привлекла сюда концепция театра, который является существенной составляющей интеллектуальной жизни, искусством важным и нужным, который оказывает на общество значительное влияние и поддерживается властями, в том числе и финансово. В США все наоборот — культура не играет какой-либо существенной роли, а театр низводится до уровня

развлечения. Однако причиной возвращения стало не только желание работать в престижной области искусства. Прежде всего в нем проснулось «польское самосознание», стремление обрести свою идентичность. В одном из интервью он говорил: «Когда я решил вернуться в Польшу, я понимал, что возвращаюсь в собственную грязь, которую мне придется отскабливать ногтями. Мне нужно было понять, откуда я. Знать, что случилось до моего рождения»^[3]. Это знание он углубляет до сих пор, повторяя, что главное для него — это память о прошлом и проблема вовлеченности человека в историю, даже если сам он в этой истории не участвовал, а лишь из нее вырастает.

Он не сразу поступил в краковский театральный институт, поэтому начал работать ассистентом сценографа Малгожаты Щесняк в театре «Розмайтосци», а год спустя поступил на факультет режиссуры в Государственную высшую театральную школу им. Людвика Сольского в Кракове. Гжегож Низёлек, его бывший преподаватель, позднее написал о нем так: «Он с самого начала обращал на себя внимание, его выделяла активность, с которой участвовал в занятиях и так далеко идущая смелость, что (...) иногда меня охватывали подозрения, не проверяет ли он мою педагогическую бдительность. Бросалось в глаза его умение найти для пьесы современное, но ни в коем случае не тавтологическое по отношению к тексту пространство»^[4]. Оба эти качества свойственны ему до сих пор — он известен тем, что выбирает смелые тексты и предлагает еще более смелые (хотя сам утверждает, что все еще недостаточно отважные) сценические решения, а также тем, что выбирает для своих спектаклей неочевидные, современные пространства (например, «Свадьбу» Выспянского он перенес в современную ванную комнату, в которую по очереди наведываются гости, о чем позднее).

Его дорога к польскому театру была извилистой. Видимо, именно поэтому ему свойственна некоторая отстраненность от «польскости», от традиции, которая для него не священна — он скорее знакомится с ней, как ребенок, познает ее, открывая скрытые смыслы. Так же спокойно он относится к классическим произведениям, поэтому не боится читать их по-своему, обычно с точки зрения героя, а не сообщества. В одном из интервью он признается: «Я не окружаю польскую романтическую литературу нимбом труднодоступности и

благочестия, меня интересуют конкретные люди и их проблемы. Когда я работаю с польской классикой, я вижу в этих пьесах хороший драматургический материал, а не повод для богослужения»^[5]. Эта отстраненность, взгляд снаружи позволяет ему увидеть то, чего поляки обычно не замечают, например, что они ежедневно ходят по руинам гетто. Он чаще, чем они, думает о польской истории, много о ней читает, он более восприимчив к современности. Его очаровал польский язык, нюансы которого он все еще постигает, но акцент его выдает, и думает он тоже скорее по-английски. Томаш Плата написал о нем: «Можно с уверенностью сказать, что он смотрит на Польшу глазами репатрианта, ищущего свои корни: немного как восхищенный новым миром новообращенный, немного как холодный наблюдатель. (...) Благодаря западным эпизодам своей биографии он прекрасно понимает нашу основную национальную мечту — мечту о Западе»^[6].

Мифический Запад и польские мифы

Это понимание Задара продемонстрировал уже в 2005 году — в первом значимом спектакле в своей карьере «From Poland with Love» по одноименной пьесе Павла Демирского, с которым позднее многократно сотрудничал. До этого он был ассистентом режиссера в нескольких больших спектаклях, сам поставил «Гамлет-машину» Хайнера Мюллера, «Безумный локомотив» Виткация, «Оскорбление публики» Петера Хандке и импровизированную театральную форму «Пробка» в «Старом театре» в Кракове.

«From Poland with Love»^[7] это история почтальона и барменши, которые хотят уехать в Лондон на заработки. Это разочарованные, несостоявшиеся люди, для которых важны только деньги, их не особо волнуют семейные связи и национальное самосознание. Они не боятся потерять себя, оторваться от корней, выезд из Польши должен принести им «нормальную» жизнь, то есть прежде всего материальное благосостояние. Роман Павловский писал: «Демирский и Задара показывают опыт тысяч молодых поляков, которые под давлением безработицы и отсутствия перспектив теряют эмоциональную связь с местом, где родились, с языком, на котором говорят, с национальностью, которая записана в их паспортах. При этом создатели спектакля не оставляя никому никаких иллюзий, нарисовали портрет своих ровесников,

молодых людей, теряющих собственную идентичность легко и непринужденно. Особенно красноречив в этом контексте факт, что темой занялся режиссер, чьи детство и молодость прошли именно на этом мифологическом Западе, и который вернулся в Польшу, чтобы найти себя, свои корни, чтобы постичь суть собственной «польскости»^[8].

В том же году, в том же театре, с тем же драматургом Задара поставил спектакль «Валенса. Веселая, и потому очень грустная история». Создатели спектакля возвели новейшую историю Польши до уровня мифа, добраться до сути которого трудно уже сейчас, легенды, которую нужно открыть наново, чтобы понять ее влияние на современность. Как объяснял режиссер: «В случае с Валенсой мы хотели показать, как работает память, сам процесс формирования памяти, а не просто память. Была группа людей, которые играли сцены. Что-то вроде мастер-класса по памяти»^[9]. Уже тогда режиссер понял, как важна для него память и понимание, какое место человек занимает в истории, что его миссия — коснуться ран, чтобы их излечить. Потом он многократно возвращался к этому, отважно поднимая такие темы, как Холокост или связанную с ним табуированную тему устроенных поляками еврейских погромов...

Память, табу и забвение

Эту «запретную тему» он поднял с спектакле «Ксендз Марек» по драме Юлиуша Словацкого поставленном в «Старом театре» в Кракове. Одновременно это было его первое обращение к классической польской литературе, которая с того времени неизменно его вдохновляет. Задара читает классические тексты без вынесенных со школы предубеждений и навыков. Видимо, поэтому он не боится ставить классику в согласии с собственными принципами, которые в кратком изложении звучали бы так: произведения предстают перед зрителями в том виде, в котором были написаны, без сокращений и какого бы то ни было вмешательства в язык или текст с целью сделать его более современным, но могут переноситься в современное пространство или реалии, что и придает им новый смысл.

Литературные и театральные консерваторы в отчаянии ломали руки, видя, как он поставил «Ксендза Марека». В центре

спектакля — вовсе не главный титульный герой, как велит традиция, а женщина — Юдифь, которую сыграла Барбара Высоцкая. Спектакль, как и текст Словацкого, рассказывает об убийстве евреев поляками. Задара не стал прятать от польских глаз то, о чем до сих пор молчалось, обнажив всю жесткость и жестокость драмы второго — рядом с Мицкевичем — великого польского поэта. Он считал: «Иногда надо разбудить зверя, чтобы с ним расправиться. Так было в случае «Ксендза Марека» в краковском «Старом театре». Чтобы противостоять антисемитизму, нужно было встретиться с ним лицом к лицу и сказать: «Окей, наша патриотическая культура бывает антисемитской, это не мои выдумки, это все есть у Словацкого. Вот так. А теперь, польская культура, давай, справляйся с этим»^[10]. Кроме того, спектакль поднял тему человеческой низости. Он был еще и о том, что подлые люди были всегда — в том числе и среди варшавских повстанцев, несмотря на приписываемый им статус почти святых. Защиту Бара режиссер пропустил сквозь фильтр более близкой истории Варшавского восстания, что позволило новыми глазами взглянуть на фанатизм поляков, который в некоторых ситуациях проявляется снова и снова.

Работа, работа, работа... и недосказанности

В 2006 году две достойных особого внимания постановки Задары вызвали бурные дискуссии: «Свадьба» по пьесе Выспянского и «Картотека» по Ружевичу. Эти спектакли многое могут рассказать о нем самом и его творческом методе.

«Свадьба» — это очередной спектакль о памяти, а скорее об ее отсутствии, о забвении: прошлого, корней, травм, особенно это касается молодежи, стремящейся идти в ногу со временем. Действие пьесы из деревянной хаты переносится в современную ванную комнату на вилле с видеонаблюдением. Туда постоянно навешиваются приглашенные на свадьбу гости. «Это «Свадьба», на которой учителям литературы придется несладко: расписанная на восемь действующих лиц, немилосердно сокращенная, без Хохолы и, собственно говоря, без свадьбы»^[11] — писал Томаш Милковский. Сам Задара подчеркивает, что хотел в этом спектакле показать портреты своих знакомых. Похоже, ему это удалось — персонажи пьесы Выспянского ведут себя очень современно: курят травку, закидываются спидами, испражняются и висят под

дверями туалета, пускаясь в долгие разговоры — подобным образом развлекается молодежь в современных ночных клубах.

Режиссера удивляет распространённое среди критиков и коллег мнение, что он слишком много работает. Задара придерживается принципа, что нужно во все вложить труд, что из одного вдохновения ничего не получится, а также, что необходимо заставлять себя держать определенный темп и реагировать на то, что происходит в мире.

С этой точки зрения многофункциональный Выспанский^[12] — образец для Задары: «Взяться за работу как Выспанский. Не болтать, а работать. Писать пьесы и рисовать картины. Идти дорогой Выспанского — не бояться, работать. Прежде всего работать»^[13]. Критика называет Задару «стахановцем польского театра», дающим несколько сотен процентов нормы и работающим в молниеносном темпе: в среднем он ставит около пяти спектаклей в год^[14]. Это результат не столько трудоголизма, сколько желания все успеть, быть в курсе всего, что происходит в стране, мире, политике и соответственно реагировать; это также стремление выйти навстречу общественным ожиданиям.

«Картотека» Ружевица, которую Задара поставил во вроцлавском «Театре вспулчесны» — это очередной спектакль о проблемах современного человека. Разместив действие в пространстве, имитирующем станцию метро, Задара решил спектакль в стилистике хепенинга. Актеры смешались со зрителями и перемещались по всему театру. В спектакле не было главного героя, реплики кружили среди актеров, которые произносили текст всех персонажей. Критики называли спектакль «разбросанная картотека» и упрекали создателей в хаосе, утверждая, что зритель не в состоянии понять, о чем в этом спектакле идет речь, что получилась «деконструкция деконструкции», поскольку в тексте Ружевица и без того отсутствует линейный сюжет, а такая запутанная инсценировка усложнила его еще больше. Павел Штарбовский писал: «Некоторые этюды кажутся незаконченными, но за ними следуют отработанные, хорошо поставленные сцены, словно режиссер хочет показать, что умеет это делать, но ищет более вместительные формы, способные передать сложную, запутанную структуру нашей действительности»^[15].

Оказывается, это и есть метод Задары. Он сознательно создает незаконченные спектакли, заставляя зрителей самостоятельно дополнять их. Сам он говорит об этом так: «Ведь вещи, которые я стараюсь делать, часто совершенно непонятны мне самому. Я не пытаюсь сказать то, что уже знаю, только передать свое неведение и удивление. Зритель становится создателем спектакля, ведь лишь его разум или чувства дополняют спектакль. Если у него нет желания проявлять такую активность, он ничего с моего спектакля не вынесет. Критики, которые отрицают мои спектакли, говорят, что они не работают, и они абсолютно правы» ^[16].

Недосказанность — вот его способ привлечь зрителя к творческому процессу. Благодаря этому он не боится ни критики, ни резких негативных реакций на свое искусство. Когда он узнал, что один режиссер вышел с «Картотеки» в ярости, а известную актрису всю ночь тошнило от отвращения, он воспринял обе эти реакции как успех и доказательство силы, с которой спектакль воздействует на зрителя. Это может прозвучать как стратегия защиты перед волной критики, как попытка оправдать недоработки и упущения, но, кажется, Задара действительно в это верит. Он создает, говоря языком Романа Ингардена и Умберто Эко, открытые произведения, требующие дополнений, сделанных зрителем, смысл которых рождается только в результате диалога произведения с публикой.

Zadara.pl

Год 2007 — как и все предыдущие — приносит новые постановки, среди которых: «Мальчишки с улицы Пала» Ференца Мольнара, «Оперетка» Витольда Гомбровича, «Бытие № 2» Ивана Вырыпаева, и важную награду — Паспорт «Политики», присужденный «за поразительную творческую активность и спектакли, возвращающие веру в то, что театр — это пространство художественной свободы». С этого момента его карьера начинает бурно развиваться — он получает приглашения на все важнейшие сцены Польши, а в 2008 году восстановленный фестиваль «Варшавские театральные встречи» начинается с обзора «Zadara.pl». В столице можно увидеть целых пять постановок Задары. Критики по-прежнему спорят — некоторые рвут на себе волосы, демонстративно выходят со спектаклей, возмущаются безвкусицей и утверждают, что спектакли «сляпаны без складу и ладу»; другие превозносят его до небес. Среди них, которая Барбара

Хирш, которая написала: «Михал Задара явился нам, чтобы восхитить талантом, согреть сердцем, осушить слезы и показать пользу, которую может принести чтение. Он хочет согреть нас солнцем прекрасного искусства»^[17].

В 2010 году в театре «Польски» состоялась премьера новаторского с точки зрения формы спектакля «Анти-Эдип», соединяющего театр, философию, изобразительные искусства и... медицину. На сцене Барбара Высоцкая (в частной жизни спутница Задары) на позднем сроке беременности декламировала «Эдипа» Софокла. В это время два врача делали актрисе эхокардиографию сердца и УЗИ плода. Ритм этих двух сердец был основой импровизации для трех находящихся на сцене музыкантов. «Можно было услышать, как стучит сердце новорожденного ребенка и этот звук стал ритмической основой, под которую подстраивались музыканты. Окончательный результат слышат и мать, и ребенок, и зрители, и музыканты. Вдруг все это сливается в одно: звук, ритм, кровь, электричество, жизнь, машина. Человек — это машина и он создает машины»^[18]. В спектакле использованы два аппарата УЗИ, арендованных сопродюсером — частной фирмой, занимающейся медицинской опекой. Сотрудничество с «Люксмедом» показало, что можно быстро и эффективно сделать проект вне институций.

«Централя»

Так началось воплощение в жизнь идеи по созданию независимой от государственных институций организации, которая, однако, сотрудничала бы с ними. Несколько лет спустя Задара основал группу «Централя» — организацию, занимающуюся созданием независимых спектаклей. Это действующая в частном секторе негосударственная институция, несущая, однако, общественную миссию. Она сотрудничает с государственными институциями, ставит спектакли на сценах государственных театров, не будучи при этом ограничена ни актерскими ставками, ни государственным финансированием и т.д. На сайте организации мы можем прочесть «ЦЕНТРАЛЯ не только придумывает новые образы, звуки и мысли, но создает также новые организационные, экономические и общественные контексты. Творя новое искусство, она создает новый тип институции — эластичный, ориентированный на проекты и

зрителей, толерантный и динамический. ЦЕНТРАЛЯ стремится разрушать иерархию, возмущать спокойствие и приносить удовольствие»^[19]. «Централя» официально существует с 2013 года, на ее счету уже девять постановок, поднимающих самые разные темы, но в основном затрагивающих политические и общественные проблемы. Это недорогие спектакли с небольшим актерским составом, новаторские по форме и серьезные по содержанию, но вместе с тем легкие и популярные, в некотором смысле дополняющие репертуар государственных театров.

Самым большим успехом среди постановок «Централи» пользовался спектакль «Шопен без фортепьяно», неоднократно награждаемый на всех значимых польских фестивалях, гастролировавший в США и России. Это фортепьянный концерт, исполняемый под руководством дирижера мировой славы Яцека Каспшика, только... без фортепьяно. Заменяет фортепьяно Барбара Высоцкая, рассказывающая под аккомпанемент оркестра «Sinfonietta Cracovia» партию инструмента, которую переписали, переделали в литературный текст, состоящий из биографии и писем Фридерика Шопена, музыковедческих исследований и высказываний пианистов. Шопен представлен у Задары не как тоскующий по Польше патриот, но как революционер. Лукаш Древняк написал по этому поводу: «Шопен без фортепьяно» стал для меня откровением (...), спектакль оказался ошеломительным манифестом свободы художника. Высоцкая и Задара (...) напомнили нам о Шопене-революционере, а что важнее всего — создали негерметичный язык, которым можно говорить об эмоциях, заключенных в классической музыке. «Шопен» Задары и Высоцкой это честь, отданная экспериментальному театру, который не предаёт высокой культуры и становится современной классикой благодаря самому качеству исполнения»^[20].

Веселые «Дзяды»

На сегодняшний момент самым ожидаемым и обсуждаемым спектаклем Задары были мицкевичевские «Дзяды», впервые поставленные полностью, без каких-либо сокращений. Преставление в театре «Польски» во Вроцлаве длилось 14 часов, благодаря чему со сцены прозвучало каждое слово, написанное

величайшим польским поэтом. Задара утверждал, что его интерпретация национального шедевра, — это не спектакль, а *experience*^[21], что люди едут во Вроцлав, чтобы испытать что-то на себе, прочувствовать, пережить этот опыт^[22]. В центр спектакля режиссер ставит главного героя (в роли Густава-Конрада — великолепный Бартош Порчик), проблемы которого важнее, чем политический контекст и многочисленные интерпретации текста. «Задара освободился от религиозно-патриотического пафоса, который обычно сопутствует интерпретациям Мицкевича. Он показал, что с поэтом-пророком можно встретиться как равный с равным. Традиции стали для него исходной точкой на пути к современному прочтению текста»^[23]. Отсутствовали в спектакле также отсылки к религии и метафизическим мотивам, что соответствует принципам создателя спектакля, который считает, что «театр вообще не должен заниматься поисками абсолюта. Это глупо и опасно. Религиозные люди пусть идут в церковь, а те, что хотят посмотреть спектакль — в театр! (...)». Метафизика в театре — это обман, более того — если ты религиозный человек — кощунство»^[24]. Зато в «Дзядях» был юмор — к удивлению всех, кто считал, что в тексте Мицкевича его нет. Задара считает, что смеяться можно над чем угодно, и иногда признается, что если со всех сторон его окружают только серьезные вещи, он чувствует себя в опасности. Поэтому стиль его работы отличается от того, как ведут себя в театре другие режиссеры — складывается впечатление, что на репетициях — это касается даже работы над текстами серьезных классических авторов — он просто развлекается и весело проводит время.

Не только театр

Так же как его идол Выспянский, Задара занимается другими видами творчества: снимает независимое кино («Марецкий», «Film mit Schauspielern»^[25]), создает видеоинсталляцию «Talking in Europe», посвященную теме миграции и поиску работы в Европе, складывает мозаику из 31 000 камней, посвященную памяти мирных жителей, жертв Варшавского восстания. Интересным проектом был цикл театрализованных вечеров «Польские речи», основанный на избранных речах, произнесенных в Польше в XX веке, начиная с выступления Юзефа Пилсудского, включая знаменитую проповедь Иоанна Павла II, и заканчивая речью Войцеха Ярузельского. В этих встречах принимали участие ученые, комментировавшие политические и исторические контексты.

Кроме того, Задара активно участвует в общественной жизни: пишет фельетоны для сайта «Крытыка політычна», был одним из инициаторов движения «Граждане культуры» направленного против политики, которая не считается с социальными и демократическими функциями культуры.

И наконец одна из самых интересных форм его деятельности — музыкальная. Чтобы лучше понимать музыкантов, с которыми он сотрудничает в театре, Задара научился играть на гитаре. Сегодня он лидер и гитарист группы «All Stars Dansing Band», исполняющей известные танцевальные номера Элвиса Пресли, Пола Анки, Петра Щепаника и других. Описывая свои концерты, группа сообщает: «то, что тысячи играющих на свадьбах музыкантов считают халтурой, «All Stars Dansing Band» возводит в ранг искусства». Зажигательные концерты в танцевальных ритмах проходят в разных местах: на театральных сценах, в модных варшавских барах и у ларьков с шаурмой.

Одаренный

Если привести данные, замещенные в «Энциклопедии польского театра», Михал Задара с 2004 года поставил более 50 спектаклей и получил около 20 наград^[26]. С самого начала своей карьеры он задает неудобные вопросы: об отношении к истории и традиции, о польском патриотизме, о ситуации молодежи. Мацей Новак написал о нем: «Задара — тот еще сукин кот. У него все тузы на руках. (...). О таких русские говорят «одаренный», то есть получивший в дар многие таланты. Самый важный из них — это обезьянья способность делать театр. Он поставит все, что угодно. Когда-то о таких говорили, что они могут сделать спектакль из телефонной книги»^[27].

Режиссер выбирает пьесы, которые сложно представить в театре и обычно показывает их целиком, ничего не упрощая, не играя на публику, но несмотря на это на его спектакли ходят толпы. Удача сопутствует Задаре уже много лет, и ничто не предвещает перемен.

-
1. M. Zadara, Jestem strasznie grzeczny, rozmowę przepr. Joanna Derkaczew, „Wysokie Obcasy” 2008, nr 6.
 2. Michał Zadara, Sztuka, życie i ja, rozmowę przepr. Rafał Sławoń, "Harper's Bazaar Polska" 2016, nr 12.
 3. Łukasz Drewniak, Musiałem wrócić do własnego błota, "Dziennik"

2006, nr 144.

4. J. Kopciński, G. Niziołek, M. Prussak, J. Sieradzki, *Zadara pro i contra*, "Dialog" 2008, nr 78.
5. M. Zadara, *Sztuka, życie i ja*, op. cit.
6. T. Plata, *Zadary lekcja polskości: wciąż nie umiemy mówić o sobie*, „Dziennik” 2008, nr 87.
7. Из Польши с любовью (англ.).
8. R. Pawłowski, *Donos na taką Polskę*, „Gazeta Wyborcza” 2005, nr 31.
9. A. Dolega, „Kurier Szczeciński”, 27 marca 2008.
10. D. Karpiuk, *Obywatel reżyser*, „Newsweek Polska” 2013, nr 29.
11. T. Miłkowski, *Zadara: historie wesołe, a ogromnie przez to smutne*, „Przegląd” 2008, nr 16.
12. Художник, поэт, драматург, дизайнер, теоретик и практик театра. — Примеч. ред.
13. R. Pawłowski, *Wrócić na własny śmietnik*, „Gazeta Wyborcza” 2007, nr 94.
14. Естественно в рамках этой статьи мы не можем описать их все, поэтому мы концентрируемся на тех спектаклях, которые говорят что-то важное о самом режиссере, его творческом методе, близких ему тенденциях в искусстве и основных темах, которые его интересуют.
15. P. Sztarbowski, *Polskie demony*, „Newsweek Polska” 2012, nr 50.
16. M. Zadara, *Jestem strasznie grzeczny*, op. cit.
17. B. Hirszy, „Trybuna” 2009, nr 142.
18. D. Karpiuk, *Obywatel reżyser*, op. cit.
19. См. закладку «Идея» на сайте Централы: www.centralateatr.pl.
20. Ł. Drewniak, *Post Open'er Theatre. Notatki z Boskiej Komedii*. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://teatralny.pl/recenzje>.
21. Опыт (англ.).
22. *Wokół teatru popularnego*, „Dialog” 2016, nr 9.
23. A. Kołodyńska, „*Dziady*” na nowo. Zaskakujące, [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.wroclaw.pl
24. M. Zadara, *Pompowanie się metafizyką*, [w:] *Fauście gdzie twoja wiara?*, „Więź” 2007, nr 5.
25. Фильм с актерами (нем.).
26. Michał Zadara, *Encyklopedia teatru polskiego*, [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.encyklopediateatru.pl/autorzy/4948/michal-zadara.

27. M. Nowak, Dlaczego Zadara to sukinkot?, „Przekrój” 2012, nr 46.

Владимир Данилюк

Луцкий госпиталь, в котором спасли солдата Помяновского

Ежи Помяновский (фото: К. Дубель)

К истории военного госпиталя в г. Луцке (это Волынская область на Западе Украины) мы обращаемся по весьма весоному поводу: именно здесь находился на излечении раненный в боях с гитлеровцами в первые дни сентября 1939 года солдат 36-го пехотного полка Войска Польского Ежи Помяновский...

Лично меня особо заинтересовал этот небольшой штрих в грандиозной биографии Профессора минимум по нескольким причинам.

Во-первых, лет 10 тому назад по программе повышения квалификации для журналистов из стран бывшего СССР я имел честь пройти стажировку в Варшаве в нескольких крупных редакциях. В том числе — посетил журнал «Новая Польша», постоянным читателем которого являюсь по сей день.

Во-вторых, благодаря моему хорошему знакомому — консулу Генконсульства Республики Польши в Украине Кшиштофу Савицкому — я не только фундаментально изучил наследие

Ежи Гедройца, но с некоторых пор пытаюсь использовать его краеугольные постулаты в своей повседневной журналисткой и общественной деятельности. Тем более, что и с такой мультикультурной и паннациональной личностью как Бруно Шульц я знаком не понаслышке, ибо принимал участие в нескольких посвященных ему фестивалях, проходящих в западноукраинском г. Дрогобыче, где он трагически погиб в ноябре 1942 года от пули гестаповца. Да и Виткаций, который не в состоянии был принять огромную несправедливость в виде агрессии большевизма, ушел от нас 18 сентября 1939 года на территории Большой Волыни. На Ровенщине и по сей день проводятся мероприятия, посвященные этой незаурядной личности. Немой свидетель этой человеческой трагедии — огромный дуб — растет там до сих пор...

Всех этих и других незаурядных личностей знал и уважал Ежи Помяновский, которого сейчас с полным правом можно отнести к элите польского общества. И раз это не вызывает сомнения, то пора обратиться и к третьей причине, побудившей автора этих строк написать этот текст: речь пойдет о доселе никому неизвестном на Волыни факте пребывания Ежи Помяновского в Луцке...

К сожалению, уже невозможно установить, с кем еще лечился в просторных и много повидавших на своем веку апартаментах госпиталя молодой солдат, но волею судеб он уцелел от расправы со стороны «освободителей» в лице кровавых органов НКВД.

Так что Ежи Помяновскому, которого, по образному выражению Гжегоша Пшебинды, «первые советы» «подобрали» в луцком госпитале и отправили гнуть спину в подневольном труде на шахты Донбасса, еще крупно повезло. Во всяком случае, он остался жив...

Следует отметить, что госпиталь в Луцке пользуется особым уважением. Хотя бы за его богатую историю. Согласитесь, мало какое из подобных учреждений лечило и спасало жизни солдат разных армий сразу двух мировых войн! В 1914–1917 гг. Луцк несколько раз переходил из рук в руки австро-венгерских и немецких войск с одной стороны и российской императорской армии с другой. Российский генерал Антон Деникин, к примеру, за взятие этого города даже получил из рук императора Николая II наградную саблю с брильянтами! А в других местах Волыни воевали и Карл-Густав Маннергейм из Финляндии, и чех Ярослав Гашек, и русский Василий Чапаев, и польские legionеры Юзефа Пилсудского... Примечательно, что

и поляки, и украинцы в тот период сражались с оружием в руках как на одной, так и на другой стороне линии фронта.

Затем в этом здании революционные солдаты провозгласили Власть Советов, во время большевистско-польской войны здесь залечивали раны воины Украинской народной республики и польские военнослужащие, которые вместе боролись за независимость Украины и Польши под лозунгом Юзефа Пилсудского и Симона Петлюры — «За вашу и нашу свободу!».

В период Второй Речи Посполитой (1921–1939 гг.) госпиталь продолжил свое существование, именно поэтому сюда привезли на излечение Ежи Помяновского.

Естественно, с августа 1991-го учреждение находится в ведении Министерства обороны Украины. Скрывать нечего: бюджет этого оборонного ведомства далек от оптимального, поэтому госпиталю помогают и волонтеры, и бизнесмены. А год назад произошло удивительное событие: руководитель организации ветеранов вермахта округа Детмольд /Земли Северный Рейн-Вестфалия ФРГ Карл-Герман Круг купил в Германии и предназначил для нужд луцкого госпиталя современный реанимобиль. А потом лично прибыл, чтобы проконтролировать, используют ли технику по прямому назначению...

Удивляться нечему: именно Карл-Герман Круг от имени немецких ветеранов 20 лет тому назад в городе Говеле торжественно открывал вместе с руководителем местной организации ветеранов Советской армии Виктором Кирилкиным и главой объединения комбатантов УПА Мелетием Семенюком первый и до сих пор единственный в Европе памятник всем жертвам Второй мировой войны. Старые солдаты говорили тогда о взаимопрощении и надеялись, что войны в Европе больше никогда не будет... Как показывают события в Украине, это оказалось не так...

*Владимир Данилюк,
главный редактор «Волинской газеты», г. Луцк*

Заметки о Ежи Помяновском

Ежи Помяновский (фото: К. Дубель)

Многочисленные воспоминания о Ежи Помяновском рисуют образ потрясающего человека — интеллектуала и ученого, писателя и переводчика, издателя и редактора, светоча культуры и политического мыслителя. Мои заметки могут добавить к этому портрету не очень многое. Я встречался с ним лишь sporadически и на протяжении всего нескольких лет. И все же считаю возможным поделиться своими впечатлениями — для того, чтобы подчеркнуть, насколько велико было ощущение значимости исходящих от Ежи Помяновского флюидов даже для тех, кто имел возможность общаться с ним только изредка.

В моем восприятии он возникает, прежде всего, как коллега и партнер в рамках российско-польской Группы по сложным проблемам. Думаю, не случайно Даниэль Ротфельд начал формирование польской части этой структуры с приглашения, адресованного Ежи Помяновскому. Именно его имя — весомый авторитет и безупречная репутация, высокий профессионализм, честность и приверженность поиску объективной истины, беззаветная преданность отстаиванию польских государственных интересов и их осмысление через конструктивную и вместе с тем принципиальную восточную политику страны — послужили качественным маркером того,

на что была сориентирована эта инициатива. И ориентиром для многих видных представителей политического и академического мира касательно её поддержки и вовлечения в её деятельность.

Разбирать завалы в российско-польских отношениях — дело достаточно трудное. Группа по сложным проблемам видела свою задачу в том, чтобы попытаться в неконфронтационном духе переосмыслить их историю. Для этого требуется многое: терпение, деликатность, умение составить стереоскопическое представление о проблемных темах. Именно на этом делал акцент Ежи Помяновский, участвуя в дискуссиях и обсуждениях (временами весьма острых). И делал это виртуозно — не как дипломат или политик, который проводит «свой» курс несмотря на противодействие оппонентов, а побуждая всех формулировать общие ценности, определять общие интересы, искать общие опорные точки.

Не раз и не два у меня возникало впечатление, что получается у него это не то чтобы легко и непринужденно, но как-то естественно и органично. Потому что он был великим знатоком тех событийных и ментальных перипетий, которые возникали и возникают в искрящем соприкосновении двух социумов, российского и польского. Он не только великолепно разбирался в запутанных политических реалиях — причем в огромном временном, более чем полувековом историческом пласте, но также понимал прихотливые и зачастую непредсказуемые «движения души», которые для политического бытия нередко оказываются даже более значимыми. Такое понимание могло возникнуть только из восприятия, усвоения, впитывания общекультурного контекста. В частности (а может быть, даже в первую очередь), из блистательного опыта переводов Исаака Бабеля.

Еще одно впечатление от моих бесед с Ежи Помяновским состояло в том, что горизонт его внимания выходил далеко за рамки российско-польских отношений. Они, в его восприятии, должны стать элементом общеевропейского политического ландшафта. Как человек европейской культуры, он соразмерял с нею будущее развитие в восточной части континента. При этом в его суждениях не было ни грана апологетики или «евроснобизма» — озабоченность трендами европейского развития высказывалась часто и нелицеприятно. Нередко размышлял о европейской политической истории — ведь он видел её «изнутри» на протяжении многих десятилетий. Иногда разговор заходил о конкретных политиках — Шарле де

Голле, Вилли Брандте, Жорже Помпиду, Маргарет Тэтчер и других; его наблюдения были всегда глубоки и нетривиальны.

Он был нетороплив в речи и оценках. И в них чувствовались весомые, выношенные мысли, результат серьезного обдумывания. Это не значит, что он чурался юмора или парадоксальных суждений. Но *small talks* или искрометные импровизации — не его жанр. При разговоре с Ежи Помяновским у меня всегда было ощущение важности получаемого интеллектуального сигнала и его насыщенности, желание проанализировать его и соотнести со своими суждениями. А иногда и скорректировать последние.

Побывав по приглашению Ежи Помяновского в редакции журнала «Новая Польша», я стал регулярным читателем и почитателем этого его детища. И вот уже почти десять лет с нетерпением ожидаю появления очередного номера журнала и прочитываю его от корки до корки.

Роль журнала в поддержании интеллектуальной коммуникации между двумя странами невозможно переоценить. Напомню только о том, что на его страницах опубликованы главы книги «Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях», подготовленной Группой по сложным проблемам. Ежи Помяновский таким образом выступил здесь сразу в двух своих ипостасях — члена указанной Группы и главного редактора журнала (а мне это позволило стать автором последнего — чем весьма горжусь).

Впрочем, и вне контекста двусторонних отношений «Новая Польша» по сегодняшним меркам — совершенно уникальное издание. Мне оно в чем-то напоминает «толстые журналы» советских времен, которые были полем общения интеллигенции. Конечно, уступает им по объему. Но ведь и интеллигенция уже не та...

Основатель и главный редактор «Новой Польши» был представителем «той» интеллигенции. Той, которая играла роль хранителя ценностей, выступала в качестве властителя дум и была готова к бескорыстному служению. Которая как явление существовала лишь в двух странах — России и Польше. И которая может гордиться тем, что в ареале взаимодействия их культур возник и творил Ежи Помяновский.

Владимир Барановский,
академик Российской Академии Наук

Стасис Эйдригявичюс

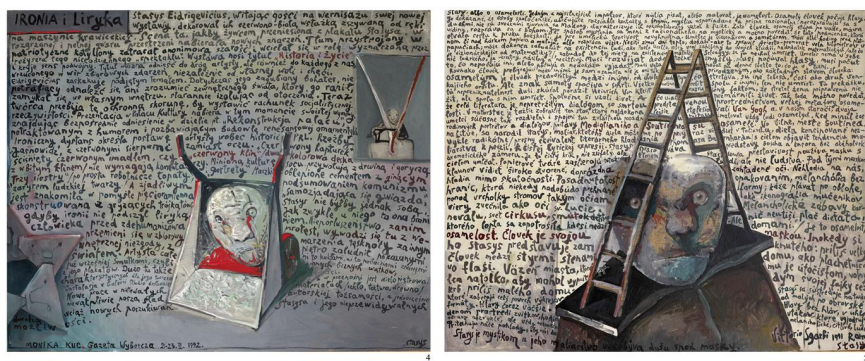
Путешествие

Стасис Эйдригявичюс (фото: Э. Лемпп) [галерея]

Из архива Стасиса Эйдригявичюса: 1. Antique, 2. Mirror, 3. Bond

4. Ирония и лирика (Ironia i liyka), 5. Ladder

6. Departing mask, 7. Ecologist, 8. Horse on the head

9. Знак креста (Znak krzyża), 10. Урок анатомии по Рембрандту и Ван Гогy (Lekcja anatomii według Rembrandta i Van Gogha), 11. Падение ножа (Upadek noża)

12. The Song of Marina Abramowicz, 13. Не убей (Nie zabijaj)

14. C'est une pipe, 15. Разговор (Rozmowa)

16. Пустой мешок (Pusty worek), 17. Путешествие (Podróż), 18. Лестница (Drabina)

Запись радиопередачи из цикла «Записки из современной жизни»
(Вторая программа Польского радио, 2012).

Расшифровала и подготовила Богумила Пшондка.

Из детства остается очень многое. Все остается: вкусовые ощущения, привычки, образы, дождь, звон церковных колоколов. Утренний мамин голос: «Стасюк, что тебе сегодня приготовить?» Мы все жили в одной комнате, впятером: я, две мои сестры, отец и мама. Я был маминым любимцем — возможно, потому, что старался быть хорошим. Никогда не мог ответить ей «нет». Не помню случая, чтобы ответил «нет», ни разу такого не было. Не представляю, как можно сказать матери, что я чего-то не сделаю. Наоборот. А отец говорил так: «Стасис, едем в лес за деревом». Работа-то нелегкая. Надо спилить березу; пилим вдвоем, береза должна упасть так, чтобы ни на него, ни на меня... Отец потихоньку возил эти бревна и делал пристройки к дому, смешные такие, а еще пристроил комнату-не комнату, то ли для дров, то ли для чего-то еще. Я думал, это будет моя комната, но нет, не для меня она была, а для мешков или каких-то других вещей; у отца, в отличие от соседей, везде был беспорядок. Если у соседей во дворах всегда прибрано, все на своих местах, то у отца тут колесо лежит, там еще что-нибудь. Ему было безразлично. Он был немножко фантазер, а может, от природы немножко художник — вечно что-то выдумывал, всегда всё ему было не так, всё традиционное не нравилось. Вот, например, построил он домик — сауной называется, — так вот, построил он эту сауну очень низкой, на свой рост... мне, правда, до какого-то возраста годилась, но позже, когда он придумывал всякие такие штуки, я протестовал.

На чердаке обычно что вешали? Мясо копченое, колбасы, потому что под крышей было прохладно, продувало. Мама ходила на этот чердак, иногда меня посылала — отец любил, чтобы в борще, который мама ему варила, обязательно был кусок мяса. А если борща не было, злился, и начинался большой скандал, польско-литовская схватка — у отца были польские корни, и некоторые вещи он называл по-польски, я даже не мог понять, что это значит. Вдобавок он был глуховат, в детстве переболел какой-то болезнью, которая дала осложнение на уши и отняла у него сколько-то процентов слуха. Потом он купил себе слуховой аппарат и был счастлив, что мне больше не надо сильно кричать; раньше, чтобы он слышал, приходилось говорить очень медленно, разделяя слова, и очень отчетливо. Сестрами моими отец всегда был недоволен: мол, дочери или совсем ничего не говорят, или говорят тихо, и вообще нет у него с ними никакого контакта, — а я всегда чувствовал, как

найти к нему подход. Зато меня ужасно раздражало, когда рано утром я еще сплю, а он включает по радио польскую первую программу; я ничего не понимал, ни слова, а он, естественно, всё. Ну, может, не всё, знал-то он старый польский язык.

Когда они с мамой в восемьдесят четвертом году приехали в Польшу — я-то раньше, в восьмидесятом, — отец расцвел, буквально расцвел, потому что осознал: он попал в страну своей мечты. Очень радовался, что я в Польше, страшно радовался. Много разговаривал с людьми, ходил по книжным магазинам, навещал каких-то знакомых и, даже если не знал, что сказать, как говорится, «за словом в карман не лез». Меня это восхищало, я сам обычно стесняюсь задавать вопросы: вдруг выяснится, что именно в этом я как раз хорошо разбираюсь или, наоборот, совсем не разбираюсь...

Сейчас я немного отклонюсь в сторону. Когда я пишу о своих путешествиях — пускай даже, к примеру, очерки для литовской прессы, — то очень часто обнаруживаю аналогии между тем, что сейчас происходит, что я вижу в Турции, или в Штатах, или во Франции, или в Польше, и тем, что было в Литве. Сравниваю со своей деревней, с детством. Сейчас, глядя назад с дистанции времени и все раскладывая по полочкам, я вижу очень много такого, что мы называем современным, даже ультрасовременным искусством... ну, например, влажное зерно ... Влажное? И что же делать? Я не задумываюсь, удобно нам будет, неудобно — сразу всё в нашу комнату, в эту нашу одну-единственную комнату. Комната сплошь завалена зерном, всё это сохнет, а тут еще кот придет и сделает свои дела, и никто этого не заметит. Да, так было — а теперь я думаю: это же моя инсталляция «Фундаменты», я, когда над ней работал, насыпал точно такое же зерно. А еще... зимой, когда у овцы были детки, я их тоже домой... и это тоже была инсталляция. Инсталляция к Рождеству, поскольку я очень люблю животных и, как говорится, знаю, что животные любят, что они чувствуют, что видят. Позже, начав иллюстрировать книги — детские книги, — я понял одну вещь: я прошел такие университеты, такова была моя жизнь, детство, что у меня перед другими образовалось преимущество: они рисуют животных, которых никогда не видели, и потому получается у них искусственно. Всё холодное, поверхностное, я смотрю и понимаю, откуда у меня преимущество: я ведь даже слышал, как эти животные плачут. Думаю, животные что-то чувствуют, как и люди.

Рассказ — ведь он может быть как река. Я родился в деревне Мединишкяй на севере Литвы. Когда мне было лет пять или

шесть, мы переехали в деревню Лепшай около Паневежиса. Лепшай — есть такие грибы. Колхоз назывался «Красная звезда». Моя мама родом из деревни Дубай, где она и похоронена. Было их, как в сказке, три сестры. Маму звали Альфонса, одну ее сестру — Катре, другую — Аделе. Аделе оставила мне швейную машину «Зингер», потому что она шила и хвасталась, что у нее врожденные художественные способности: вышьет, например, цветы на платке или на подушке и непременно мне показывает. Интересные вещи от нее можно было услышать. Когда я приезжал и привозил ей, допустим, платок на голову или еще что-нибудь, говорила: «Куда мне это класть? Придут люди, увидят, что привезено из-за границы, и украдут». Она как будто всего боялась... и еще постоянно мне повторяла: «Не говори людям правду». Всю жизнь прожила одна и, видимо, побаивалась людей, всегда всё прятала в сундук, но сердце у нее было доброты необычайной.

Три сестры, как у Чехова. Аделе всю жизнь прожила в деревне Дубай. Дом еще стоит. Года два или три назад мы с краковскими телевизионщиками поехали в Литву снимать материал для фильма и видели этот дом; сняли такой кадр: я стучусь в дверь. Там никого не было, заперто.

Отец родился в Латвии, в семье железнодорожника, и они все время переезжали с места на место... На немногих сохранившихся фотографиях написано по-польски Ejdrygiewicz. Потом по-литовски стало Eidrigevičius, и все равно фамилия очень редкая, трудная и редкая. А мое имя? — японцы его делили и получалось Ста-си-су, что значит «звезда-книга-гнездо».

Тот мир никуда не исчезает. Он вечен, его всегда носишь с собой. Как и детство, которое всегда со мной. Разве что годы летят, мы меняемся... время меняет нашу внешность, и все равно мы возвращаемся в детство.

В Лепшайе была школа, куда я ходил с одной из своих сестер, Аполонией. Она была на год старше меня, но учились мы в одном классе. Потом сестру оставили на второй год, чтобы она меня подождала, потому что в нашей школе было только четыре класса.

Я тогда начал рисовать — дети заметили, что у меня хорошо получается, и стали просить: «Помоги, у меня не выходит». Тут я начал понимать, что и у меня есть какой-то плюс, но все равно в дворовых играх не участвовал. Помню, раз получил камнем прямо в лоб, а бросил камень сын председателя нашего колхоза. Я пошел с мамой к председателю, хотя знал, что толку

никакого не будет, но мама должна показать председателю колхоза, как тот плохо воспитывает сына. Сына этого, может быть, и хорошо воспитывали, просто характер у него был не такой, как у меня. Я был, скорее, наблюдатель и мечтатель, и до сих пор таким остался. Возможно, это и позволило мне пережить трудные времена — например, когда мы учились в институте, я никогда не жаловался, как другие.

На что пожаловаться всегда можно найти — взять хотя бы трудную жизнь в деревне, — но это жизненный университет. В деревне все диктует природа: солнце, засуха, дождь... Иной раз человек трудится, а весь труд прахом. У родителей ни отпусков не было, вообще ничего — только работа, работа, работа, помогай, помогай, помогай... чтобы заработать эту копейку. Копейка нужна, чтобы купить учебники, то да сё... Потребности у меня в детстве были — меньше некуда. Я мечтал только о ботинках — в школе раз в год выдавали ботинки. Черные такие, самые обыкновенные. Пахли кожей... вот такая была у меня сокровенная мечта. Шагать в них по грязи, по снегу — это ж как удобно: по замерзшему снегу идешь, будто Христос по воде, — но если набьется в ботинки, известно, что ноги промокнут, поэтому я больше любил морозы. А когда снегу навалит, во дворе протапывали такой туннель — снежное ущелье.

Многое мне вспоминается будто из сказки. Например, колодец — про колодец целый рассказ может получиться. Или про крышу... это же извечные вещи. Без колодца никак нельзя — это чистая вода, для нас и для животных, и для гостя, когда приедет... а крыша сперва была соломенная, но с годами обветшала, потом настлали такой черный картон, пропитанный дегтем, потом его заменили деревянными дощечками; дощечки эти через несколько лет тоже покособились и стали пропускать воду, а когда и они сгнили, придумали положить так называемый шифер — что-то вроде черепицы. А крыша-то была не одна: дом, где мы жили, — раз, потом дом, где жила скотина, и еще третий дом, где хранилось зерно и сено. Были счастливые минуты, которые я помню, но в жизни — на то она и жизнь — таких приятных прекрасных минут не очень много.

Я вообще понятия не имел, что такое искусство, но у меня было чувство прекрасного. Я даже устроил с ребятами театр в деревне. Идея была моя, потому что мне было близко все, что связано с творчеством, с фантазией. И театр был очень близок... сейчас тоже: путешествуя по миру, я стараюсь, где только можно, бывать на спектаклях — достаю билеты, приглашения,

прохожу как журналист. Чего мне не хватало в театре? Фантазии — я ведь всегда жил отчасти в сказке, отчасти именно в фантазиях. Сын иногда мне говорит: «Отец, возвращайся!» — потому что я задумываюсь, и он чувствует: я уже не слушаю, что он мне рассказывает, я где-то на своей планете, в своем мире, вот он и говорит: «Возвращайся».

Я тогда много фотографировал наше «поместье» в Лепшяе — например, двор. Простой двор очень бедных людей. Осталось порядком фотографий, я их показываю на разных выставках, и всегда они вызывают большой интерес. Показывал в Норвегии, в Сеуле, в Японии... Как хорошо быть трудолюбивым (в меру, конечно): если бы я тогда не снимал, не о чем было бы говорить. Все бы прошло и быльем поросло.

Сестры и сейчас живут в Паневежисе. У каждой своя жизнь, нелегкая. Я иногда туда езжу. В Литве выпустили альбом о моем творчестве, о моей жизни, и в Паневежисе была презентация, приуроченная к выставке. Кроме того, паневежская библиотека хранит всякие мои мелочи, иначе говоря, собирает архив. Все, что я даю, например, рисунки, открытки, письма, графику. Помалу накапливается архив, который когда-нибудь, при попутном ветре, может быть, станет музеем.

Мой путь начался в Паневежисе. Тамошний учитель рисования посоветовал мне учиться искусству, потому что, живя все эти годы с родителями в деревне, я думал о том, как бы уехать. Так получилось, что я поступил в Каунасский техникум прикладного искусства, научился проектировать художественные изделия из кожи. Любовь к коже у меня осталась до сих пор. Увижу кожаную сумку, или пояс, или портмоне и сразу понимаю, что могу смотреть на этот предмет критически, то есть чувствую себя каким-никаким специалистом. Даже в Нью-Йорке, помнится, разглядываю кожаную сумку, а продавец спрашивает: «Почему вы так придирчиво рассматриваете?» Отвечаю, что я специалист, а он мне: «Тогда, может, что-нибудь для нас спроектируете?» Я купил эту сумку за 150 долларов; посчитал, что сделана она хорошо: функциональная, практичная, да и эстетически удачная. Она повсюду со мной.

Возвращаясь к годам учебы... Из Каунаса я поехал в Вильнюс поступать в Государственный художественный институт. Каждый выпускник Каунасского техникума получал направление на работу, но я сказал, что никакого направления мне не нужно, хочу продолжать учиться. Я благополучно сдал

экзамены и следующие пять лет провел в Вильнюсе — с шестьдесят восьмого по семьдесят третий, пока не закончил институт, сейчас он называется Вильнюсской художественной академией. Время тогда было... скажем так: интересное. Я был довольно замкнутый, в кафе не ходил, все время рисовал... мне хотелось учиться. Я знал: тех скромных денег, что дают родители, должно хватать. Сам я не зарабатывал, и главная моя задача была — как можно больше времени посвящать практике: рисовать, писать, делать экслибрисы. На первом курсе мы познакомились с разными техниками: графика, живопись, даже немного керамика...

Нас учили разным вещам, и все это было мне близко. Я считал и сейчас так считаю: неважно, к чему прикоснутся твои руки — коснешься дерева, сумеешь из этого дерева волшебным образом что-то сотворить; коснешься линолеума, из него тоже сумеешь... это же могу сказать про бумагу или любой другой материал. Поэтому знакомство с разными техниками мне очень-очень пригодилось, я до сих пор этим умением пользуюсь. Что бы я ни делал — реквизит для фотосъемки, для дизайна, или моя работа в театре «Студио» — все это мне пригодилось.

Ну а потом, конечно, настала пора выбирать, чему дальше учиться: либо графике, либо живописи. Мой преподаватель сказал: «Ваша группа должна поделиться пополам. Часть студентов будут графиками, часть — живописцами. Тебе советую пойти на живопись». И я пошел на живопись, но продолжал делать экслибрисы для знакомых и незнакомых. Тогда я уже читал польские газеты и журналы. Приготовил подарки для Абаканович, для Шайны, для велосипедиста Шозды^[1]. Я понимал, что вряд ли когда-нибудь вручу им эти подарки, но это было такое... мое. На оттиске для Шайны одна буква в фамилии вышла неправильно, и он, когда получил этот экслибрис, сказал: «Получил я... получил от вас экслибрис, но, видите, одна буковка шиворот-навыворот». Ну да, когда рисуешь на металле, все буквы нужно рисовать наоборот, зеркально, чтобы на бумаге затем отпечаталось уже правильно. Польский я еще не очень хорошо знал, поэтому ошибся, но это перевертывание буковки... симпатичная такая вышла ошибка, я бы даже сказал любопытная. Тогда у нас с Шайной завязалась дружба, мы даже вместе записали передачу на радио. Потом он меня повез в центр Варшавы и сказал: «Я недавно вожу машину, советую и вам научиться, сразу становишься другим человеком». Заманчивый был совет, но я так Шайну и не послушался — до сих пор не умею водить машину.

Итак, поначалу были экслибрисы, потом я писал портреты, пытался создавать на плоскости рельеф, чего-то там приклеивал, еще что-то делал... короче, не знал покоя, потому что информация извне тогда приходила ничтожная и видели мы всего ничего. В библиотеке, конечно, были альбомы... эти, классические... а мировые новости приносил только «Проект» или «Пшеглёнд артыстычны» («Художественное обозрение»), но их еще нужно было прочитать. Мой преподаватель живописи, когда летом у нас была практика в деревне, как-то оставил во дворе книжку; я ее взял и вижу: книжка на польском языке. Подумал: почему я не знаю этого языка? Заглянул внутрь — посмотреть, как выглядят польские слова, увидел, что кое-какие значения можно угадать, потому что у некоторых слов есть что-то общее с русскими, и тогда я пошел в книжный магазин и купил учебник «Говорим по-польски». И стал потихоньку его штудировать. Еще я покупал журналы и газеты — «Пшекруй», «Трибуну люду»... Самым интересным, пожалуй, был «Пшекруй», там тогда много печатали про искусство. Ну и мало-помалу мой польский продвигался вперед.

В семьдесят втором году я получил приглашение от одного коллекционера экслибрисов из Быдгоща — поэта Эдмунда Пуздровского; вот тут-то и произошла первая проверка моих знаний. Я сошел с поезда в Варшаве на Гданьском вокзале — пришлось спрашивать у людей, как добраться до Центрального вокзала, а оттуда в Быдгощ. Кое-как справился.

Это первое путешествие в Польшу во всех отношениях оказалось очень интересным. Я объездил много городов, был в горах, в Кракове, Величке, Освенциме — у меня была составлена целая программа, и я ее выполнил. Поездка продолжалась... не помню точно, кажется, две недели, и каждый день был целиком заполнен: я знакомился с разными местами и с польским искусством.

В Быдгоще я побывал в музее, и у меня открылись глаза: польское современное искусство было очень разным, а тут я впервые увидел современную живопись. Кроме того, я был помешан на кино и понял, что если в Польше что-то показывают в «студийном кинотеатре» — это для меня. Тогда, помню, я посмотрел несколько фильмов, которые остались в памяти до сих пор. Это «Фотоувеличение» Антониони, «На самом дне» Сколимовского и документальный фильм Папузинского о Старовойском^[2]. Помню, что фильм об искусстве тоже стал для меня открытием: выходит, искусство можно показать и таким способом. Когда я, вернувшись в

Вильнюс, рассказывал студентам о том, что видел, они говорили: я рассказываю так, что они видят все, будто сами там побывали. Я им про все рассказывал. И про фильмы эти — вообще про все, что видел.

Хотя это было еще при социализме, наш институт как-то умудрялся жить интересной жизнью. Меня тогда выбрали... не знаю, как назвать... старостой... в общем, руководителем творческого кружка. Для тех, кто помимо обязательных занятий еще что-то рисует. Это было интересно: не так уж много студентов что-то создавали в свободное время. Я в этом смысле немного выделялся — этакий одиночка. Сосредотачивался главным образом на том, что было близко, под рукой. Конечно, надо было выполнять академические задания: рисовать с натуры — например, сидящую модель, обнаженную либо одетую, или драпировки, или натюрморты... Преподаватель всё это устанавливает и говорит студентам: «Рисуйте». Одни рисовали быстрее, другие медленнее... не очень интересные занятия, никакой креативности. Но были еще занятия по композиции — в сто раз интереснее; на них-то мой профессор и заметил, что у меня есть воображение, и пошире открыл передо мною дверь.

Когда пришло время делать дипломную работу, я поехал на море — задумал такую картину: брошенные корабли в Клайпеде, — но мою идею не утвердили, сказали, недостаточно оптимистичная. Тогда я написал нашу группу. Нас было четверо: две девушки и два парня; я изобразил всех четверых сидящими возле античных статуй, в драпировках. Этакая безмятежность, но без идеологической окраски, хотя мой товарищ, заглядывая в гэдээровские журналы об искусстве, рисовал революционеров. Я смотрел, как он работает над своим дипломом, и диву давался: как так можно?! Одна девушка из нашей группы, кстати, очень способная, писала рабочих на электростанции, но в манере Леже. Тема как тема; важно, как студент ее представит. Любую тему можно решить очень интересно и оригинально. А у второй девушки на картине была мать с младенцем, сидящая у окна. За окном виден новый район города. Ну что ж... закончили мы Академию, из нашей группы один только я выбрал творческий путь, остальные разошлись кто куда.

Помню, у меня была выставка в галерее театра «Студио» в Варшаве. Пришел Гжегожевский^[3] и сказал: «Когда будет минутка, зайдите ко мне, надо поговорить. Напишите пьесу и сами ее поставьте. Даю вам полную свободу; получиться должно очень хорошо. Если вам не подойдут актеры театра

[«Студио»], я наберу людей с улицы». Его приказ нельзя было не исполнить, и я стал писать «Белого оленя». Сделал несколько набросков; первое, что пришло в голову — сочинить пьесу о преодолении границ, но потом я подумал: нет, надо, чтобы это было что-то очень мне близкое и очень знакомое, то есть мать. Началось все, конечно, с реквизита. Я пошел к реквизитору, увидел голову оленя и подумал: вот оно! — потому что мама когда-то просила нарисовать ей оленя, луг и лес. Все слова в этой пьесе абсолютно подлинны: то, что я говорил маме, о чем она меня просила, слова, с какими она обращалась к отцу. Это польско-литовская пьеса и пьеса о путешествии, о вечном странствии. Не то, чтобы я хотел открыть какие-то великие истины... я лишь заметил, что только посредством простых вещей можно сказать очень многое и что-то умное. Для спектакля изготовили сколько-то там деревянных чемоданов, потом еще деревянную книгу, какие-то металлические шутовины, которые издают звуки, как лесное эхо. Премьера была в девяносто третьем году, на сцене пьеса оставалась, если не ошибаюсь, до девяносто восьмого; а еще мы с ней немножко ездили. Были даже в Вильнюсе. Ирена Юн, которая играла мою маму, даже записала у себя на ладони литовские слова, чтобы сделать приятное вильнюсцам. Это она здорово придумала. Были очень хорошие встречи со зрителями.

Когда я работал с актерами, они не очень-то верили, что художник сумеет поставить пьесу, и весь процесс создания спектакля был непростой. Дошло даже до бунта актеров.

Гжегожевский сказал, что мне нужно присутствовать на сцене как можно больше, и я должен спеть песню. Вот как, оказывается, полезно знать хотя бы одну песню! Я эту песню — естественно, литовскую — пел во всех странах, куда только ни попадал: и в Японии, и в Индии; повторяю: везде, где бывал. Я считаю, песня передает и атмосферу и настроение страны, откуда ты родом.

Потом была еще постановка «Деревянного человека». Когда я сделал в Люблине сценографию для «Пиноккио», директор театра «Студио» Кшиштоф Космаля сказал: «Поставь у нас спектакль — не классического Пиноккио, а оригинальную импровизацию: Пиноккио для взрослых». Тогда и была сделана деревянная кукла, похожая на меня. Живьем я в постановке не участвую — только в виде этого деревянного человека. Есть там и песни, и фотографии, которые я снимал. А еще портреты родителей и репродукции моих картин и рисунков. Получилось цельное произведение.

Я мечтал проводить репетиции в театре шепотом: актер должен так меня слушать, чтобы я не только на него не кричал, но разговаривал с ним, понизив голос. А Гжегожевский меня учил: «Кричи, ругайся!» А я ему на это: «Как же так, ведь они взрослые люди, которых я плохо знаю». Вот именно: плохо знаю.

Мое искусство — совершенно другой коленкор, совершенно другое дело. Я говорил актерам: «Вы должны подняться на пять сантиметров над землей». Не знаю, поняли они меня или нет. Но если актеру непонятна твоя стилистика, твой мир, он просто равнодушно выполняет твои указания. Это совершенно не то, что нужно; получается, ты работаешь с командой, собранной случайно — только затем, чтобы сыграть одну конкретную пьесу.

Руководство в театре «Студио» менялось, и к тому времени, когда «Деревянный человек» был готов, пришел новый директор. При нем спектакль играли. Потом, при двух очередных директорах, играть перестали. Когда я уезжал из деревни Лепшай, моей заветной мечтой были путешествия. Я хотел увидеть в этом мире как можно больше. И увидел мир — и с той стороны, и с другой. Теперь, пожалуй, я уже не такой любитель путешествовать, однако есть места, о которых я всегда мечтал, но никогда там не был. Я никогда не был в Китае, никогда не был в Исландии. Недавно побывал в Эстонии. Любопытно было поглядеть спустя сорок лет.

Вернувшись из путешествия, я пишу очерк, на свой лад подвожу итоги — не как журналист, а как наблюдатель.

Первым моим «западом» оказался Париж. Получилось не очень удачно: восемьдесят первый год, август, большинство галерей закрыты. Но музеи были открыты, и я ходил по музеям. Помню, отыскал в каталоге адрес Ролана Топора и просто-напросто к нему пошел. Очень приятная была встреча. Потом я еще несколько раз был в Париже, и Топор всякий раз приглашал меня к себе в мастерскую или в кафе. Когда встречаются два художника, долгий разговор вовсе не обязателен. Ощутишь дружелюбную энергию, выпьешь вина или кофе, поглядишь кое-какие работы... Для меня самое важное — чувствовать, что энергия дружелюбная; вот, например, в Японии я встречался со многими художниками из разных стран, тоже высочайшего класса, но они мало доступны, постоянно говорят, что заняты.

Помню, в Японии открывалось триеннале искусства. Такого уровня знаменитостей понаехало очень много. Было открытие, все сидели в зале, директор приглашал этих великих на сцену,

но никто не вышел, с публикой говорить не захотел, все выкручивались: мол, они сейчас на отдыхе, так что не обязаны... И тогда директор, который знал, что в театре идет мой «Белый олень», что я там играю и пою, сказал: а может быть, Стасис придет к нам и споет? Я подумал: это же не Большой театр, ничего от меня не убудет, а раз директор триеннале просит, надо его просьбу исполнить. И я спел эту свою песню, без всякого аккомпанеента; зал был изумлен. Просто настала такая тишина... меня с таким вниманием слушали... Как я уже говорил: с этой песней я странствую по свету.

Необыкновенная встреча была у меня в Иерусалиме. На книжной ярмарке. Там выступал Ружевич; он прочел свое стихотворение про оплеванного поэта^[4]. Я ответил ему стихотворением про оплеванного художника, где написал, что художнику слюна может даже пригодиться — хотя бы для разведения акварельных красок. Ружевичу это очень понравилось; потом, уже вернувшись, я стал получать открытки, подписанные «Тадеуш Р.» Думаю: кто такой? Не сразу сообразил, что Тадеуш Р. — это Ружевич.

Потом Ружевич навестил меня в мастерской и за бокалом вина стал рассказывать... Я почти ни о чем не спрашивал, он сам рассказывал, рассказывал — так река течет; я только слушал. Потом он смотрел мои картины и возле одной сказал, что мы должны на ее фоне сфотографироваться и обменяться рукопожатием.

Вот такие бывают приятные неожиданные встречи.

Я очень люблю иногда послушать человека и счастлив, когда самому не нужно говорить.

Помню, как мы впервые увиделись с Конвицким в кафе издательства «Читательник». Он меня узнал, обнял и сказал: laba diena (по-литовски «добрый день») — Конвицкий тоже родом из Литвы. Когда мы здоровались, кто-то нас щелкнул... Всего одна короткая минута; настоящего разговора у нас так никогда и не случилось... только это «laba diena». С тех пор всякий раз, когда я встречал его на улице Новы Свят, мы обменивались этим «laba diena».

Перевод Ксении Старосельской

Стасис Эйдригявичюс (р. 1949), литовец, с 1980 года живущий в Польше, выдающийся живописец, график, иллюстратор, перформер и драматург; пользуется широким признанием в мире искусства от Японии до Соединенных Штатов.

1. Магдалена Абаканович (1930–2017) — художник, скульптор, создатель скульптурных форм и композиций из текстиля.
Юзеф Шайна (1922–2008) — режиссер, сценограф, в 1972–1981 гг. возглавлял Центр искусств «Студио» в Варшаве.
Станислав Шозда (1950–2013) — польский велосипедист, олимпийский чемпион.
2. Франтишек Старовейский (1930–2009) — график, живописец, сценограф.
3. Ежи Гжегожевский (1939–2005) — театральный режиссер, сценограф; в 1982–1990 гг. директор Центра искусств «Студио» в Варшаве.
4. «Патриотическая поэма»

Из редакционной почты

Решение, вызывающее непростые вопросы

17 июля 2017 года в Польше на высшем государственном уровне было принято решение о повсеместном сносе памятников советской эпохи. В соответствии с польским законодательством оно начнет осуществляться через три месяца. Подобное решение имеет множество измерений: правовое, историческое, политическое, ментальное, моральное, культурологическое.

Правовое измерение представляется вполне корректным. Выдержаны все необходимые юридические процедуры. Вместе с тем возникают непростые вопросы касательно остальных измерений.

Историческое измерение побуждает бросить ретроспективный взгляд на советско-польские отношения. Конечно, из истории не вычеркнешь Польшевком, поддержку Москвой террористических формирований на территории досанационной Польши, драматический 1939 год, сталинские репрессии, депортации, Катынь, экспорт советской модели социализма. Вместе с тем Польша должна быть за многое благодарна Советскому Союзу.

Именно Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) сыграла главную, решающую роль в освобождении Польши от германских оккупантов. За это великое дело 600 000 красноармейцев навсегда остались лежать в польской земле. В ходе изнурительных боев полтора миллиона советских солдат и офицеров получили ранения разной степени тяжести. Для сравнения: по всей Восточной Европе за время военных операций 1944–1945 гг. у РККА показатель по ранениям был равен трем миллионам. Сотни тысяч красноармейцев совершали подвиги, оцениваемые по самым высоким моральным меркам. То, что будет демонтировано 230 памятников, напоминающих об этих подвигах, представляется вызовом совести и морали, попранием общечеловеческих ценностей.

Снос памятников означает вычеркивание из исторической памяти маршала Г.К. Жукова, продемонстрировавшего

полководческое искусство при проведении Висло-Одерской и Восточно-Померанской операций, маршала И.С. Конева, чей военный гений во многом предрешил исход Висло-Одерской, Нижне-Силезской, Верхне-Силезской операций, маршала К.К. Рокоссовского, генерала армии И.Д. Черняховского, маршала И.Х. Баграмяна, с именами которых связана выдающаяся и по замыслу и по осуществлению Восточно-Прусская операция. Особо следует сказать об этническом поляке Константине Константиновиче Рокоссовском, который был также соавтором победы в Восточно-Померанской операции. Ни до Рокоссовского, ни после Рокоссовского в истории польского народа не было равных ему полководцев.

Архивные документы свидетельствуют о благожелательном отношении польского народа к советскому воину-освободителю после пересечения РККА советско-польской границы. Это была естественная реакция людей, переживших германскую оккупацию. О том, что было связано с этой оккупацией, четко и ясно доносили в Москву оперативно действовавшие политорганы РККА. Процитируем одно из таких донесений: «зафиксированы многочисленные случаи массового уничтожения, грабежа и истязания польского населения гитлеровцами, варварского разрушения оккупантами населенных пунктов и объектов культурного наследия». К этому следует добавить, что оккупанты имели чудовищные планы в отношении поляков в рамках генерального плана «Ост», которые были бы полностью осуществлены, если бы не было освободительной миссии РККА. Согласно этим планам в самой Польше оставалась только пятая часть всех этнических поляков, свыше половины принудительно выселялись, остальные подлежали физическому уничтожению.

Поистине, исторической была роль СССР в решении вопроса о новых границах Польши в 1945 году. Именно благодаря твердой позиции СССР для послевоенной Польши стало реальностью «существенное приращение территории на севере и на западе». Это приращение несло в себе плюсы геополитического и экономического порядка. Поляки получили пространство, которое на протяжении 581 км непосредственно прилегал к Балтийскому морю. Для Второй Речи Посполитой этот показатель был равен 140 км. Статус пограничных пунктов приобрели Свиноуйсьце, Щецин, пограничных рек — Одра, Ныса Лужицкая. «Приращение территории» заканчивалось на линии польско-чехословацкой границы. Польше передавалась часть Восточной Пруссии. Снова становилось польским пространство, которое имело название Вольный город Гданьск.

Советский Союз согласился с тем, чтобы территориальная сфера польского государственного суверенитета расширилась за счет новых массивов, расположенных на восток от «линии Керзона». А это исконно белорусская Белосточчина, немалая часть Беловежской пуши!

Есть основания считать, что в определенной степени соответствовал национальным интересам Польши ее стратегический союз с СССР в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского Договора (ОВД). До 1970 года относительно устойчивой реальностью в межгосударственных отношениях являлась направленная на соблюдение баланса интересов диверсификация поставок. Подобная диверсификация сыграет ключевую роль в доведении до логического конца процесса формирования технологического базиса индустриальной цивилизации в Польше. Оптимально диверсифицируя свои поставки, СССР выступил спонсором этого исторического процесса, тесно связанного с резким изменением места Польши в мировой промышленной табели о рангах. Если бы не стратегические ошибки правивших элит в обеих странах, всё более обозначавшиеся с начала 1970-х гг., двустороннее сотрудничество складывалось бы столь успешно и в последующие годы. Что же касалось ОВД, то он в целом успешно выполнял функцию фактора стабильности в международных военно-политических отношениях.

Памятники советской эпохи не нарушали городской ландшафт, органически вписывались в архитектуру населенных пунктов.

Сам факт их существования являлся одной из нитей, которые связывали польский и советский народы, а после распада СССР — поляков и население постсоветских государств. После 17 октября 2017 года эта нить обрывается. Несомненно, данное обстоятельство негативно воспринимается ветеранами Советских Вооруженных Сил, освобождавшими Польшу, лицами, которые были вовлечены в советскую народную дипломатию на польском направлении, бывшими военнослужащими Северной группы войск, а также теми, кто в советскую эпоху наполнял реальным содержанием двустороннее деловое сотрудничество.

профессор Михаил Васильевич Стрелец, Брест

Уважаемый господин профессор,

Я внимательно прочитал Ваше письмо. Мне бы хотелось, чтобы разницы во взглядах всегда находили выражение в такой форме, но я опасаясь, что вопрос памятников вызовет много волнений и гнева.

Я должен подчеркнуть, что Ваше письмо меня глубоко тронуло, и я отвечаю на него как частное лицо, не от имени государства или какой-либо организации.

Мне кажется, что Вы несколько идеализируете послевоенные польско-советские отношения, которые были все же результатом подчинения Польши восточному соседу, что нашло свое отражение на политическом, экономическом и культурном уровне. Все это известно мне из личного опыта, но сейчас я предпочту ограничиться общими констатациями. Все эти вопросы хорошо изучены историками.

Лозунг дружбы народов был навязан нам сверху и вдалбливался детям уже в начальной школе. Все мы знаем, какую реакцию вызывает педагогика такого рода и грубая пропаганда.

Памятники в честь Советской армии устанавливались в годы, когда поляки, арестованные преследующими их отделами НКВД, сидели в советских лагерях. Можно сказать, что над ними уже тогда нависло какое-то проклятие.

Никто в Польше не посягает на могилы солдат, которые пали в бою, сражаясь с немецкими захватчиками, мы относимся к ним с уважением. Другое дело памятники, которые — Вы позволите, что по этому вопросу я буду придерживаться иного мнения — все же никогда не были органической частью наших городов. В основном их устанавливали в период, когда в искусстве господствовал соцреализм, и с точки зрения эстетики они довольно уродливы, что не способствуют ни серьезному подходу, ни размышлениям.

Поэтому мне ничуть не жаль этих памятников, но я не люблю массовых акций, травли и погромов. Впрочем, надеюсь, что это постановление не будет претворяться в жизнь слишком уж исправно, и грохот разбивающихся памятники молотов не заглушит дискуссию, которую всем нам стоит вести.

С уважением

Петр Мицнер, заместитель главного редактора «Новой Польши»